

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова

На правах рукописи

Сюн Чанван

**СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ «НЕДОВОЛЬСТВА СОБОЙ» В
РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Богданова Людмила Ивановна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
ГЛАВА 1. Теоретические основы изучения эмоций в лингвистике	10
1.1. Эмоции как объект лингвистической науки.....	10
1.1.1. История изучения эмоций в российской лингвистике	11
1.1.2. История изучения эмоций в китайской лингвистике	13
1.1.3. Общее представление об эмоциях.....	14
1.1.3.1. Основные характеристики эмоций.....	17
1.1.3.2. Классификация эмоций	19
1.1.4. Самооценка как предмет изучения гуманитарных наук.....	21
1.1.4.1. Понятие самооценки в психологии	21
1.1.4.2. Понятие самооценки в лингвистике.....	23
1.2. Теоретические основы когнитивной лингвистики	25
1.2.1. Концепт: история развития учения о концепте.....	25
1.2.1.1. Концепт с точки зрения когнитивной лингвистики.....	26
1.2.1.2. Концепт с точки зрения лингвокультурологии	27
1.2.2. Методики концептуального анализа.....	29
ГЛАВА 2. <i>Недовольство собой</i> как эмоционально-оценочное состояние.....	40
2.1. Понятие <i>недовольство собой</i> в русском и китайском языках: этимология, семантика, культурные особенности.....	40
2.2. Ситуации проявления <i>недовольство собой</i> в сопоставляемых языках.....	43
2.3. Противопоставление <i>недовольство собой</i> и <i>самодовольства</i> в русской и китайской традициях	46
2.4. <i>недовольство собой</i> и его ключевые эмоционально-этические проявления в русском и китайском языках	47
ГЛАВА 3. Чувство «вины» как основа <i>недовольства собой</i> в русском и китайском языках.....	49
3.1. «Вина»: основные характеристики	49
3.1.1. Содержание понятия «вина» в сопоставляемых языках.....	49
3.1.2. Репрезентация понятия «вина» / 过错 / 自责 в русском и китайском фразеологическом и паремиологическом фондах	58
3.1.3. Различия в интерпретации «вины» в русских и китайских фразеологизмах.....	62
3.2. Метафорическое осмысление понятия «вина» / 过错 / 自责 в сопоставляемых языках	63
ГЛАВА 4. Чувство <i>недовольства собой</i> и нравственные категории «Стыд» и «Совесть».....	67

4.1. Содержание понятия «стыд» в сопоставляемых языках	67
4.2. «Стыд» как реализация <i>недовольства собой</i> в сопоставляемых языках	70
4.2.1. Центральные репрезентации «стыда» как <i>недовольства собой</i>	70
4.2.2. Периферийные репрезентации «стыда».....	74
4.3. Репрезентация понятия «стыда» / 惭愧 в русском и китайском фразеологическом и паремиологическом фондах.....	77
4.4. «Совесь» как средство выражения <i>недовольства собой</i>	83
4.4.1. Содержание понятия «совесь» в сопоставляемых языках.....	83
4.4.2. Метафорическое осмысление понятия «совесь» / «良心» в китайском и русском языках	90
4.4.3. Различные метафорические осмысления «совесь» в сопоставляемых языках	98
4.5. Репрезентация понятия «совесь» в русском и китайском фразеологическом и паремиологическом фондах.....	102
4.6 Различия в осмыслении «совести» в русских и китайских фразеологизмах	106
ГЛАВА 5. Социально-оценочный аспект понятий, обозначающих <i>«недовольство собой»</i>	111
5.1. «Честь» как средство выражения <i>недовольства собой</i>	111
5.2. Репрезентация понятия «честь» / 荣誉 в синтагматическом ряду в сопоставляемых языках.....	116
5.3 Репрезентация понятия «честь» / 荣誉 во фразеологическом и паремиологическом фондах в русском и китайском языках.....	120
5.4 Понятие «потеря лица» как средство выражения <i>недовольства собой</i> в сопоставляемых языках	122
5.5 Понятие «потеря лица» в сопоставляемых языках	126
5.6. «Потеря лица» как реализация <i>недовольства собой</i> в сопоставляемых языках	128
5.6.1. Причины «потери лица», связанные с <i>недовольством собой</i>	129
5.6.2. Общие причины «потери лица».....	131
ГЛАВА 6. Средства, косвенно обозначающие <i>недовольство собой</i> при сравнении себя с другими.....	138
6.1. «Зависть» и «Ревность» как средство выражения <i>недовольства собой</i>	138
6.2 Содержание понятий «зависть» и «ревность» в сопоставляемых языках	139
6.3 Репрезентация понятий «зависть» и «ревность» / 嫉妒/羡慕 в русском фразеологическом и паремиологическом фондах.....	148
6.4 Репрезентация понятий «зависть» и «ревность» / 嫉妒 / 羡慕 в китайском фразеологическом и паремиологическом фондах	154
6.5 Понятия «зависти» и «ревности» 嫉妒/羡慕 в текстах в китайском и русском языках.....	157
6.6 Метафорическое осмысление понятий «зависть» и «ревность» 嫉妒/羡慕 в китайском и русском языках	161

6.6.1. Метафоры «зависти» в двух сопоставляемых языках: общие и уникальные черты	162
6.6.2. Метафорическое осмысление понятия «ревность» в двух сопоставляемых языках	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	175
ЛИТЕРАТУРА	180
ПРИЛОЖЕНИЕ	197

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена выявлению и анализу языковых средств, репрезентирующих в русском и китайском языках семантическое содержание *недовольства собой* как одного из проявлений самосознания и самооценки. *Недовольство собой* рассматривается в работе как эмоционально-оценочное состояние, возникающее при осознании человеком несоответствия собственных действий или качеств внутренним либо внешним нормам и сопровождающееся самокритикой. Критическое отношение к себе и своим поступкам – это важная часть самосознания человека. Внутренний мир личности, ее эмоциональные и моральные переживания получают отражение в языке. В данной работе рассматривается нравственный аспект отношения человека к себе и своим поступкам. *Недовольство собой*, как одна из нравственных составляющих внутреннего мира личности, исследуется через анализ лексико-фразеологических реализаций вины, стыда, совести, чести, зависти и ревности.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена:

1) возрастанием интереса к проблемам морального самосознания личности, ее способности к самооценке и рефлексии; 2) языковой и культурной значимостью рассматриваемого феномена и нравственных категорий, связанных с ним; 3) отсутствием его целостного описания в лингвистике и связанной с этим необходимостью выявления и анализа языковых средств выражения недовольства собой и смежных понятий (вины, стыда, совести, чести, зависти, ревности), формирующих основу моральной самооценки; 4) необходимостью системного и комплексного сопоставления способов выражения недовольства собой в русском и китайском языках с целью определения общих и этноспецифических характеристик репрезентации данного эмоционально-оценочного состояния.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема анализа языковых средств, выражающих *недовольство собой*, до настоящего времени

не получила системного освещения. В лингвистических исследованиях основное внимание уделялось смежным категориям – *вине, стыду, совести*, а *недовольство собой* рассматривалось фрагментарно и не выделялось как самостоятельный объект анализа, не учитывались также различия между прямыми и косвенными способами выражения критической самооценки. Для осмысления сущности *недовольства собой* значимы работы, посвященные оценке и ценностным смыслам (Н.Д. Арутюнова; Е.М. Вольф; А.А. Зализняк; В.В. Красных; В.Н. Телия и др.), а также семантические исследования (Ю.Д. Апресян; А. Вежбицкая; Н.А. Красавский; Т.И. Стексова; В.И. Шаховский и др.). Существенный вклад в изучение оценки и семантики эмоций внесли труды по лингвокультурологии и эмотивной лингвистике (А.В. Кунин; В.А. Маслова; В.И. Шаховский; В.Н. Телия; З.Д. Попова; Н.А. Красавский), а также исследования общих механизмов эмоциональной коммуникации (А. Вежбицкая; К. Изард; С.Л. Рубинштейн; В.И. Шаховский и др.). Вместе с тем в научной литературе сохраняются лакуны в изучении языковых средств, непосредственно и опосредованно обозначающих *недовольство собой*.

В китайской лингвистике изучение некоторых аспектов самооценки началось лишь в XXI веке. К основным направлениям исследования можно отнести семантический анализ слов с компонентом «自-» (само-): 自责 (букв. самообвинение), 自卑 (букв. самоуничижение) (труды Ван Ин), сопоставление понятий 面子 (букв. *лицо*) в китайском и честь в русском (Шень Цзяюань), сопоставительный анализ реализаций понятия стыд в русском и китайском языках (Лю Цзоянь), а также изучение проявлений *недовольства собой* в метафорическом аспекте (Шу Динфанг).

Объектом исследования являются языковые средства обозначения *недовольства собой*.

Предметом исследования являются – сходства и различия в наборе лексико-фразеологических средств, описывающих *недовольство собой*,

связанные с понятиями вины, стыда, совести, чести, зависти и ревности в русском и китайском языках.

Цель данной работы заключается в выявлении, описании и интерпретации общих и национально-специфических характеристик при обозначении *недовольства собой* в русском и китайском языках с помощью сопоставительного анализа лексико-фразеологических единиц, содержащих данный компонент значения.

Достижение поставленной цели потребовало решения ряда задач:

1. Выявить основные характеристики понятия недовольства собой в русском и китайском языках.

2. Определить роль нравственных категорий – вины, стыда, совести и чести – в формировании недовольства собой и их взаимодействие с данным эмоциональным состоянием.

3. Установить взаимосвязь между завистью, ревностью и недовольством собой и выявить механизмы социального сравнения себя с другими в русской и китайской традициях.

4. Выявить различия в интерпретации рассматриваемых нравственных категорий в двух лингвокультурах на основе их метафорических и фразеологических репрезентаций.

5. Определить специфику языковой репрезентации недовольства собой и ее связь с культурными понятиями китайской и русской традиций.

Гипотезой данного исследования послужило предположение о том, что *недовольство собой* – это результат самооценки человека в совокупности с оценкой его поступков другими людьми, коллективом, обществом. Самоанализ человека, оценивание его поступков социумом получают отражение в языке в вербальных реализациях этических понятий, связанных с нравственными категориями вины, стыда, совести, чести, зависти и ревности, т.е. понятий, имеющих отношение к нравственному сознанию. Изучение средств обозначения *недовольства собой* позволяет выявить сходства и различия в способе представления этических категорий в двух

языках, что способствует пониманию различий в мировидении и этическом сознании двух народов.

Методы исследования: описательно-аналитический метод использовался для систематизации языкового материала и обобщения полученных результатов; дефиниционный анализ – для выявления семантического объема и оценочных компонентов ключевых лексем и фразеологических единиц, репрезентирующих эмоционально-оценочные состояния; метафорический анализ – для описания образных моделей эмоционально-оценочных состояний (вины, стыда, совести, чести, зависти и ревности); контекстуальный анализ – для изучения функционирования языковых единиц со значением недовольства собой в текстах и выявления условий актуализации самокритической оценки; сопоставительный анализ применялся для выявления универсальных и национально-специфических особенностей репрезентации недовольства собой в русском и китайском языках; концептуальный анализ использовался при исследовании языковых реализаций нравственных категорий (вины, стыда, совести, чести, зависти и ревности).

Теоретической базой исследования являются труды в области:

– методологии семантических исследований и сопоставительного изучения языков: (Н.Ф. Алефиренко; Н.Д. Арутюнова; Л.И. Богданова; А. Вежбицкая; Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров; Е.М. Вольф; В.И. Карасик; И.М. Кобозева; Е.С. Кубрякова; Н.А. Красавский; В.В. Красных; Т.В. Ларина; В.А. Маслова; И.А. Меркулова; И.Г. Милославский; З.Д. Попова; С.Л. Рубинштейн; И.А. Стернин; В.Н. Телия; И.А. Шаронов; В.И. Шаховский и др.);

– эмотивной лингвистики и концептуального анализа: (А. Вежбицкая; А. Захарова; А.В. Санников; Б.Г. Мещеряков; В. Вундт; В.А. Маслова; В.З. Демьянков; В.И. Шаховский; Г.Г. Молчанова; Д. Уотсон; Д.С. Лихачев; Е.С. Кубрякова; И.А. Стернин; К. Изард; К. Левин; Л. Берне; Л.И. Богданова;

Н.А. Красавский; Н.Д. Арутюнова; Н.Т. Бунимович; Р. Корсини; С.Л. Рубинштейн; У. Джеймс; Ю.Д. Апресян; 刘娟 Лю Цзюань);

– изучения эмоционально-оценочной лексики и смежных категорий, связанных с самооценкой личности: (Н.Ф. Алефиренко; Ю.Д. Апресян; Н.Д. Арутюнова; А.А. Зализняк; К. Изард; Е.В. Падучева; З.Д. Попова; С.Л. Рубинштейн; И.А. Стернин; Т.И. Стексова; 胡先缙 Ху Сяньцзинь);

– лексической и фразеологической семантики: (Н.Ф. Алефиренко; Ю.Д. Апресян; В.Л. Архангельский; А.П. Бабушкин; А. Вежбицкая; В. Fraser; И.В. Зыкова; А.В. Кунин; Н.А. Красавский; С.А. Маннапова; Е.О. Опарина; В.Н. Телия; А.И. Федоров);

– изучения метафорических моделей: G. Lakoff, M. Johnson; Ю.Д. Апресян; Н.Д. Арутюнова; Л.И. Богданова; Е.М. Вольф; Н.А. Красавский; В.В. Красных; Г.Г. Молчанова; А. Музолф; А. Ричардс; 林书武 Линь Шуу.

Научная новизна работы заключается в следующем:

– выявлены особенности эмоционально-оценочного состояния недовольства собой в межкультурном и межъязыковом аспекте на материале русского и китайского языков;

– установлено, что, в отличие от предшествующих исследований, в которых недовольство собой рассматривалось фрагментарно и преимущественно через смежные категории (*вина, стыд, совесть* и др.), в данной работе оно представлено как самостоятельный объект научного анализа;

– установлено, что использованный в работе подход «от значения – к средствам его выражения» обеспечил системное описание языковых способов репрезентации рассматриваемого эмоционально-оценочного состояния;

– выявлены универсальные и национально-специфические способы вербализации недовольства собой как эмоционально-оценочного состояния в русском и китайском языках;

– введен в научный оборот эмпирический материал (лексика, фразеология, метафорические модели, корпусные примеры), на основе которого установлены ранее не описанные параллели и различия в вербализации данного состояния.

Теоретическая значимость работы определяется следующими факторами:

1) систематизированы средства выражения значения «недовольство собой», что может способствовать идеографическому описанию этого фрагмента эмоциональной сферы человека;

2) установлены национально-культурные компоненты в обозначении данного эмоционального состояния, осмысление которых вносит вклад в развитие лингвистики эмоций;

3) выявлены лакуны в отражении эмоциональной сферы человека разными языками, что углубляет понимание межкультурных различий;

4) обоснован и разработан комплекс разных видов анализа языкового материала и последовательного их применения для системного изучения сложного эмоционально-оценочного состояния, каким является недовольство собой.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что разработка принципов исследования лексических и фразеологических групп может найти применение в преподавании русского и китайского языков; результаты исследования могут быть также использованы в переводоведении и межкультурной коммуникации, кроме того, полученные данные могут быть полезны в лексикографической практике – при создании семантических (идеографических) словарей, тематических словарей, переводных словарей, а также словарей синонимов и антонимов.

Материалом исследования послужили лексические, фразеологические и паремиологические единицы, зафиксированные в словарях русского и китайского языков. Общий объем изученных лексико-фразеологических единиц с учетом лексико-семантических вариантов в русском языке

составляет 138 единиц, в китайском – 105 единиц. Исследование дополнено анализом примеров из текстов, выбранных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Корпуса китайского языка Пекинского университета (ВСС). Объем проанализированных текстовых примеров составляет 105 текстовых фрагментов на китайском языке и 101 – на русском.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. *Недовольство собой* – это эмоциональное состояние человека, возникающее при критическом отношении к себе. Оно проявляется в ситуациях осознания своей вины или слабости, некомпетентности, неудовлетворенности своей внешностью, а также при сравнении себя с другими.

2. В русском и китайском языках *недовольство собой* тесно связано с нравственными категориями – *виной, стыдом, совестью и честью*. Вина вызывает страдания и стремление к искуплению, стыд сопровождается телесными реакциями, совесть – внутренний судья, честь регулирует самоуважение. В китайской традиции акцент делается также на нравственную категорию потери лица.

3. *Недовольство собой* может сопровождаться завистью и ревностью. Зависть возникает при социальном сравнении и может иметь разрушительный характер, а также проявляться в форме «белой зависти» (позитивного восхищения). Ревность, основанная на любви и стремлении к обладанию, усиливается страхом утраты и недоверием, что обостряет недовольство собой. В китайском языке оба состояния обозначаются как 嫉妒, а фразеологизм 吃醋 (букв. *пить уксус*) метафорически обозначает ревность.

4. В метафорической интерпретации нравственных категорий в русском и китайском языках обнаружены различия. В русском языке вина метафорически осмысливается как «пятно», которое необходимо смыть (смыть вину кровью), или как «неровная поверхность», которую можно загладить (загладить свою вину), а в китайском – как обязательство

компенсировать причиненный ущерб. Совесть в обоих языках выступает как внутренний механизм моральной оценки, однако различаются доминирующие модели ее осмысления: в русском языке преобладает представление о совести как о внутренней судье, тогда как в китайском языке более отчетливо проявляется метафора совести как объекта, который можно сохранить или утратить. Честь в обоих языках связывается с понятием лица, однако в русском языке нередко это утрата индивидуальности, а в китайском – нарушение этикета. В русском языке быть объектом зависти может означать признание успеха, а в китайском – это всегда нежелательное и негативно оцениваемое явление.

5. В русской культуре *недовольство собой* может восприниматься как стимул к самосовершенствованию. В китайской культуре оно связано с личностным ростом, но его языковая репрезентация, определяемая категориями 面子 и 羞愧, отражает зависимость самооценки от социальной оценки. Лексемы с 自, 羞, 耻 передают внутреннее переживание, а выражения 丢脸 фиксируют внешний социальный аспект. Понятие 无为而无不为 (букв. *недеяние, при котором всё достигается*) объединяет внутреннюю рефлекссию с требованиями социального порядка.

6. В результате сопоставления русского и китайского языкового материала сделан вывод о том, что *недовольство собой* может пониматься как нравственная категория в обеих культурах, но ценностная интерпретация этой категории имеет существенные различия.

Обоснованность и достоверность выводов обеспечиваются опорой на проверенную временем теоретическую базу, использованием комплекса надежных исследовательских методов, а также репрезентативностью сопоставляемого материала – лексико-фразеологических единиц из словарей русского и китайского языков, текстовых фрагментов, содержащих единицы с семантикой «недовольства собой».

Апробация работы. Основные положения данной диссертации изложены в 4 научных статьях, из которых 4 опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Проблематика диссертационного исследования освещалась на семи международных и всероссийских научных конференциях: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 12 апреля 2021); X Юбилейная международная студенческая научно-практическая конференция «Россия глазами молодых» (Тверь, Тверской государственный университет, 22 мая 2021) – пленарный доклад; XIII Международная научно-практическая конференция «Человек в его духовном развитии: творчество Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому языку и литературе в иностранной аудитории (к 200-летию великих писателей)» (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 19 ноября 2021); X Юбилейная международная научно-практическая конференция «Учитель. Ученик. Учебник (в контексте глобальных вызовов современности)» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 19 ноября 2021); XXIX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 12 апреля 2022); XI Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Москва, МГЛУ, 7–9 ноября 2022); XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 12 апреля 2023).

Личный вклад автора заключается в обосновании подхода к изучению средств обозначения недовольства собой. Автором выявлены основные признаки и причины возникновения недовольства собой через категории *вины, стыда, совести, чести, зависти и ревности*, установлены их сходства

и различия в русской и китайской языковых картинах мира, что позволило получить новые научные результаты в области сопоставительной лингвистики.

Структура диссертации. Настоящая работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ГЛАВА 1. Теоретические основы изучения эмоций в лингвистике

1.1. Эмоции как объект лингвистической науки

Недовольство собой – одна из распространённых эмоций, которая возникает при осознании неправильности или недостаточности, неудовлетворительности своих качеств, действий, поступков. В данной работе эта эмоция рассматривается в контексте исследований в сфере лингвистики эмоций.

Интерес для лингвистов представляет анализ актуальных вопросов взаимосвязи языка и мышления, а также смежных с ними аспектов – связи языка с обществом и культурой, что позволяет сосредоточить внимание исследователей на антропоцентрической основе процесса общения (Болдырев, 2018; Демьянков, 2016; Кубрякова, 2004; Левицкий, 2016). Именно в этом контексте формируется интерес к изучению эмоциональной сферы языка. Эмоции представляют собой сложное и многогранное явление, которое трудно поддаётся точному определению и классификации, что объясняет растущий интерес к их исследованию в лингвистике, особенно в психолингвистике и когнитивных направлениях исследования. Современная наука развивается в междисциплинарном русле, что позволяет более глубоко проникнуть в содержание эмоций и всесторонне рассматривать эмоциональные феномены с позиций различных дисциплин. Несмотря на многообразие языковых средств выражения эмоций, исследователи

подчёркивают актуальность данной проблемы и отмечают, что она остаётся недостаточно разработанной в лингвистической науке.

1.1.1. История изучения эмоций в российской лингвистике

Эмоции представляют собой ключевой объект изучения в таких областях, как психология, физиология и философия. Тем не менее долгое время лингвисты М. Бреаль, К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом, Ш. Балли и др. не могли прийти к согласию относительно того, следует ли рассматривать эмоции с точки зрения языка. В.И. Шаховский в своей работе изучает мнение различных ученых на этот счет. В частности, К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом считали, что «доминантой в языке является когнитивная функция, и потому они исключали изучение эмоционального компонента из исследований о языке», а Ш. Балли, Я. ван Гиннекен, М. Бреаль полагали, что «выражение эмоций – центральная функция языка» [Шаховский, 1987. С 14].

В 1987 г. на пленарном заседании IV Международного конгресса лингвистов в Берлине был представлен доклад Ф. Данеша, посвященный эмоциональному аспекту языка. В этом докладе убедительно рассматривалась глубокая связь между когнитивностью и эмоциями, подчеркивалась значимость изучения этой стороны науки о языке. Данная позиция была признана лингвистами из различных стран. Конец XX века ознаменовался растущим количеством исследований, посвященных эмоциям. В ответ на усиливающийся интерес ученых из разных областей, в 1985 г. в Гарвардском университете был основан Международный центр по изучению эмоций. Сегодня лингвисты уверены в том, что эмоции являются неотъемлемой частью человеческого сознания, поскольку они всегда сопровождали когнитивные процессы [Шаховский, 2009. С. 46].

Лингвистика эмоций – дисциплина, возникшая в результате перекрестных исследований психологии и лингвистики. Зачатки этой науки были заметны ещё в конце XIX века в трудах А.А. Потебни. Постепенно исследователи в области лингвистики разработали систематизированную теорию и методологию для изучения эмоций. Вопросы, касающиеся этой

области, анализируются в докторских диссертациях российских ученых, среди которых следует отметить труды учёных: Л.Г. Бабенко, В.И. Болотов, С.Г. Воркачев, В.И. Жельвис, С.В. ИONOва, Н.А. Лукьянова, Ю.М. Малинович, Э.А. Нушикян, Р.С. Сакиев, О.Е. Филимонова, З.Е. Фомина, В.И. Шаховский, И.А. Щирова; и др.

В.И. Шаховский рассматривал эмоциональную сферу языковой деятельности человека как основное направление своих исследований. В.И. Шаховский и его ученики начали изучать экспрессивные компоненты языковых единиц исходя из эмоциональной семантики лексики, так как лексика – это самый подвижный уровень языка. В традиционной лингвистике «рациональность» и «эмоции» изучаются в оппозиции, считается, что язык и мышление связаны. В.И. Шаховский выдвинул другую точку зрения, основанную на собственных исследованиях. Он считал, что эмоция является мотивационной и когнитивной основой языка [Шаховский, 2002. С 134]. В работе «Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации» В.И. Шаховский отмечает, что для всех людей уникальность языка, как и его разнообразие, выражается прежде всего на его эмоциональном уровне [Шаховский, 2002. С. 59].

Исследования Ю.Д. Апресяна оказали значительное влияние и на развитие лингвистики эмоций. В рамках Московской семантической школы была создана семантическая «рамка» для описания эмоций в контексте наивной языковой картины мира [Апресян, 1995. С. 46]. Эта рамка напоминает психологический сценарий, который включает: 1) первопричину эмоции; 2) непосредственную причину эмоции; 3) саму эмоцию, или состояние души, которое возникает от восприятия и оценки человеком окружающего; 4) стремление продлить или прекратить действие причины эмоции; 5) внешние проявления эмоции.

В статье Ю.Д. Апресяна «Метафора в семантическом представлении эмоций» рассматриваются два подхода к анализу эмоциональной лексики – смысловой и метафорический [Апресян, 1993. С. 294]. Смысловой подход

применяется в тех случаях, когда говорящий ссылается на известную адресату ситуацию, при которой обычно возникает данное эмоциональное явление. Метафорический подход связан с проведением сравнений между этим явлением и другим, с которым адресат уже знаком.

На основе вышесказанного можно заключить, что российские учёные уже довольно давно занимаются изучением эмоций и добились в этой сфере значимых результатов.

1.1.2. История изучения эмоций в китайской лингвистике

Китайский учёный Лю Цзюань из Исследовательского центра русского языка и литературы Хэйлунцзянского университета перевела термин лингвистика эмоций на китайский язык следующим образом – 情感语言学 [Лю Цзюань, 2007. С. 17]. По сравнению с русской лингвистикой, исследования эмоций в китайской лингвистике явно недостаточны, и большинство работ относится к изучению метафоры, например: начиная с 1980-х годов исследование лингвистики в Китае стремительно развивалось, работа «Метафоры, которыми мы живём» [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 23], переведенная Лю Ниншэном в 1992 году, была опубликована в журнале «Обучение риторике» [Лю Ниншэн, 2007. С. 33], которая привлекла большое внимание китайских лингвистов. Китайские учёные начали рассматривать разные аспекты концептуальной метафоры, подчёркивая её связь с познанием: Линь Шуу, «Метафора и познание» [Линь Шуу, 1995. С. 70], Чжао Яньфан «Структура когнитивной метафоры» [Чжао Яньфан, 1995. С. 68], «Введение в когнитивную лингвистику» [Чжао Яньфан, 2001. С. 125], Шу Динфан «Прагматический подход к изучению метафоры» [Шу Динфан, 1996. С. 232]; «О сущности и смысловых характеристиках метафоры» [Шу Динфан, 1998. С. 44]. Внимание учёных привлекало и метафорическое осмысление эмоций: Го Сихуан «Динамическая интерпретация эмоциональных метафор» [Го Сихуан, 2005. С. 18], Пэн Юхай и Юй Синь «Анализ проблемы глагольных метафор для обозначения эмоциональных состояний – когнитивный механизм выражения русских национальных

эмоций» [Пэн Юхай, Юй Синь, 2014. С. 68], Юань Хунмэй «Анализ динамической иллюстрации эмоциональных метафор – на примере метафор гнева, печали и страха» [Юань Хунмэй, 2013. С. 58], Мэй Вэньчжан «Сопоставительный анализ эмоциональных существительных и их концептов в двух сопоставляемых языках и культурах» [Мэй Вэньчжан, 2012. С. 154].

В рабочем понимании данной главы можно сказать, что в 1990-е годы в Китае начали обращать внимание на тенденции когнитивных исследований языка в западном лингвистическом сообществе. Вступая в XXI век, китайская лингвистика смогла объединить результаты западных теоретических исследований с собственной специфической реальностью, использовать теорию для объяснения языковых явлений в китайском языке и даже провести сравнительный анализ китайского и иностранных языков. Однако развитие лингвистики эмоций в Китае все еще ограничено, она не является зрелой и совершенной, и все еще существует большой разрыв по сравнению с русской лингвистикой.

1.1.3. Общее представление об эмоциях

Эмоции настолько загадочны, что стали вечной темой исследования человека. «Что такое эмоции?» Этот вопрос всегда преследует ученых. Руссо так объяснял понятие «эмоция»: «Эмоция – это беспокойство из-за страдания, страх смерти и стремление к счастью [Руссо, 1911. С. 67]. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» отметил, что «Эмоция – чувство, душевное движение или переживание, сильное волнение, возбуждение, возбужденное состояние; высокий подъём чувства»¹. Бунимович Н.Т. подчеркнул, что «Эмоция – (фр. *emotion* – волнение, возбуждение от лат. *emovere* потрясать, волновать) – душевное переживание, чувство; реакция субъективного характера на воздействие внутренних и внешних раздражителей»². Из этого следует, что три аспекта эмоции подчеркиваются в российских словарях, во-первых, эмоция – это, по сути,

¹Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ТЕРРА, 2000 С. 1466.

²Бунимович Н.Т., Жаркова Г.Г. Словарь современных понятий и терминов. – М.: «Республика», 2002. С. 511.

психическое состояние; во-вторых, эмоция возникает под воздействием внутренних или внешних стимулов; в-третьих, эмоция имеет оценочный характер, который зависит от того, удовлетворяет ли объект потребности субъекта или нет.

Эмоция в китайском языке пишется 情绪. Данное слово состоит из иероглифов 情 и 绪. 情 и обозначает: 1) истинный характер; 2) любовь; 3) мысль³. 绪 рассматривается как настроение⁴. В «Современном китайском словаре» эмоция определяется следующим образом: «положительные или отрицательные психологические реакции на внешний стимул, такие как гнев, печаль, страх, восхищение, отвращение и т.д.»⁵. В «Цихай» эмоция рассматривается как «психологические проявления человека: радость, гнев, печаль и счастье. Эмоции порождаются и развиваются человеком в социальной практике, в процессе понимания мира и его преобразования. Выражение эмоций сопровождается изменением позиций, точки зрения и жизненного опыта индивида»⁶.

Более подробное определение эмоции нашлось в словарях «Психологическая энциклопедия» и «Большой психологический словарь»: «Эмоции (*emotions*) — Под эмоцией в основном подразумевают сильные психические состояния, обычно связанные с возбуждением или высоким уровнем энергии и дающие начало чувствам и страстям. Кроме того, каждое такое состояние обычно характеризуется валентностью или направленностью: Эмоции обычно бывают положительными и отрицательными. Так, удивление, эйфория, гнев и страх, различаясь по степени положительности и отрицательности, являются вместе с тем сильнодействующими переживаниями»⁷.

³ 说文解字 [Шовэнь цзецзы <https://www.hancibao.com/shuowen/60c5>]

⁴ 说文解字 [Шовэнь цзецзы <https://www.hancibao.com/shuowen/60c5>]

⁵ 《现代汉语词典》，商务印书馆，2005年，第1116页。[«Современный китайский словарь», Коммерческая пресса, 2005.С. 1116.]

⁶ 《辞海》，上海辞书出版社，1979年，第1992页。[«Цихай», Издательство Шанхайского словаря, 1979, 1992.]

⁷ Р. Корсини, А. Ауэрбаха. Психологическая энциклопедия. – СПб.: Питер, 2003. С.. 1020.

«Эмоции (от лат. *emovere* – волновать, возбуждать) – особый класс психических процессов и состояний (человека и животных), связанных с инстинктами, потребностями, мотивами и отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т.д.) значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности. Сопровождая практически любые проявления активности субъекта, эмоции служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей»⁸.

Американский психолог Уильям Джеймс (1842–1910) и физиолог Карл Георг Ланге (1834–1900) предложили теорию эмоций Джеймса – Ланге. Они считали, что эмоции – это физиологические изменения в организме и психологические переживания. Эмоции не появляются самостоятельно. Для формирования эмоций необходимы следующие процессы: сначала возникают психологические события, вызывающие эмоции, затем за счет стимуляции психологических событий возникают психологические переживания. Наконец это переживание отражается в физиологических изменениях в организме человека⁹.

Проанализировав определения эмоции, можно выделить некоторые её существенные характеристики: эмоции порождаются человеческим субъектом, и в то же время для возникновения эмоций человек должен взаимодействовать с определенными объектами, эти два условия должны быть удовлетворены одновременно, одно без другого не существует; эмоции – это высококласное и сложное человеческое испытание, и их оценочный характер, положительный или отрицательный, зависит от того, может ли объект удовлетворить человеческие потребности; человеческие эмоции вызываются определенными стимулами, например природные явления, объект, существующий в природе; социальная среда, в которой живёт

⁸ Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009, с. 760.

⁹ 《百度百科辞典》 [«Энциклопедический словарь Baidu» <http://baike.baidu.com/view/1677106.htm>.]

человек, а также его собственные физиологические реакции. Например: она завидует, завидует, что у нее такая хорошая семья, и сын, и муж любящий, и на юг они едут, вот и сплетничает, чтоб настроение ей испортить (Анна, 2019, НКРЯ).

И понял я, что Большой скачок у меня не получится. И стало мне грустно (Тучков, 2016, НКРЯ).

Иван развел руками, сделалось стыдно за свои боевые способности (Никитин, 2019, НКРЯ).

1.1.3.1. Основные характеристики эмоций

Эмоция – это вид психологической деятельности, отличающийся от когнитивной, имеет уникальную форму субъективного опыта. Эмоции – это чувства радости, гнева, печали, страха и т.д., вызванные соотношением объективной реальности и потребностей человека. Эмоциональная деятельность сопровождается очевидными изменениями организма и возбуждением в физиологии: изменения функций внутренних органов (деятельности пищеварения, дыхания, кровообращения и эндокринной системы); изменения внешнего выражения (в том числе выражение лица, изменение голоса, положения тела и т.д.). Эмоциональная деятельность имеет уникальные физиологические механизмы. Помимо доминирующей роли коры головного мозга ее части (таламус, гипоталамус, лимбическая система, ретикулярная формация и др.) играют специфическую роль¹⁰.

Известный американский психолог Кэррол Изард считает, что человеческие эмоции должны включать в себя три спектра: физиологическую основу, основу выражения и субъективный опыт. Эмоции – это психологический опыт, опосредованный человеческими потребностями. К. Изард подчеркивает, что не все стимулы объективного мира могут вызвать у человека эмоции, в основном это зависит от того, имеют ли эти стимулы прямую или косвенную связь с потребностями человека, т.е. существует ли

¹⁰宋智贤,《心理学大辞典》,北京师范大学出版社,1989年,第503页.[Сун Чжисянь, «Психологический словарь», издательство Пекинского педагогического университета, 1989.С. 503.]

между ними взаимодействие, только тогда может возникнуть эмоциональное отношение человека. Например, стимулы из объективного мира, которые могут удовлетворить человеческие потребности, как правило, вызывают у людей положительные эмоции, а те, которые не отвечают их требованиям, вызывают отрицательные эмоции. На основании этого психолог обобщил полярность эмоций, которая означает, что любая человеческая эмоция имеет противоположную ей по своей природе эмоцию [Израд, 2000. С. 46], например радость/печаль, любовь/ненависть, напряжение/расслабление и т.д.

Немецкий психолог В. Вундт разработал трехмерную модель эмоций, которая описывает их структуру через три основных компонента: удовольствие – дискомфорт, активность – спокойствие и напряжение – расслабление. Эта теория представляет собой важный шаг в понимании эмоционального опыта [Вундт, 1873. С. 58].

Проведя анализ, мы пришли к выводу, что полярность эмоций проявляется по-разному, в основном в пяти областях:

1) Положительные и отрицательные эмоции связаны с потребностями человека. Если потребности удовлетворены, возникают положительные эмоции, в противном случае – отрицательные.

2) Позитивные и негативные эмоции отражают отношение человека к стимулам объективного мира. Позитивные отношения соответствуют эмоциям, которые также являются позитивными (например, воодушевление, приподнятость и т.д.), в противном случае возникают негативные эмоции (грусть, уныние и др.).

3) Эмоциональное напряжение и расслабление. Эти качества особенно ярко проявляются, когда человек находится в критическом положении. Оно делится на два этапа: до события и после события: перед событием обычно находятся в напряженном эмоциональном состоянии, а после того как напряжение снято, часто наступает состояние расслабления.

4) Интенсивность эмоций. Эмоции человека можно разделить на разные уровни в зависимости от их интенсивности. Например, в зависимости от

степени стыда его можно разделить на стыд и жгучий стыд: сгорать от стыда; провалиться сквозь землю от стыда; умирать со стыда.

1.1.3.2. Классификация эмоций

Если бы все человеческие эмоции можно было выразить, сколько «базовых» эмоций потребовалось бы? Изучение этого вопроса стало горячей темой дискуссий среди психологов разных поколений. Эмоции – это высокоуровневая и сложная психологическая деятельность, накопленная человеком в процессе понимания мира и его преобразования. Поэтому их сложно точно классифицировать. Многие философы и психологи выдвинули множество различных взглядов и мнений на классификацию эмоций (Бенедикт Рут, Барух Спиноза, Вильгельм Вундт, Николас Гроте, Джон Бродус Уотсон, Кэррол Изард и другие).

Известный американский психолог Джон Уотсон изучал раздражители, которые вызывали у младенцев эмоциональные ответные реакции. Он выяснил, что младенцы демонстрируют три основные эмоциональные реакции: страх, гнев и любовь [Уотсон, 1925. С 44]. По мнению К. Изарда, эмоции развились в ходе эволюционно-биологических процессов и могут быть классифицированы по трем основным критериям: нейрофизиологическая основа; экспрессивный аспект; особенности переживаний, испытываемых человеком. На основании этих факторов Изард выделил ряд фундаментальных эмоций, среди которых интерес-возбуждение, радость/удовольствие, удивление, горе/страдание, гнев/ярость, страх/ужас, стыд/застенчивость, а также вина/раскаяние [Изард, 2000. С. 153].

Описания основных эмоций издавна существовали в Китае. Они широко используются в психологии, медицине, управлении и искусстве. Например, в древнем Китае считали, что сохранение душевного спокойствия очень полезно для здоровья человека. Напротив, раздражительность считается симптомом заболевания. В «Книге обрядов» эмоции делятся на 7 категорий:

радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть, сожаление¹¹. В «Сюнь-цзы·Тянь Лунь» обобщили 4 основных эмоции: радость, гнев, печаль, страх¹². В книге «Весна и осень Люя» предложили пять видов эмоций: радость, гнев, беспокойство, страх, печаль¹³. А в «Филос. Учение о Середине» – 4 категории: радость, гнев, печаль, радость¹⁴.

Порождение эмоций происходит в результате взаимодействия субъекта и объекта, а оценочный характер эмоций зависит от того, могут ли объекты удовлетворить потребности людей. Если объект не имеет ничего общего с потребностями людей, между ними не будет взаимодействия и не будет и эмоций. Психологи выделяют эмоции, связанные с удовлетворением человеческих потребностей, как положительные, такие как радость и удовлетворение. В то же время эмоции, возникающие при неудовлетворенности этими потребностями, относятся к отрицательным, например гнев и печаль. Основные человеческие эмоции можно классифицировать на четыре категории: счастье (радость), горе (печаль), гнев и страх. Другие эмоции формируются на основе этих базовых чувств через их взаимодействие и комбинирование.

Настоящее исследование посвящено теме *недовольства собой*. В «Азбуке веры» Православной энциклопедии говорится, что чувство неудовлетворенности собой – это ощущение дискомфорта. При этом выделяются различные уровни неудовлетворенности собой: от раздражения до гнева и ропота¹⁵. Исходя из этого мы выносим «недовольство собой» в категории основных эмоций в рамках проводимого исследования.

¹¹ 戴圣, 礼记, 西汉. [Дай Шэн, Книга обрядов, династия Западная Хань.]

¹² 荀子, 荀子·天论, 战国末期. [Сюнь-цзы, Сюнь-цзы·Лунь Тянь, поздний период Воюющих царств.]

¹³ 吕不韦, 吕氏春秋, 战国. [Лу Бувэй, Весна и осень Люя, Период Воюющих царств.]

¹⁴ 子思, 中庸, 战国. [Зиси, Филос. учение о Середине, периода воюющих царств.]

¹⁵ Православная энциклопедия «Азбука веры» <https://azbyka.ru/nedovolstvo#literature>

1.1.4. Самооценка как предмет изучения гуманитарных наук

1.1.4.1. Понятие самооценки в психологии

Самооценка как важный аспект внутренней жизни человека активно исследуется в различных областях гуманитарных наук, включая социологию, психологию, философию, теологию и право. Самооценка – значимая тема в психологии и представляет собой один из основных факторов, влияющих на поведение индивида и его взаимодействие с окружающим миром. В научной литературе по психологии самооценка рассматривается в контексте двух ключевых категорий: 1) уровень притязаний, который отражает сложность целей, поставленных человеком [Хекхаузен 1986, Божович 1979], и 2) «Я-концепции», представляющей собой комплекс представлений о себе [Соколова, Столинн 1989; Хаймовская, Ветер 2003].

В рамках психологических исследований самооценка характеризуется рядом параметров: уровень (высокая, средняя или низкая), соответствие реальности (адекватная или неадекватная), временные аспекты (актуальная, прогностическая, идеальная или ретроспективная) и др. [Санников, 2006. С. 8].

Также исследователи анализируют критерии, которые можно использовать для описания самооценки и её адекватности, как это показано в работах [Липкина, Рыбак 1968; Липкина 1973]. Интересно, что были предприняты попытки найти соотношение самооценки, успеха и притязаний, что проявляется в утверждениях, например: «Самооценка прямо пропорциональна успеху и обратно пропорциональна притязаниям, то есть предполагаемым успехам» [Берне, 2003, С. 162].

Процесс формирования самооценки связан с различными психическими функциями и проявлениями личности, например интересы. По мнению С.Л. Рубинштейна, самооценка является основополагающим элементом самосознания, включающим оценку мнения окружающих и принятие себя [Рубинштейн, 1998. С. 130]. А. Захарова описывает самооценку как ядро

личности, которое обрабатывает и интроецирует все направления её психического развития [Захарова, 1993. С. 46]. А.Н. Леонтьев рассматривает её как критически важный компонент, который позволяет индивиду стать полноценной личностью [Леонтьев, 1975. С. 228].

В современной психологии самооценка также ассоциируется с уровнем притязаний личности, что было впервые детально рассмотрено К. Левином. Уровень притязаний отображает стремление личности к достижению целей, соответствующих её возможностям. Этот уровень формируется на основе прошедших успехов или неудач: успехи приводят к повышению притязаний, что способствует формированию адекватной самооценки [Левин, 1982. С. 89].

У. Джеймс в исследованиях самооценки личности подчеркивал, что индивид формируется через постоянное взаимодействие с окружающей средой. Он определил самосознание как двойственное, состоящее из сознающей и познаваемой частей. По мнению У. Джеймса, самооценка как естественное качество делится на два противоположных чувства: самодовольство (завышенная самооценка, выражающаяся в высокомерии и заносчивости) и недовольство собой (заниженная самооценка, проявляющаяся в скромности и тревоге). Ученый предложил формулу для определения самооценки: «самооценка = успех / притязания». Согласно этому уравнению неудачи связаны с завышенной самооценкой, а адекватная самооценка способствует успеху [Джеймс, 2020. С. 42].

В этой части работы самооценка рассматривается не как отвлечённый психологический термин, а как механизм, через который человек соотносит себя с нормой, поступком и ожиданием других людей. Для дальнейшего анализа особенно важна низкая самооценка, потому что именно она сближает психологическое состояние субъекта с языковыми формами недовольства собой.

Психологические источники помогают описать внутренний механизм самооценки, но для данной темы этого недостаточно. Лингвистический материал показывает, какими словами и устойчивыми выражениями это

состояние закрепляется в речи. Поэтому дальше самооценка рассматривается уже через её языковые репрезентации.

1.1.4.2. Понятие самооценки в лингвистике

Самооценка личности представляет собой индивидуальный взгляд на свои качества, возможности и особенные черты, а также оценку себя в сравнении с окружающими. В работе А.В. Санников провел системный анализ лексики, связанной с самооценкой, в контексте современного русского языка, акцентируя внимание на русской наивной этике [Санников, 2006. С. 172].

Учёный выделяет две главные категории самооценки – высокую и низкую. Согласно его мнению, высокая самооценка зачастую включает в себя определённые смысловые элементы: а) завышенная самооценка характеризуется ощущением собственного превосходства над другими, что выражается в таких лексических единицах, как *высокомерие, гордыня, надменность, чванство*. Ср.: «... но его провинциальное **чванство** перед слабыми и заискивание перед сильными мира сего...» (Евтушенко, 1999. НКРЯ). б) внешние проявления чувства превосходства находят отражение в словах *заносчивость, спесь, кичливость*. Например: «...он вёл себя **заносчиво**, отвечал с насмешкою...» (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова) [Санников, 2006. С. 18].

Что касается низкой самооценки, А.В. Санников выделяет несколько ключевых характеристик: 1) низкая самооценка выражается через такие слова, как *смирение, кротость, самоуничижение, стыд*; 2) в рамках наивной этики демонстрация низкой самооценки может вызвать подозрения в неискренности, что связано с возможным ложным смирением или притворной скромностью. Между тем можно также говорить о подлинном смирении и искренней скромности. Низкая самооценка часто выражается в сравнении своей ценности с внешними факторами, такими как высшая сила

или судьба. Это можно увидеть в выражениях вроде «принимать судьбу» или «покориться воле Бога» [Санников, 2006. С. 25].

Помимо исследования самооценки Л.И. Богданова также провела анализ высокой и низкой самооценки, сосредоточив внимание на синтагматическом аспекте. Она отмечает, что «внешняя» оценка связана с интерпретацией значения через «взгляд со стороны», что отражается в стилистической окраске слова [Богданова, 2017. С. 730].

Высокая самооценка, согласно Л.И. Богдановой, может проявляться следующим образом: 1) В глаголах, связанных с чувством гордости, например: *«И прадеда скрипкой гордился твой род...»* (О. Мандельштам, НСС-1). 2) В глаголах речи, где структура глаголов предсказуема: кто / перед кем / чем, как в примере: *«Костя, мальчик лет 14, чтобы похвастать своей храбростью перед матерью...»* (А.П. Чехов. НСС). 3) Глаголы поведения с высокой самооценкой, где позиция «зритель» необходима, как в случае со словом *кокетничать*: *«...у недалеких и самолюбивых людей бывают моменты, когда сознание, что они несчастны, доставляет им некоторое удовольствие, и они даже кокетничают перед самими собой своими страданиями»* (А.П. Чехов. Шампанское).

Для анализа низкой самооценки Л.И. Богданова выделяет следующие аспекты:

1. Негативная «внутренняя» самооценка, по сравнению с высокой, требует иного грамматического оформления, где важна причина стыда: кто стыдится **чего** перед кем, как в примере: *«...после рыданий, стыдясь красных глаз...»* (В. Набоков).

2. В глаголах, связанных с моральной неудачей, социальный статус лица-каузатора эмоций играет важную роль. Например: *«На всю жизнь у меня осталось яркое воспоминание о том, как я однажды оскандалился перед отцом...»* (А.Л. Чижевский).

3. Низкая самооценка может вызывать раскаяние, и здесь позиция лица, перед которым человек чувствует вину, выражается с помощью таких

глаголов, как *каяться, раскаиваться, виниться, повиниться* и др.: «*А как хорошо после ссоры помириться, самой перед ним повиниться...*» (Ф.М. Достоевский, Записки из подполья) [Богданова, 2017. С 861–867].

Если обобщить этот материал, завышенная самооценка проявляется не только в осознании собственного превосходства по сравнению с другими, как это бывает в случае высокомерия или гордыни, но и во внешних формах выражения этого чувства, например спесь и амбиция. Негативная самооценка, как и позитивная, требует внешнего взгляда – позиции того, кто оценивает, будь то Зритель, Аудитория или Судья.

Само по себе проявление низкой самооценки также может вызвать определенные сомнения в искренности человека: например, герой готовит к выходу свою первую поэтическую книгу, и чем больше он старается производить впечатление скромного человека, тем сильнее в его сердце зреет надежда, что публикация моментально изменит его жизнь, «словно по волшебству» (В. Ходасевич. Неудачники).

Таким образом, самооценка – фундаментальный фактор, определяющий эмоциональные состояния личности. Низкая самооценка непосредственно порождает чувство недовольства собой, которое и составляет предмет дальнейшего лингвистического анализа в настоящем исследовании.

1.2. Теоретические основы когнитивной лингвистики

1.2.1. Концепт: история развития учения о концепте

В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона подчеркивается, что «концепт» происходит от латинского слова «conceptus», которое обозначает мысль и понятие, а «conceptus» представляет собой существительное от глагола (зачинать) [Брокгауз, Ефрон, 1890, 96]. Поэтому первоначальное наиболее распространенное значение слова «conceptus» в латинском языке было «беременное тело», однако с дальнейшим развитием языкознания и усилением интеграции различных дисциплин понимание «концепта» также постоянно меняется.

Еще в советский период философ С.А. Аскольдов проводил исследования «концепта». Впервые он определил понятие «концепт» как термин: «То, что возникает в человеческом сознании, то, что трудно запечатлеть, то, что быстро промелькнет, то, что мимолетно» [Аскольдов, 1997. С. 53]. Из-за социально-политической обстановки в Советском Союзе того времени эта точка зрения рассматривалась как проявление идеализма и не привлекала внимания исследователей.

В XX веке антропоцентрическая парадигма в лингвистике постепенно получила признание академического сообщества и стала основной исследовательской парадигмой в области лингвистики того времени. Изучение языка также перешло от объекта (языка) к субъекту (человеку). В результате исследование «концепта» постепенно привлекло академическое внимание. Учитывая сложность самого «концепта», его необходимо изучать с разных сторон. В настоящее время российские ученые в основном изучают «концепт» с точки зрения когнитивной лингвистики (в том числе когнитивной психологии) и лингвокультурологии, при этом обсуждается различное понимание термина «концепт».

1.2.1.1. Концепт с точки зрения когнитивной лингвистики

Д.С. Лихачёв в «Концептосфере русского языка» рассматривает концепт как «универсальную единицу мышления» и «личное изложение говорящим различных значений слова» [Лихачев, 1997. С. 4]. Он считал, что каждый формирует «концепт» в своей сознательной деятельности, а универсальное знание, охватываемое «концептом», занимает центральное положение в области человеческого сознания.

Е.С. Кубрякова в «Кратком словаре когнитивных терминов» представляет концепт как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека». Согласно этому объяснению «концепт — оперативная содержательная

единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1997. С. 90].

А.П. Бабушкин определял концепт как мысленное представление, позволяющее выявлять отношения между предметами и классифицировать их [Бабушкин, 1997. С. 67].

А.А. Залевская включает концепт в восприятие, познание и эмоциональный состав, объективно существующий в человеческом сознании [Залевская, 2002. С. 10].

Из приведённого материала видно, что на основе исследований «концепта» с точки зрения когнитивной лингвистики следует, что «концепт» рассматривается как «ментальная единица», сформированная в сознательной деятельности человека, предполагающая полное отражение объективных фактов. «Концепт» включает в себя знания, опыт, результаты практической деятельности и познавательные результаты людей об окружающем мире.

1.2.1.2. Концепт с точки зрения лингвокультурологии

Достижением концептологии следует считать выявление национально-культурных характеристик концепта, что получило отражение во многих исследованиях. В частности, А. Вежбицкая считает, что «концепт» – это отражение понимания людьми реального мира под влиянием культурных условий [Вежбицкая, 1999. С. 152]. В.Н. Телия отмечает, что «концепт» имеет культурно-национальный характер: концепт воплощает как языковой, так и национально-культурный коды [Телия, 1996. С. 57]. В.И. Карасик считает, что «концепт» отражает процесс познания людьми мира, результаты поведения, опыта и знаний людей, концепт хранит информацию о мире [Карасик, 2001. С. 75]. В.В. Красных отмечает, что «концепт» характеризуется универсальностью и абстрактностью, в ходе многолетней исторической деятельности, по мере постепенного накопления, сложилась национальная картина мира [Красных, 2003. С. 269]. С.Г. Воркачев

определяет «концепт» как единицу мышления, воплощающую коллективную мудрость. Такая единица мышления имеет национальные особенности и должна выражаться посредством языка [Воркачев, 2004. С. 51].

В.А. Маслова определяет «концепт» как ментальную единицу, которая отражает как социальный опыт, так и личные переживания, заключенные в слове. Автор выделяет несколько основных характеристик концепта:

- 1) концепт является минимальной единицей человеческого опыта в идеальном формате, выражаясь через слово и обладая полевой структурой;
- 2) он выполняет роль ключевой единицы для обработки, хранения и передачи знаний;
- 3) концепт имеет гибкие границы и определенные функции;
- 4) следует учитывать социальные аспекты концепта, так как его ассоциативное поле сказывается на прагматике;
- 5) концепт выступает в роли основополагающей единицы культуры [Маслова, 2007. С. 47].

Изучая «концепт» с точки зрения лингвистики и культуры, можно рассматривать «концепт» как связующее звено между языком и культурой и кристаллизацию национальной культуры. Культура, сформировавшаяся в результате длительного совместного проживания народа, отражена в форме «концептов». Сравнивая концепты разных культур, можно проанализировать различия национальных культур.

Основываясь на взглядах ученых, представленных выше, мы выделили ключевые характеристики «концепта»:

- концепт представляет собой устойчивое явление в национальном сознании и общей картине мира;
- концепт включает в себя элемент субъективности;
- концепт обладает потенциалом для развития, его значение эволюционирует с течением времени;

- концепт находит свое выражение в языковых средствах, хотя иногда язык не в состоянии полностью передать все дополнительные характеристики «концепта»;

- концепт имеет множественные измерения.

Концепты, помимо прочего, можно разделить на рациональные и эмоциональные, абстрактные и конкретные, универсальные и культурно-специфические, а также коллективные и индивидуальные.

1.2.2 Методики концептуального анализа

Метод концептуального анализа первоначально применялся в области философии. С продолжением изучения концептов в российских научных кругах в процессе углубленного анализа постепенно сформировался концептуальный анализ.

Поначалу анализ концептов российские ученые проводили в области семантического анализа слов. А. Вежбицкая предположила, что концепты – это языковые единицы различной структуры, которые находят отражение в предложениях, идиомах, пословицах, художественных текстах и т.д. Анализ концептов заключается в анализе семантической структуры этих языковых единиц [Вежбицкая, 1999. С. 11]. А.Д. Шмелев на основе теории и метода исследования Анны Вежбицкой проводит анализ концептов: душа, долг, судьба и др., обобщая национальные ментальные особенности, присущие этим концептам [Шмелев, 2000. С. 46]. С.Г. Воркачев утверждает, что концепты несут в себе культурные коннотации и состоят из соответствующей лексической семантики, и что концепты анализируются с помощью метода семантического анализа, который объединяет близкие и противоположные значения слов [Воркачев, 2003. С. 53].

Позже Арутюнова Н.Д., Лихачев Д. С. и другие ученые предложили иной взгляд на семантический анализ, утверждая, что это не идентично концептуальному анализу. Они считали, что семантический анализ – это лишь составная часть концептуального, и его следует воспринимать как начальную стадию в этом процессе. Н.Д. Арутюнова рассматривает

концепты как компоненты повседневной философии, которая формируется под воздействием различных факторов: фольклор, национальные традиции, религия, идеология, жизненный опыт, художественные образы, чувства и системы ценностей и др. Она утверждает, что концепты подлежат анализу с учетом множества факторов: религиозные верования, фольклор, литература, искусство и жизненный опыт [Арутюнова, 1998. С. 37].

Поддерживает эту точку зрения и Никитина Е. С., которая предлагает подход к семантическому анализу, основанный на глубоком учете культурной коннотации концептов [Никитина, 1995. С. 119].

Р.М. Фрумина акцентирует внимание на том, что концепт является предметом концептуального анализа, целью которого выступает «проследить путь познания смысла концепта и записать результаты в формализованном семантическом языке» [Фрумина, 1992. С. 64]. В данном контексте можно выделить два элемента: ядро и периферию концепта. Ядро включает словарные значения соответствующего термина, и именно толковые словари позволяют глубже раскрывать содержание концептов. Периферия включает личный опыт, а также различные коннотации и ассоциации, связанные с концептом.

Чтобы установить смысловой объем концепта, следует пройти несколько этапов: 1) определить контекст, к которому относится концепт; 2) выяснить его место в языковой картине мира и в языке данной нации, анализируя энциклопедические и лингвистические словари, где словарное определение считается ядром данного концепта; 3) изучить этимологию; 4) проанализировать различные контексты, включая поэтические, научные, философские, публицистические материалы, а также поговорки и пословицы; 5) сопоставить результаты этого анализа с изучением ассоциативных связей ядра концепта (например, изучая концепт «время», можно рассмотреть его связь с концептом «будущее») [Фрумина, 1992. С. 74].

Изложенная методология даёт основание говорить, что концепт является многогранной сущностью, содержащей как понятийные, так и коннотативные, оценочные и ассоциативные характеристики.

Д.С. Лихачев понимал концепты как «алгебраические выражения» и утверждал, что люди используют определенные концепты, когда говорят и пишут, и что эти концепты присутствуют в каждом отдельном смысле слова. Он отмечал, что коннотации концептов гораздо шире семантики и что помимо семантики на концепты влияют такие факторы, как возраст, уровень образования, профессия и социальный опыт говорящего. Коннотации концептов обычно представляют собой смесь словарных значений и национального опыта [Лихачев, 1997. С. 4].

Н.Н. Болдырев указывает, что семантика может выразить лишь часть концептов. Семантика просто дает общее определение содержанию, выраженному концептами. Семантика передает часть наших знаний о мире, которые хранятся в нашем сознании в виде различных мыслительных структур, представляющих собой концепты, отличающиеся сложностью и абстрактностью [Болдырев, 2001. С. 33].

В.А. Маслова рассматривает концепты как относительно устойчивые представления о предметах, которые формируются у людей в течение длительного времени и которые необязательно выражаются в форме языка, но также могут быть представлены символами, образами и т.д. Поэтому связь концептов с миром более прямая, чем семантика. Семантика всегда является частью понятий. Понимать понятия лучше всего с помощью таких языковых средств, как слова и предложения [Маслова, 2007. С. 40].

В Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка подчеркивается, что «семантический анализ "направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных,

сигнификативных и коннотативных значений», «Концепт предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ»¹⁶.

В российских академических кругах взгляды Ю.С. Степанова на концептуальную структуру авторитетны и влиятельны. Ученый считал, что концепты имеют характеристики иерархической структуры. Каждый уровень содержит культурные коннотации в зависимости от социального происхождения. То есть он рассматривает концепты как эволюционные последовательности, сформированные в различных исторических условиях: от первоначального значения слова (этимологии) к коннотации с историческими характеристиками и к современным ассоциативным значениям и оценкам. Поэтому Ю.С. Степанов считал, что изучение концептов необходимо анализировать конкретные структуры, сочетая в то же время синхронический и диахронический анализ [Степанов, 1997. С. 50–67].

В.Г. Зинченко унаследовал и развил результаты исследований Ю.С. Степанова, разделяя концептуальную систему на: внутреннюю форму, ядро и уровень реальности. Он считал, что внутренняя форма является первостепенным фактором концепта; уровень ядра близок к понятию; уровень реальности связан с сознанием человека, что представляет собой непосредственную и зачастую мгновенную реакцию зрителей, слушателей и читателей [Зинченко, 2003. С. 8].

Одним из необходимых условий достижения успехов в исследовании является правильное употребление научного метода, который состоит из определенных методик и приемов.

В исследовании Н.А. Красавского выделяются несколько подходов к языковой экспликации концепта. В первом случае отдельные лексемы могут служить представителями концепта. Во втором разнообразные фразеологические конструкции, включающие идиомы, пословицы и

¹⁶ Стилистический энциклопедический словарь русского языка <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/66-%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82>

афоризмы, могут быть использованы для этого. И наконец, целые тексты способны передать концептуальные значения [Красавский, 2001. С. 114].

И.А. Стернин предлагает многоплановую схему анализа концепта и его характеристик, которая включает несколько ключевых этапов:

1. Определение интересующего концепта.
2. Выявление ключевых слов, ассоциирующихся с концептом, включая собственные лексемы, синонимы, антонимы и дериваты.
3. Анализ семантики этих слов.
4. Изучение семантических признаков в различных номинативных реализациях для выявления новых характеристик концепта.
5. Рассмотрение сочетаний лексем, отражающих концепт, и описание способов его концептуализации.
6. Структурирование концепта [Стернин, 2001. С. 61].

Методология Ю.С. Степанова основана на концепции «трёх слоев концепта», которые включают:

1. Актуальный слой, отражающий главные и наиболее значимые признаки концепта, выявляемые через современные источники.
2. Пассивный исторический слой, содержащий дополнительные и культурные аспекты концепта, существующие в мифах и народном искусстве.
3. Древний этимологический слой, представляющий внутреннюю форму концепта, которая может не осознаваться, но отражается в его языковой форме и требует этимологического анализа для выявления [Степанов, 2001. С. 44–46].

По мнению В. Масловой, для установления смыслового объема концепта важно:

1. Определить референтную ситуацию, связанную с концептом, особенно в контексте художественного текста.
2. Исследовать место концепта в языковой картине мира и в сознании народа с помощью энциклопедических и лексикографических источников.
3. Изучить этимологию, что позволяет учесть нюансы значения.

4. Рассмотреть различные контексты автора, вводящие репрезентанты концепта с уникальными смысловыми оттенками. Словарные определения могут дать общее представление о значении, а энциклопедические источники глубже раскрывают понятие. Анализ авторских смыслов способствует более глубокому пониманию концепта в творчестве конкретного поэта.

5. Если концепт имеет культурную значимость, его следует изучить через различные формы искусства: живопись, музыка и скульптура, что способствует исследованию культурных концептов и составлению лексикона концептов русской культуры [Маслова, 2004:30].

В этом фрагменте важно подчеркнуть, что для более полного понимания концепта и выявления дополнительных признаков следует исследовать устойчивые языковые единицы – фразеологизмы, пословицы и поговорки, которые включают соответствующие репрезентанты, а также парадигматические связи лексем-репрезентантов в художественных текстах, проведение этимологического и семантического анализа.

В традиционных риторических исследованиях метафора рассматривалась как средство, которая выполняет характеризующую функцию. С непрерывным развитием человеческого познания люди осознали, что эта точка зрения имеет большие ограничения и что изучение метафоры не должно оставаться только на поверхности, а должно продолжать исследовать сущность метафоры и ее реальную ценность.

В «Философии риторики» А. Ричардс выдвинул представление о «вездесущности метафоры» и «теории взаимодействия», которое позволили совершить переход изучения метафоры от риторики в прагматику. Кроме того, ученый утверждал, что «метафоры определяют представления человека об окружающем мире и в целом его восприятие индивидом. Метафорические процессы в языке накладываются на воспринимаемый мир, сам по себе являющийся продуктом более ранней или непредумышленной метафоры. Онтологической основой метафоры является изначальная сопряженность

человека и окружающего мира, первичное единство вещей» [Ричардс, 1990. С. 44].

«Теория концептуальной метафоры» разработана учеными Дж. Лакоффом, М. Джонсоном в книге «Метафоры, которыми мы живём». Эта теория предполагает, что метафора – это не только риторический прием, но, что более важно, способ мышления и когнитивные средства человека. Метафора не поверхностное явление языка и не может быть просто сведена к проблеме слов, метафора – это основной способ познания человека и вопрос о мышлении. Процесс человеческого мышления в значительной степени метафоричен, и человеческая концептуальная система построена метафорически [Лакофф, Джонсон, 1980. С. 6].

По предложенной типологии Н.Д. Арутюновой, выделим следующие типы языковой метафоры: «1) номинативная метафора (перенос названия), состоящая в замене одного значения другим; 2) образная метафора, рождающая вследствие перехода идентифицирующего значения в предикатное и служащая развитию переносных значений и синонимических средств языка; 3) когнитивная метафора, возникающая в результате сдвига сочетаемости предикативных слов и создающая полисемию; 4) генерализующая метафора, стирающая в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующая возникновение логической полисемии» [Арутюнова, 1998. С. 366].

Дж. Лакофф, М. Джонсон выделяют три типа метафор: структурные, онтологические и ориентационные.

1) Структурные метафоры, которые назначены следующим, использование структуры одного понятия для построения другого понятия так, чтобы два понятия накладывались друг на друга. То есть употреблять известное конкретное понятие, чтобы понять другое неизвестное абстрактное понятие. Например, Андреас Музолф в работе «Творческая интерпретация метафор» приводит пример: John Major said in Bonn in March 1991, that he wanted to put Britain 'where we belong, at the very heart of Europe'. <...> if Mr

Major wanted to be at the heart of Europe, it was, presumably, as a blood clot» Джон Мейджор заявил в Бонне в марте 1991 г., что хочет поставить **Британию** "на наше место, в самое сердце Европы". <...> если мистер Мейджор и хотел быть в сердце Европы, то, предположительно, **в качестве тромба**". (The Independent, 11/09/1994). Через описание нездорового состояния сердца (тромб), автор показывает, что Британия уже не занимает важное место для Европы [Андреас Музолф, 2019. С. 27].

2) Онтологические метафоры, которые категоризируют абстрактные сущности с помощью персонификации или их локализации в пространстве, они позволяют видеть события, действия, эмоции, идеи и т.д. как некую субстанцию. То есть люди используют свой собственный опыт для проецирования характеристик материальных понятий в нематериальные концепции в соответствии со своими потребностями, формируя познание абстрактных концепций, чтобы они могли измерять, оценивать и идентифицировать их характеристики. Например, А. Музолф провел краткий тест в Университете Восточной Англии, чтобы убедиться, что недавно упомянутая фраза *body politic* была правильно понята студентами, и результаты следующие: «Beijing: brain (control country); Taiwan: hair (we can live without hair [but to] have hair is more beautiful fashion) Пекин: мозг (управление страной); Тайвань: волосы (мы можем жить без волос, но иметь волосы – это более красивая мода)» [Андреас Музолф, 2019, С. 31].

3) Ориентационные метафоры отражают наш опыт пространственного ориентирования в более абстрактных репрезентациях. То есть мы используем непосредственный физический опыт в качестве основного критерия для восприятия мира вокруг нас. Большая часть нашего восприятия основана на понимании относительных положений физических пространств, таких как верх и низ, спереди и сзади, внутри и снаружи и т.д. Например: «счастье / хорошее и грусть / плохое метафорически сравниваются с понятиями «Верх» и «Низ», т.е. человек поднимает голову, когда он чувствует себя хорошо, и опускает голову, когда огорчается» [Апресян, 1999. С. 456].

На этом основании можно уточнить, что метафору можно разделить на три категории в соответствии с концептуальной системой: ориентационные (пространственные) метафоры, онтологические и структурные.

Так, в 1987 г. на пленарном заседании IV Международного конгресса лингвистов Ф. Данеша в своем докладе обсуждал взаимосвязи когниции и эмоций. В конце XX века исследования эмоций становились все более плодотворными. Например, В.И. Шаховский отмечает, что эмоция представляет собой мотивационной и когнитивной основой языка. Ю.Д. Апресян предлагает два подхода к описанию эмоциональной лексики – смысловой и метафорический. Оглядываясь назад на Китай, видно, что наше понимание этого предмета и масштабов его исследований очень ограничены. Лингвистика эмоций, несомненно, важный предмет, достойный нашего внимания сегодня.

Возникновение эмоций сопровождается оценкой объективных вещей. Эмоции имеют полярные проявления. Эмоциональные полярности не чистая оппозиция и не являются взаимоисключающими. Человеческие эмоции имеют два уровня: низкий уровень естественных инстинктов и высокий уровень социального общения, т.е. естественные эмоции и социальные эмоции. На основе того, могут ли объекты удовлетворить потребности людей, основные эмоции делятся на *радость, печаль, гнев и страх*.

В психологии самооценка занимает центральное место в формировании личности и влияет на ее поведение и взаимоотношения с окружающим миром. Согласно теории У. Джеймса, самооценка делится на две категории: самодовольство и завышенная самооценка, которая включает такие качества, как самопочитание, высокомерие и заносчивость; и заниженная самооценка, проявляющаяся через скромность, тревогу, отчаяние и стыд.

Исследование, проведенное Л.И. Богдановой, рассматривает аспекты самооценки с точки зрения синтагматики, выявляя отличия между высокой (гордиться, похвастать, кокетничать) и низкой самооценкой (стыд, оскандалиться, повиниться). Ученая пришла к выводу, что для реализации как позитивной, так и негативной самооценки необходим «взгляд со стороны». Анализ, выполненный А.В. Санниковым в работе «Самооценке человека в русской языковой картине мира», сосредоточен на лексических

аспектах, связанных с высокой и низкой оценкой. Он замечает, что высокая самооценка предполагает осознание собственного превосходства над другими, что проявляется в определенных внешних действиях и чувствах. В то же время низкая самооценка подразумевает неискренность субъекта.

Эмоция «недовольства собой» возникает как следствие низкой самооценки и характеризуется рядом признаков: отсутствием удовлетворения, негативным отношением к себе или окружающим, а также чувством неудовлетворенности, эмоциональным несогласием и неприятием различных аспектов жизни.

Для данной работы важно не само по себе многообразие определений концепта, а то, что концепт связывает языковое значение с культурным опытом. Именно поэтому анализ недовольства собой требует обращения не только к словарной дефиниции, но и к устойчивым выражениям, пословицам и контекстам употребления.

Семантический и концептуальный анализ здесь не совпадают полностью. Первый помогает установить значение слова, второй – показать, какие культурные и оценочные признаки закрепляются за ним в сознании носителей языка. В дальнейшем я использую это различие при рассмотрении *вины, стыда, совести, чести, зависти и ревности*.

В лингвистике употребляется несколько ключевых методов концептуального анализа: 1) лексикографический метод; 2) этимологический анализ; 3) рассмотрение устойчивых языковых единиц (фразеологизмы, пословицы, поговорки); 4) анализ различных контекстов.

Современное изучение метафоры не только украшение языка, но и фундаментальный элемент человеческого мышления и познания. Метафора помогает понимать и объяснять мир вокруг нас, а также создавать новые значимые связи и ассоциации. Метафоры делятся на три категории в соответствии с концептуальной системой: ориентационные (пространственные) метафоры, онтологические метафоры и структурные метафоры.

В данной работе из теоретической части для изучения средства, обозначающие *недовольство собой* используется этимологический анализ, семантический анализ ядерной части концепта, учёт ассоциативных и оценочных значений, также номинативная метафора, образная метафора, когнитивная метафора, генерализующая метафора.

ГЛАВА 2. *Недовольство собой* как эмоционально-оценочное состояние

2.1. Понятие «недовольство собой» в сопоставляемых языках: этимология, семантика, культурные особенности

В научной литературе недовольство собой нередко трактуется как форма негативной самооценки. Как отмечали, например, Н.Д. Арутюнова (1990), А.Д. Шмелёв (2002) и Ю.С. Степанов (1997), это понятие связано с самокритикой и совестью. Важно подчеркнуть, что *недовольство собой* – это не только индивидуальное чувство, но и феномен, обусловленный культурными нормами и общественными ожиданиями.

В толковых словарях русского языка *недовольство собой* обычно не рассматривается отдельно. Чаще всего оно даётся вместе со словом «недовольство» (например: недовольство кем-то). Слово *недовольство* состоит из нескольких частей: не-, -доволь- и -ств (о)¹⁷. Приставка не-, по словарю Ефремовой, «употребляется при придании значения полного отрицания слову, к которому относится»¹⁸.

Корень -доволь-, устаревшая краткая форма прилагательного довольный, означает: «достаточный, обильный, изрядный; годный к чему»¹⁹. В Толковом словаре Ефремовой *довольство* рассматривается как «Чувство внутреннего

¹⁷ Морфемно-орфографический словарь
<https://gufo.me/dict/tikhonov/%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>

¹⁸ Толковый словарь Ефремовой <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%BD%D0%B5>

¹⁹ Толковый словарь Ефремовой
<http://www.ckii.ru/Library/SearchInVocabulary?Filter.SearchText=довольство&Filter.SearchType=DefinitionsForWord&Filter.VocabularyId=17&Filter.UserLibVocabularyIds=>

удовлетворения, удовольствия»²⁰. Словарь синонимов русского языка помогает понять, в каких ситуациях люди чувствуют *довольство*: «безбедность, безубожество, благополучие, благосостояние, богатство, гедония, достаток, достаточность, жиры, зажиточность, изобилие, материальная обеспеченность, материальное благополучие, обеспеченность, отвал, состоятельность, удобство, удовлетворение, удовлетворенность, чувство внутреннего удовлетворения, чувство внутреннего удовольствия»²¹. В словаре антонимов русского языка можно найти противоположные слова: «довольный – недовольный, довольство – недовольство»²².

Суффикс – ств (о) в Толковом словаре Ефремовой объясняется как «словообразовательная единица, образующая имена существительные, которые обозначают отвлеченный признак, характеризующийся тем, что названо мотивирующим именем прилагательным; словообразовательная единица, образующая имена существительные, которые обозначают свойство или занятие лица, названного мотивирующим именем существительным; словообразовательная единица, образующая имена существительные, которые обозначают деятельность или действие, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим словом»²³

В толковом словаре Ефремовой *недовольство* определяется как «неудовлетворенность»²⁴. В Словаре Д.Н. Ушакова говорится, что *недовольство* – это «чувство неудовлетворённости, раздражённости,

²⁰ Толковый словарь Ушакова
<https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>

²¹ Словарь синонимов русского языка
<https://gufo.me/dict/synonyms/%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>

²² Словарь антонимов русского языка
<https://gufo.me/dict/opposite/%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>

²³ Толковый словарь Ефремовой <https://gufo.me/dict/efremova/-/%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>

²⁴ Толковый словарь Ефремовой
<http://www.ckii.ru/Library/SearchInVocabulary?Filter.SearchText=довольство&Filter.SearchType=DefinitionsForWord&Filter.VocabularyId=17&Filter.UserLibVocabularyIds=>

вызванное чем-либо, в том числе собственными действиями»²⁵. С точки зрения психологии *недовольство собой* рассматривается как «осознание неправильности или недостаточности, неудовлетворительности своих действий и переживания в связи с этим. Может сочетаться с чувством стыда, досадой, раскаянием, желанием исправить ошибку»²⁶.

В выражении *недовольство собой* слово «собой» стоит в творительном падеже и меняет значение всего выражения. Это показывает, что человек недоволен не чем-то внешним, а собой, т.е. человек оценивает себя и критикует свои поступки, характер или мысли.

В русском материале «недовольство собой» удобнее рассматривать как чувство, направленное внутрь субъекта. В отличие от обычного *недовольства*, объект оценки здесь не другой человек и не внешняя ситуация, а сам говорящий.

Недовольство собой в китайском языке переводится как 自我不满. Это выражение состоит из четырех иероглифов. Иероглиф 自 в словаре Шовэнь цзецзы толкуется как «сам»²⁷.

В словаре Шовэнь цзецзы иероглиф 我 осмысляется как: «человек, который защищает себя»²⁸. В современном китайском словаре 我 означает «я»²⁹.

Поэтому в данном исследовании в Современном китайском словаре 自我 объясняется как «1) сам себя; 2) самосознание как комплексное восприятие индивидом своего существования, включающее оценку социальных ролей и интроспекцию внутреннего мира»³⁰. В психологическом словаре 自我 это «осознание индивидом собственного существования в рамках субъективного

²⁵ Толковый словарь Ушакова <https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>

²⁶ Краткий психолого-филологический словарь https://826.slovaronline.com/599-%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B9?ysclid=mdu0znta2287206362

²⁷ 说文解字 [Шовэнь цзецзы <https://www.hanyuguoxue.com/shuowen/zi-33258>]

²⁸ 说文解字 [Шовэнь цзецзы <https://www.hanyuguoxue.com/zidian/zi-25105>]

²⁹ 新华字典 [Синьхуа цзидянь <http://www.xuebk.com/zidian/> <http://www.xuebk.com/zidian/detail/e68891/>]

³⁰ 现代汉语字典 [Современный китайский словарь <https://www.guoxuemi.com/hydcld/390807g.html>]

сознания, включающее когнитивное восприятие своего состояния, способностей и социальных отношений»³¹.

Иероглиф 不 в словаре Синьхуа цзыдянь толкуется как «отрицательная оценка»³². В словаре Синьхуа цзыдянь Иероглиф 满 означает «полный, удовлетворённый, наполненный, переносное значение – удовлетворение»³³. Поэтому в «Современном китайском словаре» 不满 означает «неполный» или «недовольный»³⁴.

Китайское сочетание 自我不满 также указывает на самооценку, но в нём сильнее чувствуется связь с поведением, качествами и социальным положением человека. Обычно такое состояние возникает там, где ожидания расходятся с реальным положением дел.

В обоих языках *недовольство собой* связано с самооценкой, однако акценты различаются: русский материал чаще выводит на внутреннее переживание субъекта, а китайский – на соотнесение себя с общественными ожиданиями.

2.2. Ситуации проявления «недовольства собой» в сопоставляемых языках

В этой части рассматриваются разные ситуации, где проявляется недовольство собой. На основе анализа двух языков можно выделить два типа ситуаций: позитивные и негативные. Позитивные ситуации – это такие, где недовольство собой играет полезную роль. Например:

1) *недовольство собой* часто бывает у талантливых людей: *талант – всегда неуверенность и мучительное недовольство собой* (Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье // «Ковчег», 2015) [НКРЯ]. В китайском языке 文章憎

³¹ Большой психологический словарь <https://www.zdic.net/hans/%E8%87%AA%E6%88%91>

³² 新华字典 [Синьхуа цзыдянь <http://www.xuebk.com/zidian/> <http://www.xuebk.com/zidian/detail/e68891/>]

³³ 新华字典 [Синьхуа цзыдянь <http://www.xuebk.com/zidian/detail/e6bba1/>]

³⁴ 现代汉语字典 [Современный китайский словарь <https://www.guoxuemi.com/hydcdd/390807g.html>]

命 达 ³⁵ *талантливые люди часто обречены на тяжёлую жизнь и мучительное **недовольство собой**.*

2) *Недовольство* помогает человеку развиваться и становиться лучше: ***недовольство собой** и своей жизнью и способствует личностному росту* (Форум: Как жить так, чтобы не убить себя, 2013) [НКРЯ]. В китайском языке: 不自满者进, 自知不足者强 ³⁶. *Тот, кто не **доволен собой**, развивается; тот, кто осознаёт свои недостатки, становится сильнее.*

3) *Недовольство собой* может появляться из-за того, что человек не соответствует каким-то стандартам: *И везде, где есть стандарты, всегда было и будет **недовольство собой*** (Елена Голованова. Я опять во сне летал..., 2002) [НКРЯ]. В китайском языке: 以有涯随无涯, 殆已! ³⁷ *Стремиться конечным к бесконечному – опасно: человек неизбежно ощущает свою несоразмерность и **неудовлетворённость собой**.*

4) *Недовольство собой* может появляться, когда человек понимает, что поступил неправильно: <...> *сказал Виктор, теперь уже понимая, что вёл себя глупо, и чувствуя **недовольство собой*** (Анатолий Мельник. Авторитет, 2000) [НКРЯ]. В китайском языке: 知过则愧, 自省则不安 ³⁸. *Осознав ошибку, человек испытывает стыд и **недовольство собой**.*

5) *Недовольство собой* может появляться, когда человек сравнивает себя с другим и понимает, что он хуже: *Он подхватывал меня, – говорил Трофимов, – и я чувствовал, как прибывают во мне и силы и актёрская ярость, **недовольство собой**...* Если он, человек уже в годах, так может, то... (С. Лунгин. Виденное наяву, 1989) [НКРЯ]. В китайском языке: 见人之

³⁵ 朱自清, 《散文精选》, 人民文学出版, 2018. [Чжу Цзыцин. «Избранная проза». Издательство «Народная литература», 2018.]

³⁶ 钱钟书, 《写在人生边上》, 上海开明书店, 1941 年. [Цянь Чжуншу. «На полях жизни». Шанхай: Издательство «Каймин», 1941.]

³⁷ 鲁迅, 《伤逝》, 江苏凤凰文艺出版社, 1925 年. [Лу Синь. «Памяти утраченного». Издательство «Феникс», 1925.]

³⁸ 冰心, 《寄小读者》, 开明书店, 1933 年. [Бинь Синь. «Письма маленькому читателю». Пекин: Издательство «Кайминь», 1933.]

长, 知己之短³⁹。 Видя достоинства других, человек осознаёт собственные недостатки и испытывает **недовольство собой**.

6) В обоих языках **недовольство собой** может быть важной чертой человека: *Вот эта порывистость, смятенность, недовольство собой и казались Иоганну человечески ценными в Генрихе* (В. Кожевников. Щит и меч. Книга первая, 1968) [НКРЯ]. В китайском языке: 其人之可贵, 正在于常自不满⁴⁰. *Ценность человека как раз в его постоянном недовольстве собой*.

К негативным ситуациям можно отнести следующие случаи:

1) **Недовольство собой** может появляться из-за сильного чувства ответственности: *Все нежелательные для себя последствия человек с четвертой группой крови переживает, как правило, в одиночку, не «вешая» ни на кого свои проблемы, что зачастую приводит только к углублению внутреннего конфликта. В итоге – депрессия, недовольство собой* (Н. Богданова. Ваша группа крови // Вечерняя Москва, 2002) [НКРЯ]. В китайском языке: 责重则自严, 自严则不安⁴¹ *Чем сильнее чувство ответственности, тем строже человек к себе и тем сильнее его недовольство собой*.

2) **Недовольство собой** появляется, когда человек думает, что он ничего не делает и не выполняет свою задачу: *Все эти дни недовольство собой – на глубине. Что я, собственно, «делаю» в жизни?* (Шмеман, 1983) [НКРЯ]. В китайском языке: 无所作为, 则自愧于心⁴². *Когда человек чувствует, что ничего не делает, он испытывает стыд и недовольство собой*.

3) Человек может быть недоволен собой из-за своей внешности: *Непринятие себя, недовольство собой* нынешним и стремление к бесконечному улучшению с помощью аскетических практик были

³⁹ 朱自清, 《论自己》, 北京出版社, 1948 年. [Чжу Цзыцин. «О себе». Пекин: Пекинское издательство, 1948.]

⁴⁰ 朱光潜, 《谈修养》, 生活·读书·新知三联书店, 1940 年. [Чжу Гуанцянь. «О самосовершенствовании». Пекин: Издательство «Саньянь», 1940.]

⁴¹ 胡适, 《我的母亲》, 哈尔滨出版社, 1930 年. Ху Ши. [«Моя мать». Харбин: Харбинское издательство, 1930.]

⁴² 鲁迅, 《自嘲》, 人民文学出版社, 1981 年. [Лу Синь. «Самосмех». Издательство «Народная литература», 1981.]

характерны для религиозного восприятия мира с глубокой древности (Восканян, 2010, НКРЯ). В китайском языке: 以形求全, 则常自不满⁴³. Стремясь к совершенству во внешности, человек неизбежно испытывает недовольство собой.

2.3. Противопоставление «недовольства собой» и «самодовольства» в русской и китайской традициях

В двух сопоставляемых языках *недовольство собой* обычно не отдельное понятие, а противопоставляется *самодовольству*. *Недовольство собой* показывает, что человек строго относится к себе и хочет стать лучше, он видит свои ошибки и старается их исправить. А *самодовольство*, наоборот, означает, что человек слишком доволен собой, он не замечает своих недостатков и не хочет их менять.

В толковом словаре Ефремовой *самодовольство* толкуется как «состояние самодовольного человека»⁴⁴; в словаре Д. Н. Ушакова – как «уверенность в собственных достижениях; полное удовлетворение, любование самим собой»⁴⁵. Такая оценка делает *самодовольство* антонимом *недовольства собой*, потому что самодовольный человек не думает о себе критично. А при *недовольстве собой* человек, наоборот, думает о себе и оценивает себя.

В китайском материале *самодовольство* переводится как 自满. В современном китайском словаре слово 自满 толкуется как «1) считать себя удовлетворённым; пребывать в самодовольстве; 2) естественная полнота; природная завершённость»⁴⁶.

⁴³ 张爱玲, 《天才梦》, 皇冠出版社, 1943 年. [Чжан Айлин. «Сон о гении». Тайбэй: Издательство «Хуангуань», 1943.]

⁴⁴ Толковый словарь Ефремовой
<https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>

⁴⁵ Толковый словарь Ушакова
<https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>

⁴⁶ Современный китайский словарь <https://www.guoxuemi.com/hydcdd/390807g.html>

Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «устойчивые выражения фиксируют глубинные культурные смыслы и отражают образ мышления народа» [Алефиренко, 2021: 32]. Поэтому анализ таких единиц помогает понять, как общество со временем формировало своё отношение к разным качествам человека.

В русском материале много пословиц и поговорок о вреде самодовольства и гордости. Например, гордость – предшественница падения. Это значит, что слишком большая уверенность в себе может привести к неудаче. Пословица «Спесь до добра не доведёт» говорит о том, что гордость приводит к плохим результатам.

Для китайского языка тоже есть много пословиц и выражений, которые предупреждают о вреде самодовольства: 自满则败, 自矜则愚. Самодовольство ведёт к поражению, а самонадеянность – к глупости; Всегда найдётся тот, кто сильнее тебя – нельзя быть самодовольным; пословица 人外有人, 天外有天. За людьми есть другие люди, за небом есть другое небо подтверждает, что всегда найдётся тот, кто сильнее тебя, – нельзя быть самодовольным.

2.4. «Недовольство собой» и его ключевые эмоционально-этические проявления в русском и китайском языках

Недовольство собой в русском языке – это не только негативное чувство. Оно еще связано с тем, как человек думает о себе и оценивает себя. И это отражается через совесть, стыд и чувство вины. Иногда это также связано с завистью, ревностью и страхом «потерять лицо».

Е.П. Ильин отмечает: «Совесть обостряет внутренний конфликт между «должен» и «есть», провоцируя самоуничижение, угрызения совести, а в дальнейшем – стремление к искуплению» [Ильин, 2012. С. 45]. Поэтому *недовольство собой* можно понимать как реакцию человека на разницу между его ожиданиями и реальным «я».

Ещё один важный момент состоит в том, что согласно когнитивно-эмоциональным моделям эмоций [Lazarus, 1991; Parrott & Smith, 1993, с. 43] зависть и ревность тоже связаны с недовольством собой. То есть зависть можно понимать как недовольство собой из-за успеха другого человека. А ревность – как чувство тревоги за себя по отношению к другому человеку.

В обоих языках *недовольство собой* часто связано с понятием «потери лица» (丢脸), что придаёт данному феномену дополнительный социокультурный пласт оценки, где личное «Я» связано с восприятием извне. По теории П. Брауна и С. Левинсона [Brown & Levinson, 1987. С 64], человеку важно сохранять хороший образ в обществе. Если он его теряет, появляются стыд, вина и недовольство собой. Это особенно заметно в культурах, где важно мнение других.

Поэтому такие понятия, как *вина, стыд, совесть, честь* (потеря лица), а также *зависть* и *ревность*, можно рассматривать как основные формы проявления недовольства собой в русском и китайском языках.

Проведённый анализ показал, что в двух сопоставляемых языках есть и сходства, и различия в выражении *недовольства собой*. В обоих языках *недовольство собой* связано с самооценкой, самокритикой и желанием стать лучше, но способы выражения и культурный контекст отличаются.

Для русского языка *недовольство собой* обычно выражают прямо и довольно эмоционально. Здесь на первый план выходит то, как человек сам себя оценивает, и тот внутренний конфликт, который он при этом переживает. Всё это связано с чувством вины, стыда и совести. В китайском языке недовольство чаще выражается не прямо, а обычно отражается через образы и метафоры. Это связано с тем, что есть разница между действиями человека и ожиданиями общества.

В собранном материале *недовольство собой* проявляется как общая эмоционально-оценочная зона, однако русские и китайские данные показывают её по-разному: различаются не сами переживания, а способы их языкового и культурного оформления.

ГЛАВА 3. Чувство «вины» как основа *недовольства собой* в русском и китайском языках

3.1. Вина: основные характеристики

Недовольство собой рождается из низкой самооценки, а самооценка рассматривается как субъективная оценка своей личности, поступков и деятельности. В «Энциклопедическом психологическом словаре-справочнике» вина «связывается с негативной оценкой своего поведения»⁴⁷. К. Изард предполагает, что чувство вины человека является «главной побудительной силой его духовных устремлений и гарантией его человечности» [Изард, 2000. С. 382].

3.1.1. Содержание понятия «вина» в сопоставляемых языках

Согласно «Этимологическому словаре русского языка» Макса Фасмера слово *вина* «происходит от праславянского языка: *veina «то, что заслуживает наказания»; родственно лит. *vaina* «ошибка», лтш. *vaĩna* «вина», *atvainuõt* «извинять», а также возм., лат. *vindex* «мститель», собств. «назначающий пеню»⁴⁸.

В «Толковом словаре Кузнецова» слово *вина* определяется как: «1. Проступок, провинность, преступление. *Доказать, признать вину*. 2. Причина, источник (чего-л. нежелательного, неблагоприятного). *Всему виной твоя оплошность*»⁴⁹.

В «Педагогическом терминологическом словаре» вина толкуется следующим образом: «Состояние человека, обусловленное нарушением им долга, требований авторитета, обязанностей, накладываемых законом или соглашением (договорённостью)...»⁵⁰

⁴⁷ Энциклопедический психологический словарь-справочник <https://vocabulary.ru/termin/vina.html>

⁴⁸ Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%B2/%D0%B8%D0%BD%D0%B0>

⁴⁹ Толковый словарь Кузнецова <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%B2/%D0%B8%D0%BD%D0%B0>

⁵⁰ Педагогический терминологический словарь https://gufo.me/dict/pedagogy_terms/%D0%92%D0%B8%D0%BD%D0%B0

В Словаре Даля дано такое толкование слова, *вина*: «1. Провинность, проступок, преступление, прегрешение, грех (в знач. проступка), всякий недозволенный, предосудительный поступок. *Чужая вина виноватее*; 2. повинность, обязанность, долг; 3. Иногда денежный штраф, виру, пеня; 4. причинный чему, бывший причиной, поводом; 5. должный, обязанный кому уплатою»⁵¹.

В «Большой советской энциклопедии» излагается понятие *вина* в уголовном праве: «внутренняя, субъективная сторона вредоносного или общественно опасного действия или бездействия, психическое отношение лица к характеру совершаемого им действия и его последствиям»⁵².

В «Большом юридическом словаре» *вина* толкуется как «Психическое отношение лица к своему противоправному деянию... необходимое условие юридической ответственности»⁵³.

Уже словарные дефиниции показывают двойную природу вины: это не только внешняя ответственность, но и внутреннее самоосуждение. Поэтому вина закономерно входит в поле *недовольства собой*.

Условием появления чувства вины считается «эмоциональное состояние, в котором оказывается человек, нарушивший нравственные или правовые нормы, регулирующие поведение людей в обществе»⁵⁴.

Чувство вины связано со стыдом, т.е. «эмоциональным состоянием, при котором человек осознает, что он совершил что-л. отрицательное и переживает это, сожалея, упрекая себя в проступке. Стыд со страхом быть наказанным за содеянное, чувством бессилия исправить случившееся»⁵⁵.

Вина отличается от стыда тем, что «вина не зависит от реального или предполагаемого отношения окружающих к проступку. Она связана с

⁵¹ Толковый словарь Даля <https://gufo.me/dict/dal/%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B0>

⁵² Большая советская энциклопедия <https://gufo.me/dict/bse/%D0%92%D0%B8%D0%BD%D0%B0>

⁵³ Большой юридический словарь <https://gufo.me/dict/law/%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B0>

⁵⁴ Ильин Е. Психофизиология состояний человека <https://vocabulary.ru/termin/vina.html>

⁵⁵ Филиппов А.В., Романова Н.Н., Летягова Т.В. Тысяча состояний души. Краткий психолого-филологический словарь <https://vocabulary.ru/termin/vina.html>

осознанием своей неправоты, самоосуждением, сопровождается снижением самооценки, инициирует раскаяние»⁵⁶.

В «Энциклопедическом психологическом словаре-справочнике» более подробно объясняется чувство вины; в том числе и причина его возникновения: «Вина возникает из-за мук совести в связи с совершённым или несовершённым поступком, связывается с негативной оценкой своего поведения. Вина – это попытка вернуться в прошлое и изменить его».

В русском материале вина не сводится к одному значению. Она может обозначать проступок, причину неблагоприятного события, обязанность перед другим лицом, а также внутреннее переживание после нарушения нормы. Для темы недовольства собой особенно значим последний аспект – состояние, при котором субъект осознаёт собственную неправоту и оценивает себя отрицательно.

В психологии вина трактуется прежде всего как внутреннее недовольство собой, возникающее из осознания собственной неправоты и сопровождающееся самокритикой. Именно в этом ключе её рассматривает Е.В. Падучева, предлагая различать два типа вины – внешне ориентированную (Вина 1) и внутренне переживаемую (Вина 2).

Вина 1 – сам проступок или его негативное последствие, за которое субъект несёт ответственность и может быть наказан. Примеры из НКРЯ показывают:

*На самом деле их основная **вина** заключается в том, что стоят они раза в три-четыре дешевле сплит-систем, поэтому вся рекламная мощь компаний-производителей направлена на продвижение более дорогого изделия (Савин, 2001, НКРЯ).*

*Трудно представить, но и в наши дни находятся люди, утверждающие, что адвокат имеет право **признать вину** своего подзащитного (Кучерена, 2000, НКРЯ).*

⁵⁶ Словарь чувств и эмоций <https://vocabulary.ru/termin/vina.html>

Китайский материал: 在事实面前，倔强的李臣也不得不承认错误⁵⁷
Перед фактами упрямый Ли Чэнь также был вынужден признать свою вину.

Вина 2 – беспокойство, которое испытывает человек, совершивший плохой поступок. Для этого состояния характерна метафоризация: «тяжёлая вина», «взять на душу вину». В этом случае Вина 2 отражает внутреннее самоосуждение и совпадает с понятием недовольства собой.

*Это было новое, странное и особое **чувство вины** за свою душевную слабость, за своё выступление на митинге, за свою подпись под коллективным письмом, клеймящим врачей извергов, за свою готовность согласиться с заведомой неправдой, за то, что это согласие рождалось в нем добровольно, искренне, из глубины души (Гроссман, 1989, НКРЯ).*

*Одна мама после трагической гибели своей дочери никак не могла забыть, как не оставила ей накануне кусок жареной курицы на ужин. " Если бы я знала тогда, что это будет последняя курица в ее жизни ", – повторяла она. Короче, мы испытываем **чувство вины** (Власова, 2002, НКРЯ).*

*В душе было **чувство вины** за совершённую по отношению к жене Коротаева подлость, но он оправдывал себя тем, что отказывать товарищу по службе нельзя (Никитин, 2019, НКРЯ).*

*Я неверующий человек, но **испытываю вину** за то, что мы за годы Советской власти сотворили с церковью. Особенно горько осознавать потерю прекрасных памятников архитектуры, которыми в большинстве своём являлись религиозные храмы (Почтовый, 1990, НКРЯ).*

Китайские примеры показывают, что 因为四姐的病，他一直疏远着她，这时他感到了深刻的内疚⁵⁸ *Из-за болезни своей четвёртой сестры он держался от неё в отдалении, и теперь он почувствовал глубокое чувство вины.*

⁵⁷ 徐兴业, 金瓯缺, 河南文艺出版社, 1985. Сюй Синье, Цзинь Оуке, Хэнаньское издательство литературы и искусства, 1985 г.

⁵⁸ 莫言, 丰乳肥臀, 上海文艺出版社, 2012. Мо Янь, Большая грудь, широкий зад, Шанхайское издательство литературы и искусства, 2012.

Вина 2 обычно метафоризируется как некая сущность (рыхлая или текучая субстанция): *тяжёлая вина (тяжёлая масса)* [Падучева, 2004, 141], *лёгкая вина, облегчить вину, преувеличить вину, смягчить вину, усугубить вину* т.д.

Потому что взял на душу тяжёлую вину! – в волнении воскликнул свидетель (Мюльбах, 2009).

Китайский материал: 无情的法律是无法对罪责深重的徐炳松格外开恩的
⁵⁹ *Безжалостный закон не может быть добр к Сюй Бингсону, потому что на нём тяжёлая вина.*

Исследование семантики Вины показывает, что Вина 1 может быть ориентирована на «поведение» в различных контекстах. Вина 2, обозначающего «внутреннее беспокойство», в разных контекстах может быть сфокусирована на элементах, связанных с «ответственностью», «мучением» или метафоризирована как некая «сущность» – тяжёлая вина.

Разграничение между внешней и внутренней стороной вины подтверждается и на уровне русской лексики. Так, слова *виноватый* и *виновный* фиксируют два разных измерения: виноватый – это внутреннее переживание проступка, сознание своей вины, а виновный обозначает социальную или юридическую ответственность за преступление [Малый академический словарь, 1995]. Аналогично противопоставлены *невинный* («не имеющий за собой вины») и *невиновный* («не причастный к преступлению»). То есть виноват – это отношение человека к самому себе, а виновен – отношение общества к нему.

Для дальнейшего анализа важно, что различие между Виной 1 и Виной 2 в теоретической модели Падучевой находит прямое подтверждение в лексических парах русского языка. Это разграничение особенно важно для нашего исследования, так как именно «Вина 2» репрезентирует внутреннее

⁵⁹ 人民日报, 1999. Народная ежедневная газета, 1999.

недовольство собой и задаёт ключевое направление межкультурного сопоставления.

Русская лексема «вина» совмещает внешнюю и внутреннюю стороны. С одной стороны, это проступок или ответственность перед обществом; с другой – чувство самоосуждения. Именно эта вторая сторона делает вину важным материалом для исследования *недовольства собой*.

Особое значение имеет разграничение, предложенное Е.В. Падучевой: «Вина 1» связана с внешней ответственностью за проступок, тогда как «Вина 2» обозначает внутреннее переживание раскаяния и самоосуждения. Именно этот второй аспект соотносится с понятием недовольства собой, так как выражает внутренний упрёк личности себе, снижение самооценки и стремление к исправлению.

В китайской языковой картине понятие «вина» выражается двумя основными словами: 过错 и 内疚. Слово 过错 состоит из двух иероглифов. Первый иероглиф 过 в словаре Шовэнь Цзецзы⁶⁰ объясняется следующим образом: В частности, левая часть осмысляется как извилистый путь, который обозначает движение, верхняя правая часть символизирует кость, оставшуюся после смерти, 冎 — данная часть обозначает ноги человека⁶¹. В китайском языке иероглиф 过 толкуется так: 1) пройти, пройти мимо. 禹八年于外,三过其门而不入⁶² Юй Великий восемь лет боролся с наводнениями и трижды **проходил** мимо своего дома, не войдя; 2) превосходить кого/что-то. 力大能举起大鼎,才气超过常人⁶³ Он достаточно силён, чтобы поднять тренажёр. Его талант **превосходит** всех остальных; 3) уйти из жизни. 陛下虽过世为神⁶⁴ Господин уже **ушел из жизни**; 4) прожить; 5) ошибиться. 人

⁶⁰ 说文解字 [Шовэнь Цзецзы <https://m.7vuelas.com/shuowenjiezi/>]

⁶¹ 金文编, 容庚, 中华书局, 1985. [Сборник Цзиньвэнь, Ронг Гэн, книжная компания Чжунхуа, 1985 г.]

⁶² 孟子·滕文公上 [Мэн-цзы, Мэн-цзы Тенгвенгонг.]

⁶³ 司马迁, 史记, 西汉. [Сыма Цянь, Исторические записи, династия Западная Хань.]

⁶⁴ 房玄龄, 晋书·苻登载记. [Фан Сюаньлин, Книга Цзинь - Записи Аномала Дэна]

总是在犯错之后才能改正 ⁶⁵ *Люди всегда исправляются после совершения ошибок*⁶⁶.

Второй иероглиф 错 также пишется 錯, левая часть (金) которого обозначает металл, правая часть 昔 представляет собой фонетическую графему, которая не имеет значения в этом иероглифе⁶⁷.

Первоначальное значение иероглифа 错 такое: «покрасить или инкрустировать предмет драгоценными металлами, такими как золото или серебро»⁶⁸. В результате этого процесса возникает несоответствие основы и инкрустации, поэтому 错 также имеет значение: «беспорядка и несовпадения друг с другом»⁶⁹. В современном китайском языке 错 имеет следующие значения: 1) Неверно и не соответствует реальности. 那怕什么? 喝两盅, 有了错, 我叫狗蛋送您回家 ⁷⁰*Чего вы боитесь? Выпейте. Если что-то пошло не так, я попрошу Собачку отвезти вас домой;* 2) пересек. 盘根错节 У деревьев скрученные корни и переплетённые ветви; 3) избегать друг друга; избегать конфликтов; машинам разъехаться. 春秋冬夏, 错四序之凉炎 ⁷¹ Весна, осень, зима и лето, холод и жара четырех сезонов избегают друг друга; 4) камни, используемые для полировки нефрита. 它山之石, 可以为错 ⁷²*Используйте камни с других гор для полировки посуды.* В настоящее время данное выражение обозначает: *Передовые технологии и опыт других могут быть использованы для справки;* 5) золотое и серебряное покрытие⁷³. В современном китайском языке первое и второе значение часто используются.

Слово 过错 в китайском словаре психологии толкуется так: «Это субъективное состояние объекта, умышленное или неосторожное. Вина, это

⁶⁵ 孟子, 孟子·告子下, 战国. [Мэн-цзы, Мэн-цзы · Гаозиксия, Период Воюющих царств.]

⁶⁶ 新华字典 [Словарь иероглифов Синьхуа <http://xh.5156edu.com/>]

⁶⁷ 陈廷敬, 康熙字典, 1711. [Чэнь Тинцзин, Словарь Канси, 1711.]

⁶⁸ 说文解字 [Шовэнь Цзецзы <https://m.7vuelas.com/shuowenjiezi/>]

⁶⁹ 说文解字 [Объяснять значение китайских иероглифов в классических текстах]

⁷⁰ 曹禺, 原野, 人民文学出版社, 1994. [Цао Юй, Юань Е, Издательство "Народная литература", 1994.]

⁷¹ 王勃, 守岁序, 唐. [Ван Бо, Соблюдение порядка года, династия Тан.]

⁷² 佚名, 鹤鸣, 先秦. [Аноним, Хеминг, Пре-Цинь.]

⁷³ 新华字典, 商务印书馆, 1957. [Словарь Синьхуа, Commercial Press, 1957.]

нарушение обязанности заботиться о других, демонстрирует субъективную виновность правонарушителя и является негативной оценкой его поведения»⁷⁴.

В Юридическом словаре 过错 толкуется «Вина означает, что выбранное актором поведение имеет характеристики нарушения общепризнанных в обществе стандартов поведения. Вина относится к ошибке или небрежности поведения человека или организации, приводящей к потерям или вреду другим людям или обществу»⁷⁵.

При сопоставлении видно, 过错 фиксирует внешнюю ответственность за проступок и соотносится с категорией «Вина 1», отражающей объективную сторону вины. См.: 我的过错在于太懦弱, 没能及时把握自己的幸福, 才任由喜剧变成闹剧 ⁷⁶Моя вина заключается в том, что я был слишком слаб и не сумел вовремя поймать собственное счастье и позволил комедии превратиться в фарс.

Вина в китайском языке также обозначает чувство, в таком случае слово пишется как 内疚. Первый иероглиф 内 первоначально имел иную графическую форму 𠂔; данный иероглиф имеет значение «попасть внутрь»⁷⁷. В словаре Синьхуа⁷⁸ 内 толкуется как: 1) внутри чего-либо; 2) внутренняя комната; 3) место, где живёт император; 4) домашние дела; 5) жены и наложницы; 6) внутренности.

Второй иероглиф 疚 состоит из двух частей: 疒 и 久. 疒 осмысляется как «болезнь», 久 обозначает, лечение иглоукалыванием. Первоначальное значение: болеть и лечиться⁷⁹. В словаре Синьхуа данный иероглиф

⁷⁴ 林崇德, 心理学大辞典, 上海教育出版社, 2003. [инь Чундэ, Психологический словарь, Shanghai Education Press, 2003.]

⁷⁵ 曾庆敏, 法学大辞典, 上海辞书出版社, 1991. [Цзэн Цинминь, Юридический словарь, Издательство Шанхайского словаря, 1991.]

⁷⁶ [苏西荷, 恋爱份子, 文化艺术出版社, 1996. [Су Сихэ, Любовник, Издательство «Культура и искусство», 1996.]]

⁷⁷ 说文解字 [Объяснять значение китайских иероглифов в классических текстах.]

⁷⁸ 新华字典, 商务印书馆, 1957. [Словарь Синьхуа, Commercial Press, 1957.]

⁷⁹ 说文解字 [Объяснять значение китайских иероглифов в классических текстах.]

рассматривается как⁸⁰: 1) длительная болезнь; 2) бедность; 3) недостаток; 4) бедствие; 5) чувство стыда и боли из-за ошибок; 6) печаль; 7) портить; наносить ущерб.

В данной части исследования я исхожу из того, что 内疚 в китайском языке толкуется следующим образом: «эмоциональное состояние, при котором субъект испытывает угрызения совести и чувство собственной неправоты»⁸¹. В словаре Цихай вина излагается: «Оно отражает именно субъективное самоосуждение, возникающее после осознания нарушения нравственных норм»⁸².

В пределах данной главы это означает, что 内疚 выражает внутреннее недовольство собой, связанное с самоосуждением и раскаянием, и соответствует категории «Вина 2». См.: 因为四姐的病，他一直疏远着她，这时他感到了深刻的内疚⁸³*из-за болезни четвёртой сестры он отдалился от неё, и в этот момент он испытывал глубокое чувство вины.*

Отсюда следует, что в китайской языковой картине мира 过错 обозначает внешнюю ошибку или проступок, а 内疚 – внутреннее чувство стыда и самоуничижения. Это различие соотносится с выделением «Вины 1» (внешняя ответственность) и «Вины 2» (внутреннее недовольство собой) в русском языке, что позволяет провести межкультурное сопоставление.

В рабочем понимании данной главы и в русском, и в китайском языках вина рассматривается как многоплановое явление, включающее как внешнюю ответственность за проступок, так и внутреннее эмоциональное переживание. В русском языке это различие чётко зафиксировано в дихотомии Е.В. Падучевой: Вина 1 связана с объективным проступком и социальной ответственностью, тогда как Вина 2 выражает внутреннее

⁸⁰ 新华字典, 商务印书馆, 1957. [Словарь Синьхуа, Commercial Press, 1957.]

⁸¹ 汉语词典 [Большой словарь китайских иероглифов https://baike.baidu.com/reference/3561/533aYdO6cr3_z3kATKDez62iMi2XZIn6u7PSULFzzqIP0XOpX5nyFJI26dRx8PJzWwiE5dczNI9axbr4AktA8K9ULA]

⁸² 《辞海》，上海辞书出版社，1979 年，第 1992 页。[«Цихай», Издательство Шанхайского словаря, 1992.]

⁸³ [莫言, 丰乳肥臀, 上海文艺出版社, 2012. [Мо Янь, Большая грудь, широкий зад, Шанхайское издательство литературы и искусства, 2012].

самоосуждение и фактически совпадает с понятием *недовольства собой*. В китайской языковой картине мира аналогичное разграничение проводится через противопоставление слов 过错 (объективный проступок, внешняя вина) и 内疚 (внутреннее чувство стыда, угрызения совести).

Общее для обеих традиций заключается в том, что вина осмысляется как важный регулятор поведения, обеспечивающий моральную ответственность и побуждающий к исправлению. При этом различия проявляются в акцентах: в русском языке особое внимание уделяется самокритике и внутреннему конфликту личности, тогда как в китайском – связи вины с социальными нормами и коллективными ожиданиями.

3.1.2 Репрезентация понятия «вина» / 过错 / 自责 в русском и китайском фразеологическом и паремиологическом фондах

Анализ паремийных и фразеологических единиц, связанных с категорией вины, показал, что не все они напрямую отражают состояние «недовольства собой». Часть единиц репрезентирует внутреннее переживание субъекта, выражающееся в самокритике, раскаянии, чувстве вины и стремлении к исправлению ошибок.

К таким единицам относятся:

1. Вина осмыляется как состояние души человека. Так как вина испытывается человеком после того как он совершил поступок, не соответствующий моральным нормам общества. Из-за этого душа мучает его, не давая субъекту покоя: *Без тучи гроза не грозит, без вины душа не дрожит*.

Китайский материал: 半夜敲门心不惊⁸⁴*без вины не будешь волноваться, когда в полночь кто-то стучит в дверь*. Здесь вина представлена как внутренняя тревога, что соотносится с недовольством собой.

2. Виноватый всегда ощущает внутреннюю тяжесть. Русское: *виноватому кажется, что все про него говорят*. В китайском языке 做贼心

⁸⁴无名氏, 《陈州糴米》, 元. [Аноним, «Чэньчжоу Райс», Юань.]

虚 сердце вора неспокойно. После совершения дурного поступка человека всегда терзает вина. Из-за этого ему кажется, что все обсуждают его и говорят о нем. Поэтому виновник всегда оправдывается, а правый ничего не боится, так как он честен: *Виноватый винится, а правый ничего не боится*. В китайском языке 清者自清, 浊者自浊 Чистое – это чистое, грязное – это грязное. Значение данной пословицы: невинным людям не нужно объяснять или доказывать свою невиновность, а виновные не могут изменить факт, даже если они пытаются скрыть свои проступки.

3. Ошибка как источник опыта. Русское: *Дважды наступить на одни и те же грабли не наступают*. В китайском языке 人不错成圣, 马不错成龙 Если человек не делает ошибок, он становится святым, если лошадь не делает ошибок, то она становится драконом. Мысль данной пословицы заключается в том, что все совершают ошибки. Но те, кто смело признают свою вину вовремя, не получают наказания: *повинную голову меч не сечёт*. В китайском языке 知错改错不算错, 知错不改错中错 осознать вину и исправить её – это не ошибка; знать о вине и не исправить её – вот настоящая ошибка; 亡羊补牢 为时不晚⁸⁵ чинить хлев, когда овцы сбежали – всё ещё не поздно, мысль этого выражения: осознавать и исправлять вину вовремя, чтобы избежать больших потерь.

4. Необходимость загладить вину. Русское: *виновен да повинен – богу не противен; кто виноват, тот и кается*. В китайском языке 知错能改, 善莫大焉 После того как человек осознал вину, лучше всего суметь её исправить. В то же время, если человек признал свою вину, но не попытался её загладить, это мешает его развитию, и именно это и есть настоящая вина: 过而不改, 是谓过矣 делать ошибки и не исправлять их – вот настоящая вина.

5. Алкоголь не оправдание. Русское: *пьяного грехи, да трезвого ответ*. В китайской традиции с алкогольным состоянием человека также связано

⁸⁵ 刘向, 战国策·楚策四, 西汉末年. [Лю Сян, Стратегия воюющих государств – Чу Цэ IV, конец династии Западная Хань].

чувство вины, так как в пьяном виде он может совершить плохой поступок несознательно. Протрезвев, он всегда жалеет о содеянном: 酒醒不见烤鸭子-后悔莫及 *стал трезвым, а жареная утка исчезла – испытывать раскаяние о сделанном.*

6. Признание вины предполагает самопознание. Русское: *Не о том речь, что виноватого сечь, а о том, где он.* В китайском языке: 人贵有自知之明 *важно, чтобы человек знал самого себя.* Значение данной пословицы: самое ценное для человека – уметь правильно понимать самого себя, в чём он прав, а в чём виноват.

7. Раскаяние и его пределы. Русское: *повинился, да не отмолился; виной твоей мне ни обуться, ни одеться.* 进了地府才伤心 —— 来不及了 *«только когда попадаешь в подземный мир, становится грустно» – уже слишком поздно.* Идея в том, что признание вины не всегда избавляет от тяжести внутреннего недовольства собой.

В то же время другая группа единиц отражает социально-нравственный аспект вины, не связанный с внутренней саморефлексией субъекта. Например:

1. Виновник должен быть наказан. Это неизбежный результат, выраженный в пословицах: *вина голову клонит; всякая вина виновата.* В китайском языке: 天网恢恢，疏而不漏 *небесная сеть широка, ячейки её редки, но никто не ускользнёт.* Смысл данного фразеологизма в том, что Бог справедлив, и виновный несет наказание за свою вину.

2. Невинный страдает за чужую вину. Русская пословица: *без вины виноват;* также выражения: *вали на серого, серый всё сvezёт; возложить вину на кого; переложить вину на другого.*

Китайский материал: 诿过于人 – *«сваливать вину на других»;* выражение 背黑锅 (*«нести чёрную кастрюлю»*) – человек принимает чужую вину. 你给他的那一千五百块钱赃款，被人发现了，如今上级送他到监狱，

他的家人差点跟着他背黑锅⁸⁶ *Полторы тысячи юаней, которые вы дали ему за украденные деньги, были обнаружены, и теперь, когда начальство отправило его в тюрьму, его семья чуть не несла на спине чёрную кастрюлю из-за тебя.*

Также употребляется выражение 替死鬼 («гибнущий вместо виновного») Данное выражение относится к человеку, который страдает или несёт ответственность за кого-то другого⁸⁷. 她自己跳了河，是我们把她从河中捞上来。可张拳说是我们把她推到河中淹死的，无奈何，只好让黄秋雅当了替死鬼⁸⁸ *Она сама прыгнула в реку, и именно Хуан Цюйя выловил её из реки. Но её муж сказал, что это Хуан Цюйя толкнул её в реку и утопил. В итоге Хуан Цюйя стал гибнущим вместо виновного.*

Невиновный человек, согласно Библии, получил название «козёл отпущения», значение: человека, на которого возложили ответственность за действия других, вину за неудачу других, – для того, чтобы скрыть её настоящие причины и настоящего виновника⁸⁹. В русском языке в такой ситуации козлом отпущения часто оказывается жена: *у мужа жена всегда виновата.*

3. Не следует торопиться обвинять. Русская пословица: *не бей Фому за Ерёмину вину*. В китайском языке: 遇事不指责, 凡事多体谅 *не спеши обвинять, попробуй понять другого*. В обоих языках фиксируется идея справедливого распределения ответственности, связанная с самоконтролем и осознанностью.

4. Виновный избегает общения. Русское: *у правого уши смеются, а у виноватого язык уныл*. В китайском языке: 闭口不谈 *закрыть рот, ничего не говорить*; 闭口藏舌 *закрыть рот и спрятать язык*. Значение этих

⁸⁶ 古华, 芙蓉镇, 人民文学出版社, 1981. [Гу Хуа, Город гибискусов, Издательство народной литературы, 1981.]

⁸⁷ 汉语词典 [Словарь Ханьюй <https://www.zdic.net/hans/%E6%9B%BF%E6%AD%BB%E9%AC%BC>]

⁸⁸ 莫言, 蛙, 上海文艺出版社, 2012. [Мо Янь, Лягушка, Шанхайское издательство литературы и искусства, 2012.]

⁸⁹ 重庆大学语言文字网 [Сеть языков и символов Университета Чунцина <https://ywb.cqu.edu.cn/info/1006/2065.htm>]

фразеологизмов: субъект из-за своих ошибок или проступков не хочет общаться с другими.

5. Коллективная вина. Русское: где все виноваты, там никто не виноват. В китайском языке: 法不责众 Массовые проступки остаются безнаказанными. Здесь проявляется социальный аспект, но на индивидуальном уровне вина осознаётся как собственное несоответствие.

По приведённым примерам видно, что пословицы и фразеологизмы двух языков показывают, что вина воспринимается не только как социальная или юридическая категория, но и как глубоко личное переживание, связанное с недовольством собой.

3.1.3 Различия в интерпретации «вины» в русских и китайских фразеологизмах

Фразеологизмы и пословицы двух языков показывают, что вина может осмысляться как во внешнем, так и во внутреннем плане.

1. Фразеологизмы и пословицы, связанные с недовольством собой.

В китайских фразеологических и паремиологических данных не страшно совершать ошибки, а страшно, что мы ничему не научились на своём опыте и нельзя повторно совершать ошибку, которую уже сделали:

聪明人不会在同一个地方摔倒两次 *умный человек не упадёт дважды в одно и то же место.* 江山易改, 秉性难移 *легче сдвинуть горы и реки, чем изменить характер человека.* 过而不改, 是谓过矣 *делать ошибки и не исправлять их – вот настоящая вина.*

Китайские примеры показывают, что вина понимается не только как нарушение социальной нормы. Важной становится и внутренняя реакция человека: признание ошибки и желание её исправить.

2. Фразеологизмы и пословицы, выражающие внешнюю ответственность.

Русские примеры показывают, что часто встречаются выражения, где вина зависит от обнаружения проступка:

«Ушёл – так прав, попался – так виноват»; «Кто от рук отмотался, тот прав остался». Здесь вина трактуется как внешняя санкция, зависящая от социальной оценки. В китайской традиции, напротив, закреплена идея неизбежности наказания: 若想人不知, 除非己莫为 *если хочешь, чтобы никто не узнал, лучше не делай этого*. Здесь вина понимается прежде всего как социальный факт, который рано или поздно вскроется.

Именно поэтому в русской паремиологической традиции вина нередко осмысливается как категория внешней ответственности («виноват – если пойман»), а в китайской – как внутренняя обязанность исправить ошибки.

3.2. Метафорическое осмысление понятия «вина» / 过错 / 自责 в сопоставляемых языках

Далее рассмотрим метафорическое осмысление слова «вина» в двух сопоставляемых языках.

1. Метафоры, напрямую репрезентирующие недовольство собой:

1) вина как предмет, у которого тяжелый вес. Когда человек виноват, он испытывает большой стресс от чувства вины и оценки общества:

Потому что взял на душу тяжёлую вину! – в волнении воскликнул свидетель (Мюльбах).

Ты стараешься сталкиваться с ним как можно реже, потому что тебе неприятно испытывать презрение (иногда приходит тяжёлая вина за собственное несовершенство) (Шаманова, 2022, НКРЯ).

Китайский материал: 负罪 нести вину. 由于我的内心深处有一个见不得人的‘秘密’, 所以总是对她有十分的愧疚和负罪感⁹⁰ *Поскольку в глубине моей души есть постыдная «тайна», я всегда несу вину и чувствую сильное раскаяние перед ней.*

⁹⁰ 王小波, 《东宫·西宫》, 陕西师范大学出版, 2006 年 [Ван Сяобо. «Восточный дворец. Западный дворец». Шаньсийский педагогический университет, 2006].

2) Вина как болезнь, разрушающая душу. Недовольство собой в метафорическом плане понимается как симптом и одновременно причина «душевного воспаления»:

Мои визиты на кафедру случались нечасто, примерно раз в месяц, но я всё равно потом мучилась болезненным чувством вины (Машкова, 2021, НКРЯ).

Это бессознательный способ сбросить с себя эмоциональный груз, которым, как правило, являются скрытая убеждённость в своей грешности, болезненное чувство вины и страх наказания (Карта, 2022, НКРЯ).

В китайском материале отсутствует столь прямая медицинская метафора, но близкая мысль выражена в пословице: 忠言逆耳利于行, 良药苦口利于病 (горькое лекарство полезно для болезни, правдивые слова режут слух, но помогают исправить поведение).

3) Зооморфная метафора вины. Как отмечает Н.А. Красавский, «множество предикатов в действительности оказываются актуальными и в отношении обозначения актов человеческого поведения, и в отношении наименования поведенческих реакций животных» [Красавский, 2001, с. 29]. Вина в языке часто представляется как зверь с острыми клыками, который нападает на человека:

Чувство вины грызёт изнутри, не даёт расслабиться и выдохнуть (Григорий, 2023).

Слова сорвались с его губ без предупреждения. *Чувство вины грызло его сердце, запертое точно в клетке* (Альберт, 2021).

Китайский материал: 罪恶如同狡猾的狐狸, 用狡黠的眼神窥视着每一个弱小的灵魂⁹¹ *вина подобна хитрой лисице, вглядывающейся в каждую немощную душу хитрыми глазами.*

2. Метафоры, акцентирующие внешнюю ответственность:

1) в правовой и моральной традиции вина осмысляется как предмет, имеющий «размеры» и степень тяжести.

⁹¹ 人民日报, 1998. [Народная газета, 1998.]

Для китайского языка категория вины связана с габаритными размерами
军人的配偶要求离婚，须得军人同意，但军人一方有重大过错的除外⁹² для
развода, о котором просит супруга военнослужащего, требуется согласие
военнослужащего, за исключением случаев, когда военнослужащий имеет
большую вину. В русском языке такое понятие тоже есть: *тем не менее
ответственность за банкротство государства несоизмерима со
значительно **большей виной*** (Экономический анализ проекта «Немецкое
единство»).

Также 双方均有过错，且受害方过错小于对方⁹³ *обе стороны виновны, и
потерпевшая сторона **менее виновна**, чем другая сторона*. В русском языке:
*Не буду всего рассказывать, скажу только, что малая вина тут моя была,
но никак она не тянула на расстрел* (Петушки обетованные, 2018).

2) Вина как долг, требующий искупления: человек старался **искупить
вину** перед Богом и заслужить прощение через покаяние, паломничество,
крестный ход, поклонение святым (Мозер, 2018, НКРЯ). В китайском языке:
分一部分国土给女儿和女婿去管理，作为赎罪 ⁹⁴ *Выделить часть земли
дочери и зятю в качестве искупления вины*.

3) Вина рассматривается как неприятное существо. В русском языке
встречается образ, когда вина осмысливается как нежелательный «партнёр»,
которого стараются избежать: *Но в итоге эта фраза звучит так, как будто
полностью **снимает вину** с обижающего* (Танкова, 2021). В китайском
языке отсутствует такое осмысление.

4) Вина как складка, которую необходимо загладить. В русском языке: *И
чтобы **загладить вину**, Клава завезла Нюре мешок картошки и ведёрко
солёных помидоров* (Халяпина, 2014, НКРЯ). В китайском языке нет такого
осмысления, но есть выражение 弥补过错, дословный перевод:
компенсировать вину, значение: устранение или восполнение потерь или

⁹² 福建日报, 1980. [Фуцзянь Дейли, 1980.]

⁹³ 科技文献, 1999 [Научно-техническая литература, 1999]

⁹⁴ 冰心, 冰心全集第四卷, 商务印书馆, 2008. [Бин Синь, Полное собрание сочинений "Ледяное сердце", том 4, Коммерческое издательство, 2008.]

недостатков, вызванных виной, посредством правильных действий 国家在战后以实际行动弥补过错⁹⁵ После войны страна **компенсировала свою вину реальными действиями.**

В русской языковой картине встречается и более жёсткий образ: искупить вину кровью: Но, проникнутые идеями гуманизма, наша партия, наше правительство, наш самый справедливый в мире суд дают преступнику возможность искупить вину кровью (Астафьев, 1995, НКРЯ).

Анализ метафор показывает, что чувство вины обычно осмысливается в двух направлениях.

С одной стороны – это внутреннее переживание: вина ощущается как тяжесть, как болезненное состояние или что-то, что «грызёт изнутри». Такие образы передают самоосуждение и внутренний дискомфорт. С другой – это внешняя ответственность: вина воспринимается как долг, который нужно искупить или исправить. Здесь важнее социальная сторона – последствия поступка и необходимость восстановить порядок.

Исследование категории «вина» в двух сопоставляемых языках показало, что она совмещает внешнюю ответственность и внутренние переживания, при этом именно внутренний план позволяет трактовать вину как выражение недовольства собой.

В современном русском языке вина, во-первых, представляет собой безнравственный или нарушающий право поступок; во-вторых, в уголовном праве вина – психическое отношение лица к совершённому им преступлению, выражающееся в форме умысла или неосторожности; в-третьих, вина выражает осознание человеком собственной греховности.

Китайские примеры показывают, что понятие «вина» передаётся словами 过错 или 内疚. Так, 过错 обозначает поступок, совершённый субъектом и нарушающий общепризнанные нормы поведения в обществе. 内疚 в китайском языке толкуется как чувство стыда и беспокойства.

⁹⁵ 人民日报 2014 年 01 月 14 日 [Народная газета 14 января 2014 г.]

Е.В. Падучева отмечает: «Вина 1» обозначает проступок, ответственность перед обществом, в китайском языке: 过错, а «Вина 2» рассматривается как внутреннее переживание, раскаяние, в китайском языке: 内疚. Именно «Вина 2» выражает существенное недовольство собой, и это состояние проявляется как тяжесть на душе, внутренний упрёк, постоянная тревога и самокритика.

Из приведённого материала видно, что вина как средство выражения недовольства собой проявляется в следующих аспектах:

Нарушение личных ценностей и убеждений. Когда субъект из-за своей слабости не смог помочь кому-либо, он недоволен собственной неспособностью и испытывает чувство вины.

Когда чьё-то решение или действие привело других к несчастью или неудаче. Принятие решения для кого-либо не простое дело, особенно если решение принимается за другого человека. Ведь если результат окажется положительным – проблем не возникает, а если отрицательным – тот, кто принял решение, испытывает вину, стыд, недоволен собой, задаётся вопросом, почему не продумал всё достаточно хорошо.

Чрезмерная самокритичность. Человек часто думает о собственных неудачах и испытывает сильное чувство стыда; он сомневается в собственных идеях, даже если они одобрены другими; преувеличивает свои недостатки и мелкие ошибки.

ГЛАВА 4. Чувство недовольства собой и нравственные категории

«Стыд» и «Совість»

4.1. Содержание понятия «стыд» в сопоставляемых языках

Н.Д. Арутюнова отмечает: «Стыд и совесть дают возможность оценивать себя с позиции внешнего взгляда» [Арутюнова, 1997: 69]. Стыд, обращённый к реакции общества, наряду с совестью выполняет функцию «нравственного регулятора поведения человека» [Богданова, 2021: 108].

Стыд в Толковых словарях русского языка рассматривается как «чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка, поведения»⁹⁶. Психологические словари уточняют: «Стыд – эмоция, возникающая в результате осознания несоответствия, реального или мнимого, своих поступков или индивидуальных проявлений принятым в данном обществе и им самим разделяемым нормам или требованиям морали. Стыд может быть связан с поведением или проявлением личностных черт других, как правило, близких людей (стыд за другого)»⁹⁷.

Слово «стыд» в русском языке восходит к старославянскому *studъ, stydъ*, обозначающим холод. Однокоренные слова – стужа, студёный, стынуть [Арутюнова, 1997: 59]. В этимологическом словаре указывается: «Оно восходит к той же основе, что и студить. Значение ‘холод, окоченение’ перешло в ‘чувство срама’»⁹⁸. В этом переходе от физического холода к чувству срама виден ранний культурный образ эмоционального переживания.

Связывая этот этимологический признак с коммуникативной сценой, можно отметить: охлаждение «другого» переживается как «холод» по отношению к «я» и запускает самооценочные реакции. Отчуждение и отторжение описываются через холодные метафоры: *мерзко, холодное отношение, остыл к кому-то*. Такая метафорика фиксирует переживание несоответствия и одновременно выражает недовольство собой, так как субъект интериоризирует внешнее «охлаждение» в форме внутреннего самоупрека.

По К.Л. Изарду, стыд вызывается факторами, затрагивающими «Я-образ»: телесность, интимность, дружбу, межличностные отношения, а также ощущение собственной несостоятельности, в том числе в сексуальной сфере [Изард, 2000: 351]. Иначе говоря, стыд – это реакция на значимые для

⁹⁶ Головин С.Ю. Словарь практического психолога <https://vocabulary.ru/slovari/slovar-prakticheskogo-psihologa.htm>

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Этимологический словарь Макса Фасмера <https://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/fc/slovar-209-14.htm#zag-12842>

индивида сферы, в которых обнаруживается несоответствие ожиданиям. В таком виде стыд представляет собой переживание недовольства собой, поскольку субъект фиксирует собственное «несоответствие себе».

В сценарии возникновения стыда участвуют два актора: «я» и «другой». Появление стыда зависит от оценки другим человеком поступков «я». Если «другой» осуждает, он нередко проявляет «охлаждение» и демонстрирует холодное отношение к нарушителю. Такая реакция соотносится с этимологией: сема «холод» закономерно связывается с осуждением и отвержением (*остыл, мерзко, холодно на душе*). Физиологические проявления (опустить голову, съёжиться, ощущение «стынет кровь в жилах») символически фиксируют это внутреннее состояние.

На этом материале видно, что стыд возникает на пересечении оценки другого и собственной оценки субъекта. Внешнее осуждение становится внутренним самоупрёком. Поэтому формула «мне стыдно» в ряде случаев фактически означает: «я сам себе не соответствую».

В китайской языковой картине чувство стыда передаётся словом 惭愧. Значение первого иероглифа: «стыд, чувство вины, смущение от собственных недостатков, ошибок или невыполненных обязанностей; внутреннее угрызение совести»⁹⁹.

Второй иероглиф 愧: быть виноватым перед кем-либо, чувствовать себя обязанным¹⁰⁰.

На этом основании можно считать, что в современном китайском языке значение слова 惭愧: «Это чувство стыда и вины, возникающее у человека из-за собственных ошибок, недостатков, неоправданных ожиданий других людей или неправильных поступков. Оно сочетает в себе внешнее смущение и внутреннее самокритику, акцентируя внимание на моральном и нравственном беспокойстве.»¹⁰¹.

⁹⁹ 说文解字 [Объяснять значение китайских иероглифов в классических текстах]

¹⁰⁰ 说文解字 [Объяснять значение китайских иероглифов в классических текстах.]

¹⁰¹ 新华字典 [Словарь иероглифов Синьхуа. 2011.]

Китайское 惭愧 в собранном материале соединяет два значения: реальное переживание стыда и речевую стратегию скромности. Для темы *недовольства собой* важен первый слой, где субъект признаёт собственную неправоту или недостаточность.

На основе анализа словарных толкований в обоих языках можно заключить, что к причинам возникновения стыда в русском и китайском языках относятся следующие: 1) человек или его близкие совершили поступки, нарушившие этические нормы и правила поведения; 2) человек совершил нечестные или нелепые поступки; 3) стыд можно разделить на две категории – моральный стыд и эмоциональный стыд.

В русских фразеологических и паремиологических данных чувство стыда возникает, когда «другой человек» охладевает к субъекту и проявляет к нему холодное отношение, поэтому стыд здесь связывается с ощущением холода.

В китайских фразеологических и паремиологических данных понятие стыда передаётся словом 惭愧, которое также используется для выражения скромности.

4.2. «Стыд» как реализация *недовольства собой* в сопоставляемых языках

4.2.1. Центральные репрезентации стыда как *недовольства собой*

Л.И. Богданова отмечает: самооценка, представленная в семантике стыда, «возможна только на фоне зримого или незримого присутствия Другого» [Богданова, 2021: 112]. Для обозначения свидетелей плохого поступка в русском языке есть специальная предложно-падёжная форма – перед кем стыдно:

1. Стыд перед самим собой.

Русский материал: И мне будет стыдно перед самим собой за эту мимолетную слабость (Данилкин, 2011, НКРЯ).

Стыд перед людьми – хорошее чувство, но лучше всего стыд перед самим собой (Лев Толстой).

Китайский материал: 自慚形穉 стыдиться самого себя, ощущая неполноценность.

В данном случае субъект выступает в роли «судьи» собственных поступков и качеств. Стыд связан не столько с реакцией окружающих, сколько с внутренним переживанием собственной несостоятельности. В этом смысле данная репрезентация – проявление недовольства собой, выражающегося в саморефлексии и критическом отношении субъекта к собственной слабости.

2. Стыд за свою слабость, ошибку или вину.

Мне стало стыдно за своё неверие, и я дал тому человеку пятак (в смысле, рублей) (Ботев, 2013, НКРЯ).

Мне стыдно за свою слабость. Я пережила настоящую душевную ломку, которая измучила меня (Колмогоров, 2012, НКРЯ).

А нам с Манюней было очень стыдно за своё поведение, и мы поклялись никогда больше плохо себя не вести (Абгарян, 2012, НКРЯ).

Китайский материал: 想到自己在教育孩子身上不曾花费多少功夫总觉得惭愧。巴金《随想录》¹⁰² *Мне стыдно за то, что потратил мало времени на образование детей.*

这都怨我们考虑不周，让你们一家失散了，我感到很惭愧。李準，《黄河东流去》¹⁰³ *Мне стыдно за то, что из-за нашей невнимательности ваша семья распалась.*

В этих случаях субъект осознаёт собственное несоответствие норме – будь то проявление слабости, утрата веры или ненадлежащее поведение. Стыд при этом выступает как внутренняя санкция, направленная на самого

¹⁰² 巴金,《随想录》,上海文艺出版社,2008.[Ба Цзинь,«Размышления»,Шанхайское издательство литературы и искусства,2008].

¹⁰³ 李準,《黄河东流去》,北京出版社,1978.[Ли Цзюнь,Желтая река течет на восток,издательство Пекин,1978].

себя, как форма недовольства собой, связанная с осмыслением собственных промахов.

3. Стыд как внутренний упрек.

Он не справился с печалью душевной и пытался повеситься. Спасли друзья, следившие за слишком долго угнетённым художником. Левитан испытывал стыд перед самим собой, краснел при встречах со знакомыми (Евдокимов, 1940, НКРЯ).

Китайский материал: 我到礅山没干几天, 人家就这样想着我, 关心我, 我为前几天的念头感到惭愧 人民日报 ¹⁰⁴ *Я работал в Даншане всего несколько дней, и люди думали обо мне и заботились обо мне вот так. Я испытывал стыд из-за своей дурной мысли в последние несколько дней.*

我感到内心痛苦, 我感到对不起读者, 我感到惭愧 李準 «黄河东流去» ¹⁰⁵ *Мне больно внутри, мне жаль моих читателей, я почувствовал стыд.*

Стыд в данном случае проявляется как устойчивая интроспективная реакция: субъект продолжительное время испытывает негативное отношение к самому себе даже в отсутствие непосредственного социального осуждения. Такое состояние можно рассматривать как форму длительного недовольства собой, постепенно приобретающего характер внутреннего морального давления.

4. Стыд как осознание несоответствия ожиданиям.

Русский материал: *Как мне стыдно перед этим моим прежним любимцем зато, что я изменил ему (Чайковский, 1879, НКРЯ).*

Китайский материал: «我昂藏五尺之躯, 倒要受你的保护, 我是非常惭愧» 张恨水 《欢喜冤家》 ¹⁰⁶ *У меня высокий рост, но нахожусь под твоей защитой, мне очень стыдно.*

¹⁰⁴ 人民日报 2001 年 12 月 25 日。[Народная газета. 25 декабря 2001 г].

¹⁰⁵ 李準, 黄河东流去, 北京出版社, 1984. [Желтая река течет на восток, Пекинский издательский дом, 1984]

¹⁰⁶ 张恨水, 《欢喜冤家》, 北方文艺出版社, 2019. [Чжуан Хэньшуй, «Счастливого врага», Издательство Северной литературы и искусства, 2019].

抗战期间，大敌当前，作为军人，我现时能在家里，实在**惭愧**。宗璞，《东藏记》¹⁰⁷ *Во время антияпонской войны враг стоит перед нами, и мне как солдату **очень стыдно** находиться дома.*

В данном случае стыд возникает из противоречия между предписанной социальной ролью (друг, защитник, солдат) и фактическим поведением субъекта. Невозможность соответствовать ожидаемой норме вызывает у него негативное отношение к самому себе, сопровождающееся переживанием недовольства собой.

5. Стыд за обман и нечестность.

Русский материал: *Наверное, я покраснел от стыда за обман. Затем я сознался: да, обманул* (Азольский, 2002, НКРЯ).

Как они рукоплескали! Я почти оглохла и чуть не провалилась сквозь землю от стыда ... Обманутые люди аплодировали (Колина, 2011, НКРЯ).

Китайский материал: 群众的追问使他赧颜汗下。人民日报¹⁰⁸ *На допросе из толпы, его лицо из-за стыда становится красным и голова потеет.*

В данном типе стыда объектом осуждения становятся собственная ложь и неискренность субъекта. Стыд при этом выступает как форма самонаказания: субъект осознаёт моральное несоответствие своего поведения и тем самым формирует отрицательное отношение к самому себе, что позволяет рассматривать его как проявление недовольства собой.

6. Стыд за упущенное время или неиспользованные возможности.

Лето подходило к концу, и Абакасов обнаружил, как мало книг прочитано, и вспотел от стыда (Вахтин, 1964, НКРЯ).

Китайский материал: 我自己虚度年华，常常感到惭愧¹⁰⁹ *Я сама растратила свои годы впустую и нередко ощущаю глубокий стыд.*

¹⁰⁷ 宗璞，《东藏记》，人民文学出版社，2019。[Цзун Пу, Книга о Восточном Тибете, Издательство "Народная литература", 2019].

¹⁰⁸ 人民日报 2005 年 10 月 04 日。[Народная газета. 04 октября 2005 г].

¹⁰⁹ 冰心，《寄小读者》，江苏凤凰文艺出版社，1926。[Бинь Синь. Письма маленькому читателю. Цзянсу: Издательство «Феникс литературы и искусства», 1926].

В данном случае субъект испытывает стыд не за конкретное действие, а за бездействие и упущенные возможности. Подобное переживание можно рассматривать как форму самокритики, при которой субъект осознаёт собственную несостоятельность и испытывает недовольство собой в связи с неэффективным использованием времени.

7. Стыд за дурные мысли и мотивы.

Ее голос стал мягче, и я снова почувствовал стыд за своё отношение к родителям (Емельянова, 2019, НКРЯ).

Китайский материал: 我为前几天的念头感到惭愧 ¹¹⁰ *Я испытываю стыд за мысли, которые у меня были в последние дни.*

В этих примерах стыд направлен не на поведение, а на внутренний план личности – мотивы, установки, мысли. Подобная саморефлексия представляет собой наиболее глубокий уровень недовольства собой, при котором субъект осуждает не отдельный поступок, а саму возможность «дурного намерения».

Выделенные семь типов показывают, что в своей центральной семантике стыд выступает как форма самоуничтожения и автоосуждения: субъект переживает собственное несоответствие норме и формирует устойчиво отрицательное отношение к самому себе.

4.2.2. Периферийные репрезентации «стыда»

Наряду с рассмотренными центральными случаями в языке встречаются и иные репрезентации, в которых стыд не связан с самокритикой, а выполняет иные – этикетные, культурные или ценностные – функции.

1. Стыд как обозначение везения (отдельные случаи в китайской литературе).

郭孝子扒起来，老虎已是不见了。说道«惭愧，我又经过了这一番。」
(吴敬梓《儒林外史》，清) ¹¹¹ *Го Сяоцзы встал, тигр уже исчез. Он сказал: «Стыдно, я опять избежал опасности».*

¹¹⁰ 人民日报 2005 年 10 月 04 日. [Народная газета. 04 октября 2005 г].

¹¹¹ 吴敬梓《儒林外史》，清. [У Цзинсинь, «Неофициальная история конфуцианцев», Династия Цин].

В этом фрагменте важно подчеркнуть, в китайской традиции стыд возникает не только в связи с проступками. Он возможен и в ситуации удачи. Если человек понимает, что полученный результат не является следствием его собственных усилий, а скорее случаен, он не склонен воспринимать себя как более достойного по сравнению с другими. Напротив, такое положение может сопровождаться чувством стыда.

2. Стыд как формула вежливости.

石岑先生请弘一法师谈关于人生的意见。《惭愧，没有研究，不能说什么。》叶圣陶《两法师》¹¹² *Господин Ши Цинь попросил совет жизни у бонзы Хун И, и он сказал: «Стыдно, я не хорошо разбираюсь в этом, ничего не могу сказать».*

《你懂得真多。》《哪里，还是你懂得多。》《你懂得多。》《惭愧惭愧。》王朔《顽主》¹¹³ *Говорящий А: вы так много знаете; Говорящий В: нет, вы знаете лучше меня; Говорящий А: стыдно, стыдно.*

《您就是大名鼎鼎的马鸣？》《哎，惭愧惭愧。》韩少功，马桥词典¹¹⁴ *Говорящий А: "Вы тот самый знаменитый Ма Минг?" Ма Минг: "Ай, стыдно, стыдно."*

В этих случаях «惭愧» употребляется скорее как формула вежливой скромности, чем как обозначение реального переживания. Говорящий прибегает к нему, чтобы немного умалить собственные достоинства и тем самым выразить уважение к собеседнику. В таком употреблении оно почти не связано с недовольством собой: здесь нет внутренней самокритики, речь идёт скорее об элементе речевого этикета.

3. Стыд как добродетель, где стыд мыслится как моральный регулятор.

惭耻之服，无上庄严¹¹⁵: *Одежда, которая сделана из «стыда», самая красивая одежда, потому что если человек знает, что такое стыд, то у*

¹¹² 叶圣陶,《两法师》,上海文艺出版社,1980.[Е Шентао,«Две бонзы»,Шанхайское издательство литературы и искусства,1980].

¹¹³ 王朔,顽主,1995,华艺出版社.[Ван Шо,Упорный лорд,1995,издательство "Хуайи"].

¹¹⁴ 韩少功,马桥词典,作家出版社,1997.[Хань Шаогун.Словарь моста,Издательство писателей,1997.

¹¹⁵ 《涅槃经》卷十九 Nirvana, том 19, 1996].

него благородная и возвышенная натура. В буддийском мировоззрении это чувство приобретает значение: оно выступает как внутренний нравственный ориентир, побуждая человека к самокритике и постепенному преодолению присущих ему негативных качеств.

В христианской традиции данное чувство также занимает важное место, поскольку оно тесно соотносится с категорией совести и выступает как одна из форм её проявления: *«Стыд как проявление честности перед другим человеком в миру (вещественно), совесть как проявление святости перед Богом»* [Колесов, 2004: 118].

В данном случае стыд осмысливается как общее моральное качество, необходимое для духовного развития и соблюдения норм. Он воспринимается скорее как универсальная добродетель, чем как конкретное переживание субъекта в отдельной ситуации. В таком понимании речь идёт скорее о ценностной интерпретации стыда, чем о непосредственном опыте недовольства собой.

Анализ помогает разделить центральные и периферийные случаи репрезентации концепта стыда в русском и китайском языках. В центре находятся такие употребления, где стыд обращён на самого субъекта: за слабость, ошибку, обман, потерянное время или дурные мысли. В этих примерах человек как будто сам становится адресатом собственной критики и переживает недовольство собой изнутри. Поэтому именно такие употребления образуют ядро рассматриваемого концепта и связывают стыд с самооценкой и самонаказанием.

Периферийные значения (стыд как везение, как формула вежливости, как абстрактная добродетель) расширяют его семантическое поле, однако не предполагают внутреннего упрёка или подлинного самоуничтожения. Их функция носит скорее культурно-риторический или ценностно-нормативный характер.

Поэтому в данном исследовании именно центральные репрезентации стыда выступают основным языковым выражением категории недовольства

собой: в обоих языках стыд оказывается важным средством осмысления субъективного несоответствия и запуска самокритики.

4.3. Репрезентация понятия «стыда» / 惭愧 в русском и китайском фразеологическом и паремиологическом фондах

Как отмечает Б. Фрэзер, фразеологизмы и пословицы отражают устойчивые культурные представления: знание языка предполагает знание его идиоматики [Фрэзер, 1970: 221]. Анализ фразеологического и паремиологического материала позволяет выявить особенности репрезентации стыда и проследить его связь с категорией недовольства собой в русском и китайском языках.

1. Прямые проявления недовольства собой

1) Физиологические проявления стыда. В русском: *стыдливый покраснеет, а бесстыжий побледнеет*.

Китайский материал: 脸红之人心不黑 если лицо краснеет, значит, сердце чисто. В китайской культуре чёрный цвет ассоциируется с трауром и злом, поэтому «чёрное сердце» символизирует дурные мысли. Покраснение осмысливается как непроизвольная физиологическая реакция, которая отражает момент самоуничижения и указывает на внутреннее недовольство собой.

2) Стыд за неучённость и отсутствие усилий. Пословицы осуждают нежелание учиться или развиваться:

Русский материал: не знать не стыдно, стыдно не учиться. В китайском языке: 不学无术 быть невежественным – постыдно.

В данном случае отрицательная оценка направлена на собственную лень и отсутствие стремления к развитию, что отражает недовольство собой в когнитивной и образовательной сфере.

3) Стыд за нарушение слова и нечестность. В русском языке: *кто изменит слову, тот теряет стыд*. В китайском языке: 背信弃义 *нарушить*

свое обещание. В обоих языках нарушение обязательств воспринимается как утрата моральной легитимности и сопровождается чувством стыда. Такие выражения отражают самокритику и недовольство собой, вызванные утратой честности.

4) Стыд за паразитизм, праздность и жадность. В русском языке: *если даёшь – не бойся, берёшь – постыдись*. В китайском языке: 不劳而获 *получать выгоду без труда*; 坐享其成 *сидеть и наслаждаться результатами чужих трудов*. Эти пословицы выражают отрицательное отношение к эксплуатации чужого труда. Стыд здесь связан с внутренним самоосуждением за нежелание трудиться и отражает недовольство собой в социально-этической сфере.

5) Стыд за низость, льстивость и ложь. В русском языке: *тому великий стыд, кто языком льстит; и сам себя стыду ты предаёшь, когда твой рот твердит повсюду ложь*. В китайском языке: 卑鄙无耻 *низменность и бесстыдство*; 作贼心虚 *вора выдаёт трусость*. В этих примерах стыд отражает внутреннее недовольство собой, связанное с низкими мотивами, лестью и ложью, т.е. с моральным несоответствием собственным и социальным нормам.

6) Стыд как стимул к развитию. В русском языке: *стыдно не учиться*. В китайском языке: 不耻不若人, 何若人有 *без стыда за отставание нет стремления к совершенству*. В данном случае стыд выступает как позитивный фактор, побуждающий субъекта к преодолению собственной несостоятельности. Здесь он связан с недовольством собой, которое становится основанием для самосовершенствования.

2. Периферийные репрезентации, не связанные с недовольством собой

1) В русском языке отношение к стыду проявляется неоднозначно, что находит отражение, в частности, в пословицах. Так, выражение *без стыда лица не износишь, как платья без пятна* указывает на неизбежность этого переживания в человеческой жизни: отсутствие стыда здесь воспринимается

скорее не как признак безупречности, а как свидетельство недостаточности нравственного опыта. Подобное понимание не характерно для китайской языковой традиции.

Вместе с тем стыд соотносится с представлением о скромности, однако пословицы *стыдливый из-за стола голодный встаёт* и *стыд не дым, глаза не выест* показывают, что в ряде случаев от него можно отказаться в пользу самосохранения и внутреннего комфорта. В этом смысле в русской культуре стыд иногда осмысливается как переживание, не обладающее практической необходимостью.

2) В русском языке стыд и материальное богатство противопоставляются: *Отбрось стыд и будешь сыт*¹¹⁶. В китайском языке принято противоположное значение: 宁可无钱, 不可无耻¹¹⁷ *лучше не иметь денег, чем не иметь стыда*. В русском языке, по сравнению с смертью стыд уже не имеет значения. *Не смерть страшна – стыд страшен*¹¹⁸, а в китайском языке 忍辱贪生不如死得光荣¹¹⁹ *лучше умереть с честью, чем жить в позоре*.

3) В китайской традиции стыд нередко переносится на уровень общества и государства: 士不知耻, 为国之大耻。士皆知有耻, 则国家永无耻矣。龚自珍¹²⁰ *если человек не знает стыда, это большой позор для страны*. 礼义廉耻, 国之四维, 四维不张, 国乃灭亡¹²¹。管仲 *этикет, праведность, неподкупность и стыд – четыре опоры государства*. В подобных случаях стыд рассматривается как условие поддержания социального порядка и государственного процветания.

Анализ фразеологического и паремиологического материала показывает, что в обоих языках стыд воспринимается как чувство, сопровождающее

¹¹⁶ Даль В.И. Пословицы русского народа. – URL: <https://vdahl.ru/>

¹¹⁷ 谚语词典 1987. [Словарь пословиц, 1987.].

¹¹⁸ Большой словарь русских поговорок. – URL: https://studylib.ru/doc/6296239/bol._shoj-slovar._-russkih-pogovorok?ysclid=lr23qaeic7387900224

¹²⁰ 龚自珍, 明良论. [Гун Цзычжэнь, Теория Минляна].

¹²¹ 管仲, 管子. [Гуань Чжун, Гуань-цзы].

человека на протяжении жизни. В то же время его представление в русском и китайском языках не полностью совпадает: можно увидеть как сходства, так и заметные различия.

В частности, стыд в обоих языках связан с внутренним контролем и самокритикой. В пословицах он нередко соотносится с физиологическими проявлениями (например, покраснением лица), а также с оценкой собственной лени, невежества, нарушения слова или нечестности. В таких случаях речь идёт о недовольстве собой, направленном на осуждение собственных поступков. При этом в обеих традициях стыд может рассматриваться и как положительный фактор – он способен побуждать человека к развитию и нравственному совершенствованию.

Различия проявляются прежде всего в акцентах и системе ценностей. Для русской паремиологической традиции характерна определённая амбивалентность: наряду с выражениями, где стыд воспринимается как необходимое чувство, встречаются и пословицы, снижающие его значимость *стыд не дым, глаза не выест*, а иногда и прямо противопоставляющие его материальному благополучию: *отбрось стыд – и будешь сыт*.

В китайской культуре картина иная. Здесь стыд последовательно осмысливается как моральная добродетель: лучше лишиться денег или даже жизни, чем утратить стыд (宁可无钱, 不可无耻; 忍辱贪生不如死得光荣 – *лучше умереть с честью, чем жить в позоре*). Кроме того, в китайской традиции стыд нередко понимается как категория не только личная, но и коллективная: от него, как считается, зависят порядок и процветание государства (礼义廉耻, 国之四维 – *этикет, праведность, неподкупность и стыд рассматриваются как четыре его опоры*).

В итоге в русском языке стыд может восприниматься по-разному – и как нечто необходимое, и как чувство, от которого в ряде случаев допустимо отказаться. В китайской же традиции он гораздо устойчивее связывается с представлением о безусловной добродетели и нравственной основе общественной жизни.

Изучение концепта стыда в двух сопоставляемых языках показывает, что это чувство обладает широкой семантической вариативностью, однако в центре большинства рассмотренных случаев оказывается его связь с недовольством собой. Стыд можно понимать как переживание, возникающее в ситуации, когда человек осознаёт несоответствие своих поступков, мыслей или мотивов социальным и нравственным нормам, а также собственным ожиданиям.

В словарях русского языка стыд обычно определяется как чувство смущения и неловкости, связанное с осознанием неблаговидности поступка. Китайское 惭愧 передаёт близкое значение и также связано с переживанием вины или неправильного поведения. В обоих случаях важно, что оценка направлена на самого субъекта: человек не просто фиксирует нарушение нормы, но и переживает внутреннее недовольство собой.

Психологические описания позволяют увидеть двойственную природу этого чувства: сначала поступок оценивается с позиции «другого», затем эта оценка постепенно становится внутренней. Именно в этом переходе стыд начинает работать как форма самокритики. В русской традиции это нередко описывается через метафоры холода, передающие ощущение отчуждения и внутреннего дискомфорта. В китайской культуре, напротив, акцент чаще делается на скромности и признании собственной неправоты.

Среди наиболее типичных ситуаций, в которых стыд проявляется особенно ясно, можно выделить несколько групп. Это, например, случаи, когда человек испытывает стыд перед самим собой; ситуации, связанные с ошибками, слабостью или чувством вины; устойчивое внутреннее недовольство без внешнего давления; переживание несоответствия ожиданиям; стыд за обман или нечестность; сожаление об упущенных возможностях; а также реакции на собственные мысли и намерения. Во всех этих случаях речь идёт о форме самокритики, направленной на самого субъекта.

Наряду с этим встречаются и употребления, которые лишь косвенно связаны с недовольством собой. Сюда можно отнести случаи, когда стыд выступает как формула вежливости, выражая скорее скромность, чем реальное переживание; употребления, связанные с признанием незаслуженной удачи; а также представления о стыде как моральной добродетели или социальном регуляторе. В русской традиции к этому добавляется и определённая амбивалентность: стыд может восприниматься и как необходимое чувство, и как нечто избыточное.

Сопоставление русского и китайского материала показывает, что при наличии общих черт различия проявляются достаточно заметно. В обоих языках стыд связан с самокритикой и возникает в ситуации осознания ошибки, слабости или нарушения нормы. При этом в обеих культурах он может играть и положительную роль, побуждая человека к развитию.

Однако в русской традиции отношение к стыду остаётся неоднозначным: он может рассматриваться как важное, но не всегда обязательное чувство. В китайской культуре, напротив, стыд гораздо устойчивее связывается с представлением о добродетели и нередко выходит за рамки индивидуального переживания, приобретая социальное значение.

Обобщая этот материал, можно сказать, что стыд в обоих языках выступает важной формой самосознания, через которую человек осмысляет собственное несоответствие нормам. В этом смысле он действительно связан с категорией недовольства собой, хотя конкретные акценты и культурные интерпретации этого переживания различаются.

4.4. «Совесьть» как средство выражения *недовольства собой*

Совесьть традиционно – одна из ключевых основ морального поведения человека. Многие российские исследователи подчёркивают её особую значимость для русской культуры. Так, О.П. Ермакова отмечает, что наряду с такими словами, как *душа*, *тоска* и *судьба*, к числу ключевых для русской культуры следует отнести и совесть, поскольку она занимает важное место в национальном сознании [Ермакова, 2000. С. 375].

4.4.1. Содержание понятия «совесьть» в сопоставляемых языках

С точки зрения этимологии «совесьть» заимствована из старославянского языка как калька лат. *conscientia* («со-знание, совместное знание»), образованного из предлога *con* («вместе») и *scientia* («знание»). Вторая часть русского слова «весьть» восходит к тому же корню, что и глагол «ведать» – «знать» [Черных, 1994: 55]. В.В. Колесов также подтверждает, что «исходный латинский термин охватывает как значение «совесьть», так и «сознание» [Колесов, 2004: 78].

По мнению Н.Д. Арутюновой, совесть – «это не только форма сознания, но и сознание субъекта, позволяющее ему оценивать и судить о собственных поступках» [Арутюнова, 1997: 68]. Она подчеркивает: «ассоциация совести с сознанием указывает на её рациональность. Между тем действие совести не может быть сведено к рациональному «судопроизводству». В механизм её «суда» вовлечено иррациональное начало» [Арутюнова, 1997: 71].

Отличие совести от сознания проявляется и в морфемном составе: «совесьть» = «со» + «весьть» (от «ведать»). Элемент «весьть» часто связан с иррациональными коннотациями: ведун, ведьма, а также с идеей власти

(ведомство, заведовать). Поэтому по сравнению с сознанием совесть содержит больше иррациональных компонентов [Арутюнова, 1997: 72]. В итоге, как резюмирует Арутюнова, «сознание лишь осмысляет действия человека, а совесть диктует их и карает неподчинившихся» [Арутюнова, 2000: 55]. Следовательно, именно наличие «внутреннего судьи» превращает совесть в механизм морального самоконтроля, тесно сопряжённый с недовольством собой.

Совесть в «Толковом словаре» В.И. Даля толкуется как: «нравственное сознание, нравственное чутьё; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и истине; прирождённая правда»¹²².

В советский период понятие совести постепенно теряло религиозные оттенки, приобретая антропоцентрическую семантику. Так, совесть в «Малом академическом словаре» определяется как «чувство и сознание моральной ответственности за своё поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения»¹²³. В «Философском словаре» под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдиной указывалось: «Совесть – не врождённое качество, она определяется положением человека в обществе, условиями его жизни, воспитанием. Совесть является мощным внутренним двигателем нравственного совершенствования личности»¹²⁴.

С распадом СССР в энциклопедических изданиях вновь появились религиозные дефиниции: «врождённое Богом данное нравственное чутьё, побуждающее человека к истине и добру и отвращающее от зла и лжи»¹²⁵. В

¹²² Даль В.И. Толковый словарь русского языка [Z]. ЭКНО, 2010. С. 3771-3772.

¹²³ Малый академический словарь. [Электронный ресурс]. URL: [совесть – Малый академический словарь \(gufo.me\)](http://gufo.me)

¹²⁴ Розенталь М.М., Юдина П.Ф. Философский словарь [Z]. Издательство политической литературы, 1963. С. 363.

¹²⁵ Православный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus-pravoslavniy-dict.slovaronline.com/643-%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C>.

русской традиции совесть колеблется между светской и религиозной интерпретациями, но в обоих случаях она связана с внутренней самооценкой и переживанием недовольства собой.

Наречие *совестно* употребляется в безличных конструкциях: *«ему стало совестно»*. В такой конструкции дательный падеж указывает на носителя состояния, а не на инициатора действия. Это позволяет рассматривать совесть как непроизвольную силу, не зависящую напрямую от воли субъекта и как бы находящуюся вне его. Такая непроизвольность усиливает иррациональный компонент совести и подчёркивает её связь с внутренними переживаниями, прежде всего с самоупрёком [Чжан Цзяхуа, 2006. С. 241].

В русском языковом сознании совесть трактуется как существенная нравственная инстанция, объединяющая как рациональные оценки и эмоционально-иррациональные переживания. Этимологически данная категория восходит к латинскому *conscientia* («со-знание»), что сближает её с сознанием, но не отождествляет: совесть не просто фиксирует человеческие поступки, но и даёт им моральную оценку, формирует внутренние нормы и провоцирует чувство вины при их нарушении.

Содержание понятия «совесть» исторически изменчиво. В дореволюционной культуре оно связано с религиозным мировоззрением, в советский период доминировали социальные трактовки самоконтроля, а в постсоветское время наблюдается смешение светских и религиозных подходов. Словарные определения В. Даля, Большой советской энциклопедии и современных лексикографических изданий едины в главном: совесть обеспечивает различение добра и зла и определяет внутреннюю нравственную установку личности.

Важной особенностью является и грамматическое выражение категории: безличное наречие *«совестно»* демонстрирует непроизвольность нравственного переживания, подчёркивая его слабо контролируемый характер. Благодаря этому совесть устойчиво ассоциируется с образом

внутреннего судьи, сопровождается самоупрёком и постоянным внутренним недовольством собой.

В китайском материале совесть, так же как и сознание, обозначается отдельным словом. В «Большом китайском энциклопедическом словаре» сознание определяется как «субъективные представления индивидов, их непосредственный опыт, отражение разума человека, его взглядов на материальный мир», а совесть как «доброе самосознание»¹²⁶. На терминологическом уровне четко прослеживается разграничение этих понятий: совесть не форма обычного сознания, а его нравственно окрашенная составляющая, отвечающая за моральную самооценку личности.

Для китайского языка понятие совести передаётся лексической парой иероглифов «良心». Первый иероглиф «良» в древнекитайском языке изначально обозначал специальное сельскохозяйственное приспособление для очистки зерна с помощью ветра, позволявшее отделять качественные зёрна от испорченных. Поскольку зерновые культуры занимали центральное место в повседневной жизни древних китайцев, семантика знака «良» постепенно расширилась и стала включать значения доброты, достоинства, честности и душевного благополучия¹²⁷. Иероглиф «心» был создан по форме человеческого сердца. В китайском языке «心» означает не только орган, перекачивающий кровь, но и центр чувств и мыслительной деятельности: сознание, анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, конкретизацию и обобщение¹²⁸. В древнекитайской философии «сердце» рассматривалось не только как центр эмоциональных переживаний, но и как орган рационального мышления. Исходя из этого лексема «良心» интерпретируется как «доброе внутреннее самосознание».

В справочнике «Море слов» приведено следующее определение: «良心 – это внутреннее осознание человеком различия между добром и злом, а также

¹²⁶汉语百科词典 [Большой китайский энциклопедический словарь. Изд-воХуася, 1999. 726с].

¹²⁷新华字典 [Словарь иероглифов Синьхуа. 2011. С. 342].

¹²⁸新华字典 [Словарь иероглифов Синьхуа. 2011. С. 541].

понимание собственной моральной ответственности. Формирование совести обусловлено общественными отношениями, а её основная социальная функция проявляется в оценке и осознанном выборе нравственного поведения»¹²⁹.

Конфуцианская традиция, начиная с Мэн-цзы, закрепила понятие 良心 как врождённый нравственный принцип. Согласно его учению о «善端» («исток добра»), совесть мыслится как природное, данное Небом чувство, позволяющее различать добро и зло¹³⁰. В классической философской традиции совесть выступает как врождённая способность человека к внутренней моральной самооценке. Она выражается через чувства стыда и нравственного негодования, становясь основой внутренней самокритики.

В традиционном дискурсе 良心 сохраняло значение «天理之心» – небесного, врождённого нравственного чувства¹³¹. Однако в XX веке в результате глубоких социальных преобразований трактовка совести изменилась и стала восприниматься как социально обусловленная форма сознания, формирующаяся в процессе взаимодействия человека с обществом¹³². При таком подходе идея врождённой природы совести частично утрачивает своё значение, при этом внутреннее нравственное чувство сохраняется. Подобная трансформация взглядов демонстрирует переход от метафизического понимания сущности совести к осмыслению её как важного социального регулятора.

В «辞海» (2011) совесть определяется как «самосознание людьми добра и зла, моральной ответственности, которую они должны нести; социальная роль совести проявляется в выборе и оценке нравственного поведения»¹³³. В «Современном китайском словаре» (2016) 良心 толкуется как «внутреннее чувство правильного и неправильного, особенно в отношении собственного

¹²⁹ 辞海 [Мореслов 2011 С. 490].

¹³⁰ 孟子, 警世通言. [Мэн-цзы, Цзиншитунъянь].

¹³¹ 新华字典 [Словарь иероглифов Синьхуа. 2011. С. 544].

¹³² 新华字典 [Словарь иероглифов Синьхуа. 2011. С. 547].

¹³³ 辞海 [Мореслов 2011. С. 493].

поведения»¹³⁴. В «Большом китайском энциклопедическом словаре» (1999) подчёркивается: «Совесть является основной формой нравственности и отражением самодисциплины»¹³⁵. В «Китайской энциклопедии» (2002) отмечается: «Совесть – это поведенческие нормы и стандарты ценностей, признаваемые обществом и самим человеком»¹³⁶. Все приведённые определения отражают двойственную природу категории совести. С одной стороны, она обусловлена социальными факторами, а с другой – носит глубоко субъективный и индивидуальный характер. В любом случае центральным признаком остаётся внутренняя моральная самооценка, что тесно сближает феномен совести с переживанием внутреннего недовольства собой.

В современном китайском языке по сей день сохраняется устойчивое выражение «天地良心» – «совесть Неба и Земли». Оно подчёркивает, что любые человеческие поступки открыты взору Неба и Земли, и их невозможно скрыть. Данная идиома отражает идею всеобщего вселенского надзора и неизбежности разоблачения собственных проступков, укрепляя тем самым связь категории совести с внутренним самоосуждением личности.

Для дальнейшего анализа важно, что китайское понимание категории «良心» сочетает два смысловых пласта: это врождённые «истоки добра», дарованные Небом, и социально обусловленное нравственное сознание, формирующееся в процессе общественного взаимодействия. В современном китайском языке данное понятие трактуется как внутреннее чувство различения добра и зла, а также как основа нравственной самодисциплины. Несмотря на доминирование социального подхода в его интерпретации, идея врождённой природы полностью не исчезает. Об этом ярко свидетельствует устойчивая идиома «天地良心». В любых культурных и временных условиях

¹³⁴现代汉语词典, 2016. [Словарь современного китайского языка, 2016].

¹³⁵中国百科大辞典[Z]. 中国大百科全书出版社, 2002. [Китайский энциклопедический словарь [Z]. Издательство "Китайская энциклопедия", 2002].

¹³⁶ Там же

«良心» – существенная внутренняя нравственная инстанция, побуждающая личность к самокритике и корректировке собственного поведения.

Сравнительный анализ русской и китайской лингвокультурных традиций позволяет выявить как общие черты категорий «совесть» и «良心», так и их существенные национально-культурные различия.

К общим характеристикам относится следующее. Во-первых, в обеих культурах совесть трактуется как существенное нравственное чувство, дающее человеку возможность различать добро и зло, оценивать правильные и неправильные поступки. Во-вторых, данная категория связана с внутренней самооценкой и самоконтролем, выполняя функцию своеобразного внутреннего судьи, который побуждает личность критически осмысливать собственные действия. В-третьих, и в русской, и в китайской картине мира совесть непосредственно коррелирует с переживанием недовольства собой: именно она становится причиной угрызений совести, стыда и внутреннего самоосуждения.

Различия между материалом двух языков также достаточно заметны. В русской культуре совесть понимается неодинаково: как чувство, данное Богом, и как форма социально обусловленного самоконтроля. Отсюда особое внимание к её иррациональности и к образу внутреннего судьи. В китайской традиции 良心 связано прежде всего с учением Мэн-цзы о «добрых началах», т.е. с представлением о врождённой нравственной основе человека. В современном Китае сильнее выражен социальный аспект регуляции поведения, но идея природной доброты при этом сохраняется. Различаются и языковые средства: в русском языке заметны безличные конструкции, которые показывают произвольность нравственного переживания, а в китайском материале чаще работают устойчивые идиомы, где моральная норма получает широкий, почти космический смысл.

В двух культурах совесть выполняет сходную функцию самоконтроля, но её образная организация различается. Русские примеры чаще выводят к внутреннему суду, голосу и мучению совести. Китайские примеры сильнее

связаны с идеей врождённой доброты, долга перед людьми и социальной регуляции поведения.

4.4.2. Метафорическое осмысление понятия «совесть» / «良心» в китайском и русском языках

Метафора, по наблюдению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, является «важным когнитивным инструментом осмысления абстрактных категорий, недостаточно отчётливо воспринимаемых в повседневном опыте» [Лакофф, Джонсон, 2004]. Совесть относится именно к таким категориям: её метафоризация позволяет выявить разные аспекты этой комплексной инстанции. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «метафоры совести раскрывают различные её роли в жизни человека» [Арутюнова, 1997]. Изучение двух языковых материалов даёт возможность разделить все варианты репрезентации на две группы. Первая, центральная группа, охватывает явления, связанные с самоупрёком и внутренним недовольством собой. Во вторую, периферийную группу, входят значения с преобладанием ценностных и социальных коннотаций, в которых самонегативная составляющая выражена слабо или полностью отсутствует.

1. Центральные метафоры (прямое выражение недовольства собой)

1) Совесть – мучитель (исполнитель наказания). Совесть имеет огромную нравственную обязательную силу и влияние на людей. Когда человек совершает поступки, идущие вразрез с общепринятыми нравственными нормами, совесть проявляет себя как мощная внутренняя сила, обладающая выраженной карательной функцией. Она доставляет личности душевные страдания, лишает внутреннего спокойствия и неотступно напоминает о совершённом проступке. Подобное понимание находит отражение в устойчивых оборотах: *«совесть не даёт покоя»*, *«укоры совести»*.

Когда донесли ему, что Акакий Акакиевич умер скоропостижно в горячке, он остался даже поражённым, слышал упрёки совести и весь день был не в духе (Гоголь, 1843, НКРЯ).

Чувствую себя виновным. Совесть мучает... (Мацанов, 2015, НКРЯ).

也许是难以承受良心的谴责，如实供述了所犯罪行。人民日报¹³⁷ *возможно, он может испытать укоры совести, честно признался в совершении преступления?*

你们还年轻，如果内心有愧的话，活着又有啥意思¹³⁸? *Ты ещё молод, и тебя всю жизнь будет мучить совесть, если человек чувствует вину внутри, какой смысл жить?*

也许是难以承受良心的谴责，董扬玲没有做丝毫的抵赖，如实供述了所犯罪行¹³⁹。 *Возможно, потому, что она не могла вынести осуждения своей совести, Дун Янлин честно призналась в преступлении.*

В русском языковом сознании образ совести часто получает зооморфные черты. Её нередко уподобляют хищному, агрессивному существу с клыками и когтями, которое неотступно мучает человека изнутри. Данная метафора ярко реализуется в устойчивых оборотах: «грызёт совесть», «терзает совесть».

Иван Босых чувствует себя виноватым, его грызёт совесть (Кочкуров, 1886, НКРЯ);

В китайской языковой традиции подобная метафорическая интерпретация совести не закрепились. Но есть выражение, которое обозначает, что у субъекта нет совести, не соблюдает моральную норму 良心被狗吃了 *собака съела совесть*.

Подобные метафоры передают внутреннее состояние человека, который страдает от собственного самоуничтожения. Совесть в данном случае – механизм внутреннего самонаказания, связанный с устойчивым недовольством собой.

2) Совесть как судья. Данная метафора ярко раскрывает нравственную оценочную функцию и принудительную силу совести. Она анализирует

¹³⁷ 人民日报, 2016. [Народная ежедневная газета, 2016].

¹³⁸ 人民日报, 2020. [Народная ежедневная газета, 2020].

¹³⁹ 福州日报, 1993. [Фучжоу ежедневно, 1993].

поступки человека и оценивает их с позиции общепринятых моральных принципов. Ср.: *судья совести, совесть вынесла свой приговор*.

Это есть суд совести, то есть наш собственный суд, пред лицом ведающего нас Бога (Булгаков, 1913, НКРЯ).

*Потери, которые несёт человек, которому **совесть вынесла свой приговор**, связаны исключительно с автономным самоосуждением* (Гусейнов, 2000, НКРЯ).

Китайские примеры показывают, что также возможно аналогичное осмысление: 对不起组织、人民和家庭, 将受到道德和良心的审判. 郭松民《媒体观点》 *Человека, который виноват перед организацией, народом и семьей, – судят совесть и нравственность*¹⁴⁰.

В данной части исследования я исхожу из того, что совесть предстаёт в образе внутреннего судьи, чья беспристрастная оценка порождает глубокое эмоциональное недовольство собой.

3) Совесть в русском языковом сознании нередко интерпретируется через *образ голоса*. Будучи особой формой нравственного сознания, она осмысливается как внутреннее обращение, ориентирующее человека на справедливость. В ситуациях, когда поведение вызывает внутренний дискомфорт, субъект склонен корректировать свои действия под её воздействием. Данная метафора получает языковое выражение в оборотах *«совесть говорит», «совесть кричит»*.

*Однако скоро **совесть заговорила** в нём, и он стал укорять себя: – Что же я такое говорю?!* (Чеповецкий, 1989, НКРЯ)

*Это **совесть кричит** ей: «Мама, возвращайся домой* (Кучерская, 2012, НКРЯ).

Китайский материал: 他忽然觉得良心上很不安。鲁迅《阿 Q 正传》 *Он вдруг почувствовал угрызения совести – в нём заговорила совесть.*¹⁴¹.

¹⁴⁰ 郭松民,《媒体观点》,2001.[Го Сунминь, Мнение СМИ, 2001].

¹⁴¹ 鲁迅,《阿 Q 正传》,北京新潮社,1923.[Лу Синь. «Подлинная история А-Кью». Пекин: Синьчао шэ, 1923.].

Образ «голоса» отражает внутреннее переживание упрёка, воспринимаемого субъектом, и тем самым выступает как проявление недовольства собой. Тем не менее человек может не откликаться на внутренний голос, и тогда «совесть молчит».

Затем решился на то, чего раньше бы не сделал, – не дал бы «хороший» мальчишка внутри, зовущийся совестью, – но теперь совесть молчала (Вероника Мелан, 2018, НКРЯ).

Для китайской языковой традиции такая метафоризация не характерна.

4) В русском лингвокультурном сознании совесть часто соотносится с образом сердца. Традиционно сердце воспринимается как главный внутренний орган, отвечающий за все эмоциональные переживания человека: радость, страх, тревогу и стыд. По аналогии с этим совесть понимается как основа внутренней нравственной жизни личности. Н.Д. Арутюнова отмечает: «Реакция сердца на содеянное зло аналогична угрызениям совести...Боль за совершенное зло ощутима в сердце...» [Арутюнова, 2000: 82].

В его сердце поднялись угрызения совести (Достоевский, 1866, НКРЯ).

Китайский материал: 你的良心不会痛吗? *Твоему сердцу не будет больно?*¹⁴²

Переживания, связанные с угрызениями совести, часто ощущаются как физическая боль. Это подчёркивает телесный характер самонегативных внутренних ощущений, порождаемых совестью.

5) В русском языковом сознании образ совести часто соотносится с категорией *тяжести*. Об этом свидетельствуют устойчивые обороты «*груз совести*» и «*облегчить совесть*». При таком понимании совесть создаёт внутреннее моральное давление и корректирует человеческое поведение. Осознание собственной вины порождает стыд и внутреннее переживание греха, которые человек ощущает как постоянную нравственную нагрузку.

Печорин взвалил на свои мужские плечи непосильный груз совести и вины перед Мэри (Атасов, 2003, НКРЯ).

¹⁴² 人民日报. [Народная ежедневная газета, 1996].

Со мной случилось всё, что тебе облегчит совесть (Евтушенко, 1999, НКРЯ).

В китайской языковой картине 他奇怪好像出坏书和买卖坏书的人都没有什么良心负担 *Он думает, что те люди, которые издают низкопробные книги, не имеют груза на совести*¹⁴³.

В обеих лингвокультурах прослеживается общий мотив внутренней тяжести, возникающей у человека при осознании собственной вины. Подобная метафора наглядно иллюстрирует недовольство собой как тяжёлое психологическое бремя.

2. Периферийные метафоры

1) В ряде случаев совесть в русском языковом сознании представляется как условный «партнёр» субъекта. В ситуациях соблазна или выгоды она оказывается вовлечённой во внутренний процесс выбора, связанный с нарушением нравственных норм. Это внутреннее противоречие осмысливается как своеобразное «взаимодействие» с совестью, включающее элементы согласования и уступок. Подобная интерпретация отражена в выражениях *«договориться с совестью», «идти на компромисс со своей совестью»*.

Я захватила с собой опросник и карандаш и таким образом договорилась с совестью. Если клиент желает разговаривать в кофейне, мне остаётся только смириться (Платунова, 2023, НКРЯ).

В китайской лингвокультурной традиции подобная трактовка совести не получила широкого распространения.

Данный образ не связан с переживанием внутреннего недовольства собой, поскольку ориентирован на внутреннее согласие и нравственное самосовершенствование, а не на жёсткую самокритику.

2) Совесть как товар. Данная метафора подчёркивает двойственную сущность совести. Она подтверждает её высокую значимость и духовную ценность и показывает, что под влиянием материального соблазна или внешнего давления совесть можно легко подменить или «продать». Так

¹⁴³ 人民日报. [Народная ежедневная газета, 1998].

раскрывается её непостоянство как внутреннего, не всегда обязательного нравственного ориентира.

*И она действительно так считает! Совершенно искренне, невероятно! Зелье не позволило бы солгать. Значит, и вправду **продала свою совесть** тёмным богам (Лоринова, 2017, НКРЯ).*

Китайский материал: 演员演绎出他为了私利出卖良心的形象. *Актёр изображает, как человек **продаёт свою совесть** ради личной выгоды¹⁴⁴.*

他严词怒斥把黄金般的良心廉价出卖的儿子图都布, 说: «诚实和智慧才是属于我们牧人的! Он строго упрекнул своего сына Тудубу за то, что тот дёшево **продал свою «золотую совесть»**, сказав: «Честность и мудрость принадлежат нашим пастырям»¹⁴⁵!

为了这点钱, 他们宁可抛弃自己的文品、人品, 出卖自己的良心、灵魂。 *За ничтожное вознаграждение они готовы отказаться от своего характера и **продать совесть** и душу¹⁴⁶.*

Данная метафора также не имеет связи с переживанием недовольства собой. Она иллюстрирует готовность человека пожертвовать совестью ради корыстных целей и несёт в себе социальную критику, а не внутренний самоупрёк.

3) В русском лингвокультурном сознании совесть выступает как высший регулятор человеческого поведения. Она стоит выше индивидуального «я», определяет поступки человека, предписывая одни действия и запрещая другие. В условиях традиционной религиозной культуры совесть трактуется как божественный нравственный закон, обладающий абсолютной непреложной истиной. Ярким примером такого понимания является высказывание В.И. Даля: «Добрая совесть – глаз Божий». Подобное мировоззрение нашло выражение в устойчивых речевых оборотах: *голос*

¹⁴⁴ 人民日报, 2016. [Народная ежедневная газета, 2016].

¹⁴⁵ 人民日报, 1993. [Народная ежедневная газета, 1993].

¹⁴⁶ 报刊精选, [1994. Избранные газеты, 1994].

совести, совесть не позволяет, совесть запрещает, поступать по велению совести или вопреки ему.

*Прогнать её нельзя, поскольку идти ей некуда, а гнать живое существо поздней осенью ночевать на улице никому из нас **совесть не позволит*** (Попандопуло, 2019, НКРЯ).

*Вредный голос не даёт мне выспаться. Не разлепляя век, я касаюсь чего-то плоского и холодного и со спокойной **совестью разрешаю** себе провалиться в сон* (Наумов, 2023, НКРЯ).

Китайский материал: 他心里很不安, 仿佛有个声音在责备自己。 *В совести у него было беспокойно, словно какой-то голос упрекал его в этом*¹⁴⁷.

Подобное толкование не отражает внутреннее недовольство собой. Оно раскрывает нормативно-религиозную природу совести, которая выступает как высшая духовная власть и непреложный нравственный закон.

4) При осмыслении категории совести широко используются также имущественные и телесные метафоры. Подобно важнейшему человеческому органу, совесть – неотъемлемое условие полноценного существования личности. Её утрата или полное отсутствие делают человека изгоем в обществе и закрывают путь к дальнейшему развитию. Благодаря этому подчёркивается фундаментальное значение совести как базовой нравственной категории в социальном взаимодействии, например: *иметь совесть, без совести, потерять совесть.*

*Хватит врать. Пора уже **иметь совесть**. Настоящих боев было не так много* (Садулаев, 2010, НКРЯ).

*Старый писатель ответил, что люди очень страдают **без совести**, – страдают как бы неизвестно от чего, от страшного вакуума, от фантомной боли* (Бузулукский, 2012, НКРЯ).

Стремясь к славе или материальному благополучию, человек нередко идёт на поступки вопреки голосу совести. Он прекрасно осознаёт, что его действия расходятся с нравственными нормами. Получая внешнюю выгоду,

¹⁴⁷ 巴金, 《家》, 开明书店, 1933. [Ба Цзинь. «Семья». Шанхай: Каймин шуцзюй, 1933.].

личность при этом испытывает внутреннее недовольство собственным поведением.

*«Знаменитым стать сейчас легко, – говорил Вампилову автор «Тёркина», – надо только **потерять совесть**»* (Вознесенский, 2015, НКРЯ).

干我们这一行的，尤其是如果还有些良心的话，有时是快活不起来的
¹⁴⁸ Людям нашей профессии, если у нас **есть совесть**, порой трудно беззаботно жить.

В отличие от русской традиции, в китайской лингвокультуре 良心 нередко осмысливается как качество, доступное внешнему проявлению и открытому выражению перед окружающими. Такое понимание лежит в основе устойчивых выражений, передающих идею искренности и откровенности в межличностных отношениях. Например:

在反动统治下，要完全拿出良心来做事，是很难活下去的 *При реакционном правлении трудно выжить, если открыто **следовать велению совести** в работе.*¹⁴⁹

Подобные метафоры не связаны с переживанием внутреннего недовольства собой. Они отражают общественную оценку наличия или отсутствия совести, а не личное внутреннее самоосуждение человека.

5) В русском языковом сознании совесть может осмысляться как внутренняя опора человека. Она воспринимается как надёжное основание, обеспечивающее устойчивость жизненной позиции и ориентир на достойное будущее. В этом смысле совесть выполняет функцию духовной поддержки личности, что отражается в выражениях *«полагаться на совесть»*, *«надеяться на совесть»*.

Это были магазины самообслуживания: надеясь на совесть советских людей, их открывали в порядке эксперимента (Ковалёва, 2021, НКРЯ).

В китайской языковой картине мира данная метафора не получила развития.

¹⁴⁸ 王聿蔚，茶花女，1993 [Ван Ювэй, «Травиата», 1993]..

¹⁴⁹ 人民日报，1946 [Народная газета, 1946]..

Данная модель восприятия также не отражает недовольство собой и лишь подчёркивает значимость совести как моральной опоры и духовной основы личности.

Проведённый метафорический анализ даёт основание для вывода: центральные образы совести – «мучитель», «судья», «внутренний голос», «жизненно важный орган», «тяжёлое бремя» – напрямую репрезентируют её как внутренний механизм самоосуждения и личностного недовольства собой. Периферийные метафоры, среди которых «контрагент», «товар», «руководитель», «имущество» и «духовная опора», раскрывают её социальные и ценностные функции, отражая нормативный и риторический аспект понимания совести.

В обеих лингвокультурах совесть сохраняет двойственную природу: она выступает одновременно и как внутренний источник душевных переживаний, и как важный социальный регулятор поведения. При этом только первая группа метафор имеет прямую смысловую связь с категорией недовольства собой.

4.4.3. Различные метафорические осмысления совести в сопоставляемых языках

Анализ метафорических моделей доказывает, что осмысление категории совести в русском и китайском языках реализуется за счёт различных образных сфер. Отдельные метафоры отражают её ценностный потенциал и социальную роль, другие иллюстрируют риски нравственной деградации и искажения сути совести. Тем не менее лишь единичные образы напрямую соотносятся с переживанием недовольства собой, в то время как подавляющее большинство метафор раскрывает более широкий культурный контекст и систему общепринятых моральных норм.

1. Совесть – растение. Под воздействием жизненного опыта, уровня образованности и внешних обстоятельств содержание и состояние совести постепенно трансформируются. Она может развиваться, достигать зрелости

или приходить в упадок, отражая при этом индивидуальные нравственные воззрения человека. Ср.: *совесть зрела, совесть увядает*.

Для полноценного внутреннего оздоровления крайне необходима зрелая, сформировавшаяся совесть (Коваленко, 2004, НКРЯ).

Если бы ранние запреты и отождествление с родителями были единственным источником совести, это определённо привело бы к увяданию совести со времени (Олпорт, 2014, НКРЯ).

Данная метафорическая модель демонстрирует динамическую природу нравственного чувства, однако она описывает лишь его постепенное развитие либо ослабление, не затрагивая внутренний самоупрёк.

2. Совесть как свет, искра. Совесть выступает символом света и надежды, являясь необходимым условием достойной и гармоничной жизни личности, и оказывает устойчивое положительное нравственное влияние на поведение и мировоззрение человека. *Свет совести, искра совести, огонь совести*.

Как свет совести, горели звёзды на небе (Платонов, 1987, НКРЯ).

Этого, я знаю, я не могу запретить вам, но ежели в вас есть искра совести (Толстой, 1873, НКРЯ).

Эта метафора отражает позитивное, вдохновляющее влияние совести и её ценностный характер.

3. Совесть как испорченный или разрушенный объект. В китайском языке совесть может осмысляться как изъеденная или сгнившая: 良心受到腐蚀 *разъеденная совесть*, 良心已烂 *совесть сгнила*.

*Такая культурная атмосфера разъедает совесть писателя*¹⁵⁰.

*Такие мысли – не что иное, как обманчивая мазь, которая может лишь образовать тонкую плёнку на вашей гноящейся совести*¹⁵¹.

¹⁵⁰ 人民日报, 1993. [Народная ежедневная газета, 1993.]..

¹⁵¹ 人民日报, 2004. [Народная газета, 2004.]..

Данный образ отражает внутреннее осознание морального упадка и утраты духовно-нравственной чистоты. Он соотносится с феноменом недовольства собой, поскольку основное смысловое ядро составляет самокритическая рефлексия личности над собственной нравственной деградацией.

4. В китайской традиции используется выражение 狼心狗肺 *сердце волка, лёгкие собаки*. Изначально обращение к данным образам связано с особенностями древнекитайских пищевых практик: в те времена допускалось употребление в пищу как волчьего, так и собачьего мяса. Однако существовали и устойчивые представления о «непригодности» отдельных частей этих животных: считалось, что волчье сердце отличается резким, отталкивающим запахом, а собачьи лёгкие воспринимались как нечистые. По этой причине подобные органы исключались из рациона. Со временем первоначальный буквальный смысл утратился, и выражение приобрело переносное значение, — им стали характеризовать людей с испорченной моралью, лишённых чувства совести или нравственных ограничений.

Подобные образные выражения выполняют функцию осуждения, служа средством приписывания другому человеку отрицательных качеств и социальной оценки с негативным оттенком.

5. В китайской языковой картине мира совесть нередко уподобляется своеобразному «приходно-расходная книга». Подобное представление связано с тем, что она словно фиксирует и взвешивает все действия человека, ведя им внутренний подсчёт. Одновременно этот образ подчёркивает контролирующую функцию: он как бы напоминает, что нарушение моральных правил неизбежно повлечёт расплату, за которую придётся отвечать.

我真的觉得这是我欠下的一笔良心债，永远都还不清¹⁵²。 *Я действительно чувствую, что это долг совести, который я должен и никогда не смогу вернуть.*

Другой образ передаёт идею вечного внутреннего долга и неотделимого от него чувства вины. Он напрямую связан с переживанием недовольства собой: человек осознаёт свои моральные недостатки, осмысливая категорию долга в переносном, метафорическом ключе.

6. В китайской традиции встречается представление о совести как о «друге», которому следует быть верным: 忠于自己的良心 *быть верным совести*, 昧着良心 *поступать против совести*.

就算是我们穷到讨饭，也不会去卖大烟，赚那种昧良心的银子¹⁵³ *даже если мы достаточно бедны, чтобы просить еду, мы не стали бы продавать наркотики, чтобы поступить против совести и заработать.*

Эта модель фиксирует нормативные требования, направленные на регулирование социального поведения.

В анализируемых метафорах совесть как категория получает различное образное воплощение в русском и китайском языках. Прямая связь с переживанием недовольства собой наблюдается в метафорических моделях «совесть как испорченный предмет» и «совесть как приходно-расходная книга», в этих случаях подчеркиваются личная вина и внутренний моральный долг субъекта. Остальные метафорические модели (растение, свет, зооморфные образы, другие аналоги) отражают преимущественно ценностные, культурные или нормативные аспекты и не имеют прямой связи с самокритикой и внутренней самоисправкой.

¹⁵² 安顿, 绝对隐私, 1998. [Ан Дун, Абсолютная конфиденциальность, 1998]..

¹⁵³ 朱秀海, 乔家大院, 1998. [Чжу Сюхай. Двор Цяо, 1998]..

4.5. Репрезентация понятия «совесть» в русском и китайском фразеологическом и паремиологическом фондах

А.В. Кунин отмечает: «Фразеологизмы заполняют некоторые пробелы в лексической системе языка, обозначают предметы, свойства, процессы, состояния, ситуации» [Кунин. 1972. С 46]. Русская и китайская культуры по своему осмысливают категорию совести. В обеих лингвокультурах сложилось большое количество устойчивых выражений и идиом, отражающих традиционные представления и оценки данного нравственного феномена. В ходе анализа русских и китайских фразеологизмов о совести было установлено, что её традиционное понимание в российской и китайской традициях условно можно разделить на несколько ключевых направлений.

1. Совесть как гарантия спокойной жизни. В русской народной традиции устойчиво сохраняется убеждение: чистая совесть является залогом благополучной и счастливой жизни. Согласно народным представлениям, человек со спокойной, незапятнанной совестью живёт в гармонии с собой и окружающим миром, не испытывая внутренних переживаний: *у кого совесть чиста, тому ничего не страшно; у кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится; не оттого бывает спокоен сон, что постель мягка, а оттого, что совесть чиста.*

Наоборот, нечистая совесть приносит беду, например: *нечистая совесть спать не даёт; кто без совести живёт, тому пуще везёт; деньги потеряешь – можно нажить, а совесть потеряешь – беду узнаешь.*

В китайской культуре чистая совесть также рассматривается как гарантия стабильной жизни: 心安茅屋稳 человек с чистой совестью спокойно живёт в хижине; 命好心也好, 富贵直到老 человек с чистой совестью будет богат до старости.

Нечистая совесть приводит к беде: 申祸无良 если человек попадает в беду, то обозначает, что его поведение противоречит совести; 欺心犹怕鬼神知 человек, который обманывает свою совесть и хочет, чтобы бог и

дьявол не узнали об этом. Так что в китайском языке многие фразеологизмы, уговаривающие человека, чтобы соблюдать вызов совести: 人靠好心, 树靠好根 *благодаря чистой совести, у человека счастливая жизнь, дерево растёт красиво из здорового корня*; 亏心事莫作, 枉法钱莫赚 *не выполняй дела, которые совесть не разрешает, не зарабатывай нелегальным способом*.

Данные фразеологизмы напрямую соотносятся с недовольством собой. Запятнанная совесть порождает внутреннюю тревогу, душевное беспокойство и бессонницу, отражая тем самым самоуничижение личности.

2. Совесть рассматривается как слабая или скрытая внутренняя сила. В русском языковом сознании запятнанная совесть оказывается слабой, легко поддаётся внешнему влиянию и сторонним факторам, в результате чего человек утрачивает внутреннюю целостность и теряет себя: *робка совесть, поколе не заглушишь её; стыд под каблук, а совесть под подошву; соблазн велик – и совесть молчит; у него совесть ещё в прошлом году в бутылке задохлась*.

В понимании китайской культуры через внешность человека трудно дать оценку его совести: 天可度, 地可量, 唯有人心最难知 *можно измерить высоту небо и глубину земли, а совесть человека никак не можно распознать*; 人心难测, 海水难量 *совесть человека как море, невозможно измерить*. Также, по словам человека, не получается дать оценку совести, например: 蜜罐子嘴, 秤钩子心 *его слова как банка мёда, а совесть как крюк на конце безмена; 嘴甜心苦 слова сладкие, а совесть горькая*.

Здесь раскрывается идея подавления совести и её скрытого характера. Данная особенность косвенно соотносится с феноменом недовольства собой: внутренний самоупрёк может быть приглушён, но никогда не исчезает полностью.

3. Совесть как непобедимая и всепроникающая сила. Чистая совесть в русской культуре обладает большой силой, она ничего не боится: *чистая*

совесть не тонет; добрая совесть не боится клевет. Человек не может обманывать и скрывать свою совесть: как ни мудри, а совести не перемудришь; от человека утаишь, от совести не утаишь. Совесть существует везде, не получается избежать ее: с совестью не разминуться; совесть не сосед, от неё не уйдёшь.

В китайских фразеологизмах совесть – важное существование человека, она может привести нас к лучшей жизни 天凭日月，人凭良心 *небо освещается солнцем и луной, а люди полагаются на совесть, чтобы вести лучшую жизнь.*

В данном случае акцент ставится на социальной и универсальной ценности совести. Прямой связи с недовольством собой не прослеживается: речь идёт о нравственной норме и высшей духовной силе, а не об индивидуальной самокритике личности.

4. Совесть и религия. Совесть связано с религией: *добрая совесть – глаз Божий*; она то, что делает людей людьми: *без рук, без ног – калека, без совести полчеловека*. Так что чистая совесть дороже, чем деньги, и не может получить через торговлю, чтобы обеспечить чистоту совести, человек готов жертвовать жизнью: *перинка совести не замена; где говорят деньги, там молчит совесть; хоть мошна пуста, да совесть чиста; богатый совести не купит, а свою погубит.*

Китайцы считают, что совесть прирождённая: 人心本善 *при рождении совесть человека добрая; 赤子之心 у человека чистая совесть.*

Здесь совесть осмысливается как божественный дар либо врождённое качество человека. Подобное ценностное осмысление не имеет прямой связи с переживанием недовольства собой.

5. Совесть и богатство – два принципиально разных понятия, которые в двух культурах имеют собственную ценностную значимость. И в русском, и в китайском языках незапятнанная совесть оценивается гораздо выше материальных благ. Человек способен потерять совесть или пожертвовать ею ради корыстных интересов, однако её нельзя купить или продать. Истинная

совесть не имеет денежной стоимости, её невозможно приобрести за любые материальные средства: *Богатый совести не купит, а свою погубит*. Деньги играют важную роль в общественной жизни, и их чрезмерное значение нередко порождает коррупцию, мошенничество и иные противоправные поступки. В погоне за лёгкой наживой человек часто оказывается перед сложным выбором: ради материальной выгоды он жертвует совестью и отказывается от общепринятых моральных принципов: 富不仁, 为仁不富 у богатого нет совести, добрый человек не богатый; 好酒红人面, 财帛动人心 хорошее вино краснит лицо человека, а богатство испортит совесть людей; 天下乌鸦一般黑, 世上财主一般狠 вороны в мире такие же чёрные, как богатые люди в мире, нет совести.

В русском материале также предполагают, что у человека с нечистой совестью хорошая жизнь: без совести всё позволительно; совесть нужна, да не всегда полезна.

Данные пословицы наглядно отражают антиномию между совестью и материальной выгодой. Они содержат общественную критику жадности и коррупционных явлений, но не затрагивают сферу индивидуального внутреннего самонедовольства.

6. Совесть и внешность/возраст. Совесть не имеет отношение к облику, одежде, богатству, возрасту и т.д. например: *рожа кривая, да совесть прямая; платье черненько, да совесть беленька; волосом сед, а совести нет; и в семьдесят лет, да совести нет*.

Данные устойчивые выражения направлены на внешнюю моральную оценку личности, а не на внутренний самоукор. По этой причине прямая связь с недовольством собой в данном случае отсутствует.

Сопоставление русских и китайских паремиологических единиц даёт основание для такого вывода: только отдельные высказывания, прежде всего описывающие «нечистую совесть», напрямую соотносятся с феноменом внутреннего недовольства собой, передавая душевную тревогу и моральные угрызения. Подавляющее большинство пословиц трактует совесть как

социально-нравственную ценность, связанную с религией, материальным благополучием, внешним обликом и другими категориями. Она выступает как регулятор общественного поведения, но далеко не всегда отражает индивидуальную самокритику личности.

4.6 Различия в осмыслении «совести» в русских и китайских фразеологизмах

Анализ фразеологического материала свидетельствует, что осмысление категории совести в русском и китайском языках реализуется посредством разнообразных образных моделей. Они отражают как внутренние механизмы морального самоконтроля личности, так и общественные, культурные оценки нравственности. При этом только отдельные фразеологизмы напрямую связаны с переживанием внутреннего недовольства собой, в то время как остальные отражают более широкие традиционные представления о моральных нормах и правилах поведения.

1. Совесть как суд и контролёр. В русских фразеологизмах совесть часто выступает в роли внутреннего судьи или надзирающей силы: *у кого совесть не чиста, тому и тень кочерги – виселица; совесть с молоточком: и постукивает и послушивает; совесть не волк, а ест поедом; совесть – лучший контролёр*. Данные языковые единицы указывают на непрерывный внутренний самоконтроль и моральное наказание за совершённые проступки. В этом контексте совесть – источник самоупрёка и внутренних переживаний, что обуславливает её прямую связь с феноменом недовольства собой.

2. Ряд выражений фиксирует необходимость соотносить поступки с совестью: *глаза – мера, душа – вера, совесть – порука; говори по делу, живи по совести; наперёд спросись у совести*. В подобных контекстах совесть воспринимается как устойчивая нравственная норма и жизненный моральный ориентир. Данные образные модели ярко демонстрируют её регулятивную и предписывающую функцию.

3. Совесть и стыд. В русском материале совесть нередко сближается с чувством стыда: *стыд – брат совести; в ком стыд, в том и совесть; есть слёзы – есть и совесть*. Здесь прослеживается устойчивая смысловая взаимосвязь: стыд, выступая формой внутреннего морального самоупрёка, служит одним из ключевых способов проявления личного недовольства собой.

4. В китайских фразеологизмах нечистая совесть часто метафоризируется через зооморфные образы: 人面兽心 *лицо человека, сердце зверя*, 灭绝人性 *утрата человеческой природы*. Особое место занимает гендерно маркированная пословица 最毒妇人心 *совесть женщины – самая злая*, происходящая из традиционного представления о женской мелочности и коварстве. Данные выражения отражают прежде всего внешнее общественное осуждение и устойчивые социальные стереотипы, а не глубинные внутренние переживания и самонедовольство личности.

5. Совесть и время. Китайские пословицы подчёркивают, что время – наилучшая проверка совести: 岁寒知松柏, 路遥知马力, 日久见人心 *конь испытывается дорогой, а человек временем*. Подобная метафора передаёт исключительно внешнюю оценку нравственных качеств человека и не затрагивает внутреннее самоосуждение личности.

6. Совесть и космос. В китайской традиции совесть часто соотносится с небом и землёй: 天地良心 *совесть неба и земли*, 丧尽天良 *совсем утратить небесную совесть*. В данном случае акцент делается на всеобщей, универсальной значимости совести как фундамента мирового порядка. Подобные выражения раскрывают коллективное, общечеловеческое измерение нравственности и не имеют прямой связи с индивидуальными переживаниями недовольства собой.

Русские фразеологические образы совести чаще всего показывают её как внутренний моральный суд. Поэтому они легко связываются со стыдом, самокритикой и недовольством собой. В китайском материале заметнее

социальное и универсальное измерение совести: она соотносится с небом, сердцем, временем, животными образами и нравственным порядком. Эти выражения не всегда обозначают личное самонедовольство прямо, но задают фон, на котором оно может возникать.

Анализ репрезентации категории «совесть / 良心» в двух сопоставляемых языках доказывает, что данная категория выступает важнейшим механизмом моральной самооценки и одним из основных способов выражения внутреннего недовольства собой. При этом далеко не все языковые репрезентации совести напрямую соотносятся с индивидуальной самокритикой и самоупрёком. Значительная часть из них выполняет преимущественно нормативно-регулятивную и ценностную функцию.

Комплексный анализ словарных материалов, грамматических особенностей, метафорических моделей и паремиологического фонда обеих культур позволяет сформулировать основные итоговые положения работы.

Во-первых, в обеих культурных традициях совесть осмысливается как внутренняя инстанция, отвечающая за различение добра и зла и осуществление внутреннего самоконтроля. В русской культуре её трактовка колеблется между религиозным и светским пониманием, тогда как китайская традиция сочетает идею врождённых добрых начал и механизмов социальной регуляции. Указанные особенности сближают категорию совести с переживанием самоупрёка и моральных угрызений. Показательна русская безличная конструкция «кому-либо совестно», которая грамматически закрепляет произвольность данного душевного состояния. Совесть словно охватывает человека изнутри, усиливая иррациональную составляющую и формируя непосредственный опыт внутреннего недовольства собой.

Во-вторых, проведённый метафорический анализ позволил разделить все образные модели совести на две основные группы.

Прямые модели выражения недовольства собой: совесть-мучитель (мучает, грызёт человека; образ мучений совести) кодирует внутренние

душевные страдания и моральное самонаказание. Совесть-судья (суд совести, внутреннее осуждение) представляет самокритику как внутренний нравственный приговор. Совесть-голос (проснувшаяся совесть, упрёки внутреннего голоса) символизирует внутренний побуждающий импульс к осознанию проступка и исправлению. Совесть – органическое начало / сердце (душевная боль, сердечные переживания) – отражает соматизацию негативного самоотношения. Совесть-тяжесть / бремя (груз на душе, бремя нечистой совести) передаёт ощущение непосильной ноши, требующей морального облегчения.

Периферийные метафорические модели (совесть-контрагент, совесть-товар, совесть-руководитель / высшая духовная инстанция, совесть-имущество, совесть-опора) не имеют прямой связи с переживанием недовольства собой. Они отражают социальные функции и ценностный потенциал совести, иллюстрируют столкновение моральных и материальных ценностей, закрепляют нормативные предписания или выполняют риторическую функцию. Исключение составляют специфические китайские образы: «испорченная совесть» и «долг совести», которые явно передают ощущение внутренней нравственной порчи и неискупленного морального долга.

В-третьих, русский языковой материал акцентирует иррациональную природу и карающую функцию совести. Образы мучения, внутреннего суда, упрёкающего голоса и душевного груза являются яркими маркерами самонедовольства и его телесного проявления. Китайская культурная традиция, напротив, устойчиво соотносит категорию 良心 с врождённой добротой и общепринятыми социальными нормами. Прямые формы выражения внутреннего недовольства здесь реализуются через образы морального долга, нравственной испорченности и состояния душевного беспокойства. Космические и социальные метафоры совести выполняют преимущественно нормативно-регулятивную роль и не затрагивают сферу индивидуальной самокритики.

Сопоставление показывает, что совесть в обоих языках является нравственным регулятором, но не каждая единица с этим словом выражает недовольство собой. Ближе всего к исследуемой теме находятся модели мучителя, судьи, внутреннего голоса, тяжести, долга и нравственной порчи. Именно они фиксируют поведенческие признаки внутреннего дискомфорта: тревогу, стыд, беспокойство и стремление исправить ошибку.

Разграничение центральных и периферийных зон языковой репрезентации совести обеспечивает строгость и непротиворечивость научного описания. Оно позволяет чётко определить, какие языковые и фразеологические средства закрепляют феномен внутреннего самонедовольства, а какие служат для формирования общего нормативно-ценностного фона культуры.

ГЛАВА 5. Социально-оценочный аспект понятий, обозначающих «недовольство собой»

5.1. «Честь» как средство выражения недовольства собой

Честь представляет собой важное социальное чувство. В.В. Колесов отмечает: «Честь для человека – внутренняя тюрьма; честь – это внешний регулятор общественного поведения; честь – требование отношения к себе» [Колесов, 2007. С. 504].

Этимологический анализ позволяет уточнить исходное значение слова и иероглифа, а также раскрыть фундаментальные особенности национальной культуры, заложенные в лексической семантике.

В этимологическом словаре Макса Фасмера лексема «честь» определяется следующим образом: «Она происходит от праславянского *čьсть и является родственной древнеиндийскому *cíttiṣ*, означающему «мышление, понимание, внутреннее намерение»¹⁵⁴. В «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского честь толкуется как «Общеслав. Суф. производное (суф. -ть, ср. власть, весть и др.) от той же основы, что *читать*, *честь* «*почитать*» < čьtti (tt > ст, ь > е), почёт, читать. Честь буквально – «почитание, почёт, уважение»¹⁵⁵. В основе понятия, следовательно, лежит идея почитания и уважения.

В.И. Даль в словаре рассматривает честь как «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть; высокое званье, должность; внешнее доказательство отличия; почёт, почесть, почтенье, чествованье, изъявление уважения, признание чьего превосходства»¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: Т-Ящур. – СПб.: Терра-Азбука, 1996. 864 с.

¹⁵⁵ Этимологический словарь Шанского
<https://gufo.me/dict/shansky/%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C>

¹⁵⁶ Толковый словарь Даля <https://gufo.me/dict/dal/%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C>

В Малом академическом словаре честь – это: «1. Совокупность высших морально-этических принципов личности. Достоинство (личное, профессиональное, военное и т.д.). Хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя. Целомудрие, непорочность, девственность (о женщинах). 2. Почёт, уважение. 3. *Устар.* Высокое звание, должность, чин; почесть. 4. О том, кем или чем гордятся, кому или чему отдают дань уважения, восхищения и т.д.»¹⁵⁷. Подобные этимологические трактовки подчёркивают двойственную природу категории чести: с одной стороны, она отражает внутренние нравственные качества личности, а с другой – форма внешнего общественного признания.

Честь в Толковом словаре Ушакова определяется следующим образом: «1. только единственное число Моральное или социальное достоинство, то, что вызывает, поддерживает уважение (к самому себе или со стороны окружающих). 2. только единственное число Почёт, уважение. 3. только множественное число Почести, почётные звания, чины (*устар.*)»¹⁵⁸.

В словаре С.И. Ожегова объясняется как: «1. Достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы. *Долг чести. Дело чести*; 2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя. *честь семьи*; 3. Целомудрие, непорочность: *девичья честь*; 4. Почёт, уважение: *честь по труду, воздать честь кому-нибудь*»¹⁵⁹. В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова находим такие толкования слова честь: «1. Совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т.д.); сохранение собственного достоинства и уважения личного достоинства другого. 2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя. 3. Почёт, уважение; 4. О том, кем или чем гордятся»¹⁶⁰. Современные толковые словари показывают, что семантика категории «честь» неоднородна. Её значения

¹⁵⁷ Малый академический словарь <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

¹⁵⁸ Толковый словарь Ушакова <https://gufo.me/dict/ushakov/%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C>

¹⁵⁹ Толковый словарь Ожегова <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C>

¹⁶⁰ Кузнецова С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

охватывают как внутреннее личное достоинство и доброе имя человека, так и внешнюю социальную репутацию, а также нравственную чистоту и целомудрие.

Особое значение в русской традиции имеет воинская честь: «у кого честь верная, у того и служба примерная». Кроме того, категория чести традиционно связана с женским целомудрием и нравственной непорочностью. Понятие «девичья честь» символизирует незапятнанную репутацию и моральную чистоту. Утрата чести осмысливается как тяжёлый позор, провоцирующий глубокую внутреннюю травму и устойчивое недовольство собой.

Обобщая лексикографические значения понятия «честь», можно выделить несколько ключевых смысловых аспектов: уважение и общественное признание, высокий статус, должность или звание, моральное и социальное достоинство, безупречная репутация, система высших этических норм, целомудрие, внутреннее чувство собственного достоинства, социальное положение человека или коллектива, а также воинская доблесть.

Если в русской культурной традиции категория чести преимущественно соотносится с личным достоинством, целомудрием и воинской доблестью, то её китайский эквивалент 荣誉 центрируется вокруг коллективного мнения и официального общественного признания.

В китайских фразеологических и паремиологических данных честь переводится как 荣誉, состоящее из иероглифов «荣» и «誉». Иероглиф «荣» изначально означал пышное цветение, процветание, а позднее – славу и почёт¹⁶¹. В «Словаре современного китайского языка» 荣 определяется как растительность, процветание, слава, воинская честь¹⁶².

¹⁶¹ 新华字典 [Словарь Синьхуа, 1953]

¹⁶² 现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка]

Иероглиф «譽» обозначает выражение похвалы словами¹⁶³. В словаре Цыхай данный иероглиф понимается как: «1) репутация: *честь, известность в стране*; 2) похвала: *губительная репутация, известность*; 3) существительное: фамилия.

Что касается слова 荣誉 *честь*, то оно впервые появилось в сочинении Гэ Хуна «Хуг Пу Цзы – Син Пин» времён династии Цзинь: 闻荣誉而不欢, 遭忧难而不变者, 审人也¹⁶⁴ *когда получаем **честь**, можем спокойно относиться к ней и не показать радость; когда сталкиваемся с трудностью, можем не менять свою цель это один из критериев, по которому мы судим о людях*. В данном выражении *честь* обозначает уважение, достоинство.

В словаре иероглифов Синьхуа 荣誉 *честь* толкуется как «Широкая известность и почёт благодаря достижениям и статусу»¹⁶⁵. 荣誉 *честь* в словаре Цыхай определяется так¹⁶⁶: «Признаются похвалы и награды, полученные отдельными лицами или группами за выдающееся выполнение обязательств, а также соответствующие субъективные положительные ощущения. Это единство объективной оценки и субъективных ощущений. В разных обществах и классах оно имеет разное содержание и выражение».

Ло Гоцзе в «Курсе этики» определяет 荣誉 как «отношение общества к моральной ценности поведения индивида» [Ло Гоцзе, 1986]. Китайская категория 荣誉 имеет двуединую природу: она сочетает внешнее общественное признание и похвалу, а также внутреннее переживание гордости и собственного самоуважения.

Важным представляется также подход Чжан Лэя, который подчеркивает двойственный характер категории 荣誉 (ч honno). С одной стороны, эта категория фиксирует внешнюю оценку личности обществом и выполняет

¹⁶³ 说文解字 [Объяснять значение китайских иероглифов в классических текстах]

¹⁶⁴ 葛洪, 行品, 晋代. [Гэ Хун, Синпин, династия Цзинь].

¹⁶⁵ 新华字典 [Словарь иероглифов Синьхуа. 2011].

¹⁶⁶ 辞海 [Море слов 2011, с 490].

функцию своеобразной «шкалы ценностей», – она позволяет судить, насколько активно человек выполняет свои моральные обязательства.

С другой стороны, категория **честь** – форма внутренней рефлексии. Человек соотносит собственные поступки с принятыми морально-этическими нормами, усваивает их и интегрирует в собственную психологию и поведенческие модели. Глубокое уважение и следование общественным моральным правилам помогают укреплять совесть и чувство собственного достоинства. Напротив, их нарушение порождает стыд, вину и внутреннее недовольство собой. В таком понимании честь и **честь** служат своеобразной мерой социальной значимости совести [Чжан Лэй, 2011. С. 110].

Честь не ограничивается внешним признанием. В исследуемом материале она связана и с внутренней самооценкой: потеря доброго имени, нарушение воинской доблести или утрата общественного уважения вызывают стыд и самоупрёк. Поэтому связь чести с недовольством собой проявляется не во всех употреблениях, а прежде всего там, где речь идёт о потере или запятнании чести.

В пределах данной главы это означает, что понятие чести / 荣誉 в двух сопоставляемых языках объединяет высшие морально-этические установки человека, его личное достоинство и общественную репутацию. Русская традиция делает акцент на индивидуальном достоинстве, целомудрии и воинской доблести, в то время как китайское понимание этой категории сосредоточено на коллективном мнении и социальном признании. В обеих культурах честь не только регулятор поведения в обществе, но и внутренний механизм самокритики. Утрата чести неизбежно порождает душевное переживание и глубокое недовольство собой.

5.2. Репрезентация понятия «честь» / 荣誉 в синтагматическом ряду в сопоставляемых языках

Словосочетания как основной строительный материал языка отражают национально-культурные особенности народа. Анализ синтагматических связей, возникающих вокруг лексем «честь» (русский) и «荣誉» (китайский эквивалент), позволяет выявить общие и отличительные черты между русским и китайским языками.

1. Честь в обоих языках воспринимается как ценное достояние, которое необходимо беречь и защищать:

Если хотите беречь честь смолodu, такое платье надевать нельзя! (Ханга, 2000, НКРЯ).

Регулярно проводятся контрольные дегустации – это помогает советским виноделам поддерживать высокое качество вин, хранить честь марки (Дмитриев, 1965, НКРЯ).

Возведённый [1 ноября 1179 г.] на престол в Софийской церкви, Мстислав дал слово ревностно блюсти честь, пользу Новгорода, и сдержал оное (Карамзин, 1818, НКРЯ).

他在维护自己的«荣誉» 林语堂/吾国吾民 ¹⁶⁷*Он блюдет свою честь.*

我们是坚决维护荣誉的人民，是自豪和坚信自己力量的人民，是不怕死、不惜作出牺牲的人民 ¹⁶⁸*Мы – народ, решительно защищающий свою честь, народ, гордящийся и уверенный в своих силах, народ, не боящийся смерти и не колеблющийся приносить жертвы.*

要求院士们高度珍惜和自觉维护荣誉,坚决抵制科技界的腐败和违规行为 ¹⁶⁹*Академики обязаны высоко дорожить и сознательно беречь свою честь, решительно противостоять коррупции и нарушениям в научно-технических кругах.*

По приведённым примерам видно, что честь в данном контексте выступает как положительная поведенческая норма. Данная группа языковых средств не соотносится с прямым недовольством собой: она направлена на предотвращение потери чести, а не на внутренний самоукор и самокритику.

2. Честь человека легко утрачивается и не относится к разряду устойчивых качеств. В русском и китайском языках широко распространены следующие языковые явления:

Не умел повелевать, как отец и дед его повелевали; терял честь и державу (Карамзин, 1820, НКРЯ).

Сначала вы лишили нас земли, теперь хотите лишить чести (Васильев, 1988, НКРЯ).

Подписался Васильчиков и на другой день потребовал своё имя назад; но, получив бумагу, утратил честь (Виноградов, 1932, НКРЯ).

После этой статьи ему пришлось встретиться с представителями полка: «Они на меня орали, чуть не пристрелили, – я посмел задеть честь десантников (Данилкин, 2007, НКРЯ).

По показанию свидетелей, патриарх оскорбил честь семьи Хачикиан (Разные известия, 1903, НКРЯ).

¹⁶⁷ 林语堂. 吾国吾民. 陕西师范大学出版社, 1935 [Линь Ютань. Моя страна, мой народ. Издательство Шэньсийского педагогического университета, 1935].

¹⁶⁸ 人民日报, 1973 [Народная газета, 1973].

¹⁶⁹ 新华社, 2001 [Информационное агентство Синьхуа, 2001].

通过愚蠢的方式，把族中受损失的«荣誉»收复 沈从文, 边城 ¹⁷⁰ *Через глупый метод что вернуть утраченную честь.*

丢失荣誉毕竟不是光荣的事¹⁷¹ *потерять честь – не славное дело.*

我们国家的荣誉受损，我们的主权就会受到损害 ¹⁷² *Наш суверенитет ставится под угрозу, когда нашу честь утрачивают.*

Утрата чести воспринимается как тяжёлое нравственное поражение, сопровождаемое чувством стыда и унижения. Данная лексическая группа соотносится с внутренним недовольством собой, поскольку отражает личное переживание позора и самообвинения.

3. Честь осмысливается как символ внутренней чистоты. Поскольку *honour* воспринимается как некая чистая и неприкосновенная духовная субстанция, она связана с категорией моральной чистоты. Отсюда и устойчивое выражение «запятнать честь».

Ужасно! – воскликнул Меховецкий. – Государь! это может запятнать честь твою и славу (Булгарин, 1830, НКРЯ).

Кому же из потомков знаменитых праотцев войдет в голову постыдною трусостью запятнать честь русского оружия и помрачить славу храбрых (Скобелев, 1844, НКРЯ).

В китайском материале 军人的荣誉不容玷污 ¹⁷³ *честь воинских не может быть запятнана.*

Метафора «запятнанная честь» подчёркивает нарушение морально-нравственной чистоты личности и порождает переживание вины и стыда. Подобные языковые выражения напрямую соотносятся с внутренним недовольством собой, поскольку отражают глубокую душевную травму человека.

¹⁷⁰ 沈从文, 边城, 湖南文艺出版社, 1934 [Шэнь Цунвэнь, Пограничный город, Издательство литературы и искусства провинции Хунань, 1934].

¹⁷¹ 人民日报, [Народная газета, 2007].

¹⁷² 人民日报, 1988 [Народная ежедневная газета, 1988].

¹⁷³ 人民日报, 2000 [Народная ежедневная газета, 2000].

4. Честь как признание со стороны других. Честь зависит от мнения окружающих *признавать за кем-либо честь, оказать честь*.

Охота на Яковлева В запасниках психиатрической больницы имени Алексеева хранится большое количество работ, способных оказать честь любому музею (Светлова, 2003, НКРЯ).

*Видно, на почте увидели мои стихи и решили **оказать честь**, – специально послали почтальона, чтобы порадовать* (Небогатов, 1974, НКРЯ).

Для китайского языка в данной ситуации вместо конструкции *оказать честь* используется проявить уважение к кому-либо. 人民教师, 谁不尊敬 он работает учителем, кто не проявляет к нему уважение?

Данная лексическая группа не имеет прямой связи с недовольством собой: она отражает исключительно внешнюю оценку окружающих, а не внутреннюю самокритику личности.

5. Корпоративная и профессиональная честь.

*Музыканты переглянулись: ну да, так и есть, **профессиональная честь** музыканта обязывает играть* (Бавильский, 2012, НКРЯ).

*Моя **профессиональная честь** не позволяет, чтобы по моему участку ходил человек с таким состоянием полости рта* (Топильская, 2005, НКРЯ).

*Но честь! **Честь офицера!** Он затянулся глубоко, поперхнулся дымом* (Кантор, 2009, НКРЯ).

国家采取有效措施保护现役军人的荣誉 ¹⁷⁴ *Эффективные меры, принимаемые государством для защиты **чеести офицера**, находящихся на действительной службе.*

寻求各种方法改善新闻工作者的工作条件, 并且保证他们的职业荣誉 ¹⁷⁵
*Искать пути улучшения условий работы журналистов и защиты – их **профессиональная честь**.*

Эти языковые выражения отражают профессионально-этические нормы и принятые обязательства, формирующие общественный образ определённой

¹⁷⁴ 人民日报, 1997 [Китайская ежедневная газета, 1997].

¹⁷⁵ 人民日报, 1956 [Народная газета, 1956 год].

социальной группы. Прямой связи с внутренним недовольством собой они не имеют: здесь речь идёт о корпоративной идентичности и внешнем долге, а не о личном внутреннем самоупреке.

Синтагматический анализ позволяет сделать следующие выводы: в двух сопоставляемых языках категория *честь* может сохраняться как общественная ценность, утрачиваться как репутация, запятнаться как символ моральной чистоты, получать внешнее признание в форме уважения, а также осмысливаться как профессиональная норма. Только случаи утраты и запятнания чести напрямую соотносятся с недовольством собой, – они отражают внутреннее душевное переживание, стыд и самообвинение. Все остальные лексические группы раскрывают социально-нормативные и профессиональные функции данной категории.

5.3 Репрезентация понятия «честь» / 榮譽 во фразеологическом и паремиологическом фондах в русском и китайском языках

В.Г. Белинский отмечал: «Фразеологизмы составляют народную физиономию языка, его оригинальные средства и самородное богатство» [Белинский, 1837. С. 64]. Анализ фразеологизмов и пословиц показывает, что категория «честь» / «榮譽» получает ряд устойчивых характеристик.

1. В русском языке честь нередко отождествляется с правдой и умом: *где честь, там и правда; за правду да за честь – хоть голову снести; с умом: честь ум рождает, а бесчестье и последний отымает; дураку мука, умному честь*. В этих примерах честь выступает как основа нравственной истины. Китайская культурная традиция расставляет иные смысловые акценты: в ней подчёркивается, что заслуженная честь должна быть обретена честным путём, а не добыта обманом. Известное выражение «勿沽名而钓誉» предостерегает от использования бесчестных приёмов ради приобретения наград и общественного признания. В данном афоризме чётко противопоставляется подлинная и мнимая слава.

2. Честь и труд. Во фразеологизмах подчёркивается, что труд делает честь возможной: *труд – почётен, лень – позорна; без труда чести не получишь; живи своим умом, а честь расти трудом*. В китайском языке: 雨水使大地青绿, 勤劳使人敬佩¹⁷⁶ *дождь делает землю зелёной, труд вызывает уважение*. В русской и китайской культурной традиции честь здесь воспринимается как заслуженный результат труда и личных усилий.

3. Честь как изменчивая категория. В русском языке фиксируется представление о временном, изменчивом характере чести: *сегодня в чести, завтра ступай свиней пасти*. В китайской традиции также подчёркивается непостоянство: 名誉扫地 *полностью потерять честь*. Вместе с тем китайские пословицы указывают и на долговременные последствия: 得失一朝, 而荣辱千载 *минутная выгода или потеря – это честь или позор навека*. В обоих языках отражается изменчивость категории чести, однако китайская традиция в большей степени подчёркивает её долгосрочные последствия. Именно эта группа языковых единиц связана с внутренним недовольством собой: утрата или запятнание чести порождают стыд, чувство внутреннего унижения и ощущение собственной неполноценности.

4. В традиционной культуре переживание утраты собственного достоинства часто считалось страшнее самой смерти. Народная мудрость хорошо отражает такую мировоззренческую установку: человек готов скорее пожертвовать жизнью, чем смириться с позором. Суть подобных суждений в том, что потеря чести разрушает внутренний мир личности гораздо сильнее физических страданий и даже гибели. В китайском языке: 爱惜羽毛¹⁷⁷ *берегите перья; 生以辱, 不如死以荣* *лучше умереть с честью, чем жить в унижении*. Здесь честь осмысливается как высшая духовная ценность, во имя которой человек готов пожертвовать собственной жизнью. Прямой связи

¹⁷⁶ 中华谚语大词典 [Словарь китайских пословиц].

¹⁷⁷ 中华谚语大词典 [Словарь китайских пословиц].

с внутренним недовольством собой в данном случае нет: речь идет о нравственной норме и человеческой доблести, а не о личном самоупреке.

5. Честь и моральный облик личности. В русском языке честь связывается с надёжностью дружбы и службой: *Надёжна та дружба, которую поддерживает честь*. В китайском языке: 小人殉財, 君子殉名 *злодей умирает за богатство, благородный человек умирает за честь*. Честь рассматривается как показатель моральной высоты личности. Данные выражения не имеют прямой связи с внутренним недовольством собой, ведь они отражают общественную оценку и выступают моральным эталоном для окружающих.

Фразеологический и паремиологический материал позволяет заключить, что категория *честь/ 荣誉* в русском и китайском языках осмысливается через такие смысловые грани, как нравственная истина, усердный труд, изменчивость статуса, высшая духовная ценность и показатель моральных качеств личности. Из всех перечисленных аспектов только представления об изменчивости и возможной утрате чести имеют прямую связь с внутренним недовольством собой, – они передают душевную боль и переживание стыда при потере репутации. Остальные языковые единицы отражают ценностно-нормативное понимание чести и её важную социальную значимость.

5.4 Понятие «потеря лица» как средство выражения *недовольства собой* в сопоставляемых языках

Понятие «честь» отражает внутренние морально-этические принципы, определяющие духовный статус личности, а категория «лицо» характеризует внешнее социальное восприятие этого статуса. Особенно отчётливо данная концепция прослеживается в китайской культуре, где общественное признание и репутация занимают одно из ключевых мест в жизни человека.

В предыдущей части исследования было продемонстрировано, что честь в двух сопоставляемых языках осмысливается как социальное достоинство, обусловленное мнением окружающих. Близко по семантике понятие «лицо»,

которое в обеих культурах тесно переплетено с общественной репутацией и внешним образом личности. Если честь раскрывает ценностно-нравственную составляющую социального статуса, то «лицо» отражает его внешнюю, социально видимую проекцию – особенную значимость эта грань приобретает именно в китайской традиции.

Анализ научных трудов таких исследователей, как Ю.С. Степанов, А.Ф. Лосев, И.С. Кон, Э. Гоффман, Браун и Левинсон, а также Ху Сяньцзинь, показывает, что категория «лицо» занимает центральное место в лингвистических и социологических разработках. Э. Гоффман трактовал лицо как социальную ценность, которую индивид стремится сохранять в процессе общения, придерживаясь принятой модели поведения. Иными словами, лицо – это общественный образ личности, формирующийся в восприятии окружающих и отражающий её социальную успешность и общественное признание [Гоффман, 2009. С. 18]. В концепции Брауна и Левинсона подчёркивается двойственная природа категории «лицо»: оно не только отражает эмоциональное состояние личности, но и может укрепляться, сохраняться или утрачиваться в ходе социального взаимодействия. По мнению учёных, «социальное лицо» складывается под влиянием оценок окружающих и далеко не всегда совпадает с внутренними моральными качествами человека [Мокиенко, 1986. С. 133].

В процессе коммуникации лицо трактуется не как внешняя физиономия, а как целостный образ социальной идентичности, формирующийся совместными усилиями всех участников общения [Лебедева, 2011. С. 166]. В китайской культуре данное понятие приобретает специфические черты: здесь *лицо* носит выраженный социальный характер, а его проявление во многом определяется способностью человека соотносить групповые ценности с собственным самовосприятием¹⁷⁸.

¹⁷⁸ Mao, L. M. R. Beyond politeness theory: "Face" revisited and renewed // Journal of Pragmatics, (21). 1994. С. 451–486.

Для русского языка лексема «лицо» обладает широким спектром значений. Согласно словарю С.И. Ожегова, данное понятие охватывает несколько трактовок: передняя часть головы человека, индивидуальные внешние черты образа (в том числе переносное значение «лицо театра»), отдельная личность («отдельные лица»), а также внешняя сторона любого предмета (как в выражении «показать товар лицом»). Слово «лицо» поэтому объединяет физические, социальные и символические смысловые грани¹⁷⁹.

По мнению Л.И. Богдановой, понятие «лицо» осмысливается прежде всего как внешнее проявление человека, доступное стороннему наблюдению и позволяющее определять сходства и различия между людьми [Богданова, 2022. С. 79]. Данная точка зрения находит подтверждение в русских фразеологизмах. Так, выражение «измениться в лице» передаёт резкую смену мимики, оборот «лица нет на ком-либо» отражает сильное душевное потрясение, а конструкция «не к лицу» указывает на несоответствие поступка или образа индивидуальности человека. Пословица «с лица воды не пить» подчёркивает второстепенность внешней красоты, а выражение «лицом к лицу» обозначает прямое, непосредственное общение.

Все приведённые языковые единицы свидетельствуют: в русском языке категория «лицо» связана с внешним обликом и социальной представленностью личности. Оно – яркий индикатор эмоционального состояния, но далеко не всегда отражает глубинные внутренние переживания и личное недовольство собой.

В китайской культуре понятие «лицо» (脸) имеет выраженный социальный характер. Научные исследования свидетельствуют, что китайцы придают огромное значение защите и сохранению своего «лица» [Спешнев, 2014]. Значительное влияние на формирование понимания этого понятия оказала конфуцианская традиция: строгое соблюдение ритуалов и этикетных норм обеспечивало поддержание устойчивой социальной иерархии.

¹⁷⁹ физиономия, передняя часть головы ото лба до подбородка: [сайт]. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%BE>

Конфуций отметил: «不学礼，无以立», – это означает, что без изучения и соблюдения ритуалов человек не сможет устоять в обществе и приобрести признание окружающих: *не знающий ритуала не устоит на ногах* [Конфуций, Лунь юй, 2000]. Нарушение этикета означало потерю лица: например, если ребёнок не знает правил поведения в гостях, родители испытывают стыд и говорят, что они «丢脸» – потеряли лицо¹⁸⁰. Строгое соблюдение ритуалов и норм социального поведения выступает здесь важной формой защиты «лица», т.е. помогает сохранить общественную репутацию личности и её социальный статус [Чжу Жуйлин, 2005].

Особое внимание в китайской культуре уделяется различию между понятиями «脸» и «面». Использование слова «лицо» 面 зафиксировано ещё в IV веке до н.э. 我何面目见之¹⁸¹ – у меня нет лица, чтобы встретиться с ними, где 面 выражает чувство стыда и неспособность предстать перед другими. В «Шуовэнь» 面 трактуется как «передняя часть головы». Слово 脸 появилось позднее, во времена династий Вэй и Цзинь, и обозначало преимущественно верхнюю часть щёк¹⁸².

Лу Синь отмечал, что 面 неотделимо от личности и статуса человека, его происхождение связано с семейным строем, иерархическим этикетом и господством морали [Лу Синь, 1934]. Линь Ютань подчеркивал, что 面 – это психологический феномен, его можно потерять, приобрести или даже «передать другим» [Линь Ютань, 1936]. Ху Хуаньчжун в классической статье (1944) выделил различия между 面 и 脸: 脸 отражает уверенность общества в моральных качествах человека, а 面 – это социальный престиж, который можно накапливать, одалживать и даже «дарить».

Современные исследователи продолжают эту линию. Ху Сяньцзинь считает, что 面 означает престиж, возникающий благодаря социальным

¹⁸⁰ 教育课堂《家庭》. [Педагогический класс. «Семья»: [сайт]. – URL: https://www.sohu.com/a/410105549_120630844]

¹⁸¹ 司马迁, 史记·项羽本纪, 西汉 [Сыма Цянь, Исторические записи Сян Юя, династии Западная Хань].

¹⁸² 许慎, 说文解字, 东汉 [Сюй Шэнь, Шуовэнь Цзецзы, династия Восточная Хань].

достижениям и признаваемый обществом [Ху, 1994]. Чжу Жуйлин подчеркивает, что 面 формируется и утрачивается исключительно в социальном взаимодействии [Чжу, 2006]. Цзинь Яоцзи указывает, что 面 часто соотносится с коллективными интересами: «борьба за лицо семьи», «борьба за лицо коллектива» [Цзинь, 1988]. В китайской культуре категория «лицо» реализуется в двух смысловых аспектах. Лексема 脸 отражает внутренние моральные качества и личные достоинства человека, а 面 соотносится с его социальным статусом, общественным престижем и жизненными достижениями.

Если в русском языке понятие «лицо» преимущественно обозначает внешний облик и социальное проявление личности, то в китайской традиции оно обладает двойственной природой: внутренние нравственные установки и внешнее общественное признание здесь тесно взаимосвязаны. Именно поэтому оборот «потерять лицо» (丢脸, 丢面子) стал ключевым языковым способом выражения стыда и самоосуждения, прочно закреплённым в повседневных социальных практиках.

5.5 Понятие «потеря лица» в сопоставляемых языках

В «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Фёдорова фразеологизм «потерять лицо» трактуется как утрата индивидуальности и неповторимых личностных черт человека. То есть данное выражение описывает ситуацию, при которой индивид лишается своих отличительных особенностей и сложившегося социального облика¹⁸³. В «Большом словаре русских поговорок» под редакцией В.М. Мокиенко фразеологизм «потерять лицо» получает двойственную трактовку. С одной стороны, он означает утрату индивидуальности и неповторимых личностных черт человека, а с другой – с нравственной позиции обозначает деградацию

¹⁸³ Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: [сайт]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm>

личности, превращение её в бессовестного и наглого субъекта. Иными словами, данное выражение отражает как трансформацию внешнего облика и индивидуальных особенностей, так и ослабление внутренних моральных ориентиров личности¹⁸⁴. Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телии фразеологизм «потерять лицо» интерпретируется как проявление недостойного поведения, демонстрация внутренней слабости, профессиональной некомпетентности или неумения совершать те или иные поступки. Подобное поведение влечёт за собой утрату авторитета и уважения окружающих, а также провоцирует общественное осуждение¹⁸⁵. В русском языке фразеологизм «потерять лицо» сочетает два смысловых аспекта: утрату индивидуальности и неповторимых личностных черт и потерю социального уважения и моральной репутации. В повседневной разговорной речи данный оборот чаще всего употребляется в значении «опозориться» или «лишиться авторитета». Пример конструкции «Он потерял лицо перед коллегами» подразумевает проявление слабости либо совершение недостойного поступка, которое понижает статус человека в глазах окружающих.

Китайские примеры показывают, что аналогом русского оборота «потерять лицо» является фраза 丢脸, дословно переводимая как «утрата лица». Согласно «Большому китайскому энциклопедическому словарю» данное выражение означает утрату порядочности, общественного уважения и чести, а также нанесение позора как самому себе, так и окружающим людям¹⁸⁶. В речи 丢脸 употребляется исключительно в негативном значении и обозначает позор, стыд и унижение: 在公众场合出丑, 真丢脸 – «опозориться на публике – действительно потерять лицо»¹⁸⁷. Китайский

¹⁸⁴ Большой словарь русских поговорок: [сайт]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/russian-sayings/articles/43/lico.htm>

¹⁸⁵ Фразеологический словарь русского языка: [сайт]. – URL: <https://rusPhraseDict.slovaronline.com/1549-%D0%9F%D0%9E%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%AF%D0%A2%D0%AC%20%D0%9B%D0%98%D0%A6%D0%9E>

¹⁸⁶ 中国百科大辞典 [Большой китайский энциклопедический словарь. 1999. С. 167].

¹⁸⁷ 人民日报. 1958 [Народная ежедневная газета. 1958].

язык фиксирует также выражение 不要脸 – «не знать стыда», которое указывает на потерю чувства совести и морального самоконтроля¹⁸⁸.

Сравнительный анализ позволяет заключить, что фразеологизм «потеря лица» в русском языке обладает более широким семантическим спектром: он охватывает как утрату индивидуальных личностных черт, так и падение социальной репутации. При этом данное выражение далеко не всегда подразумевает личное переживание стыда: в значении утраты самобытности акцент смещается на процесс обезличивания личности. В то же время его смысловая грань «утратить достоинство, опозориться» тесно соприкасается с переживанием стыда и внутреннего самоосуждения.

В китайской языковой картине оборот 丢脸 употребляется преимущественно в социально-нравственном ключе и почти всегда отражает существенное внутреннее переживание стыда, позора и самокритики. В таком понимании концепция «потери лица» в обоих языках неразрывно связана с общественной оценкой и уважением окружающих. При этом в русском языке она может иметь нейтральный оттенок, указывающий лишь на утрату индивидуальности, тогда как в китайской лингвокультуре данное выражение отражает ощущение стыда и внутреннего недовольства собой.

5.6. «Потеря лица» как реализация *недовольства собой* в сопоставляемых языках

Понятие «потеря лица» в реальном употреблении охватывает ситуации, когда человек переживает внутренний стыд и недовольство собой, осознавая несоответствие своим социальным ролям, внешнему облику или эмоциональному самоконтролю. Анализ примеров из двух языков позволяет выделить три основные группы таких ситуаций.

¹⁸⁸中国百科大辞典 [Большой китайский энциклопедический словарь. 1999. С. 200].

5.6.1. Причины «потери лица», связанные с недовольством собой

1. Публичная демонстрация некомпетентности или неспособности исполнять профессиональные и социальные обязанности. К данной категории относятся ситуации, когда человек, обладающий высоким социальным статусом, обнаруживает неумение справляться с возложенными на него рабочими функциями:

*Ходорковский же попадает в ситуацию, когда остановить волну протестов уже нельзя – **потеря лица**, прежде всего на Западе, где придётся легализовываться и долго и плодотворно трудиться на развал путинского режима (Доренко, 2003, НКРЯ).*

Китайский материал: 自打上头派来了新官，他屡屡在下属跟前丢尽脸面，这般失态，全因他缺乏才干，担不起肩上的职责。老舍《火葬》¹⁸⁹ *С тех пор как сверху назначили нового начальника, он неоднократно **терял лицо** перед подчинёнными. Все эти его промахи вызваны тем, что ему не хватает способностей и он не справляется со своими должностными обязанностями.*

В подобных ситуациях утрата лица возникает из-за неудачного исполнения социальной роли и осознания собственной несостоятельности, что порождает чувство внутреннего стыда и самоосуждения.

2. Чувство недовольства своей внешностью или одеждой возникает, когда человек замечает, что его внешний вид не соответствует общественным ожиданиям, что может восприниматься как потеря лица:

*В старом, изношенном пальто он боялся показаться на приёме, – это было бы для него настоящей **потерей лица**, ведь все вокруг были в дорогих костюмах (Тургенев, 1970, НКРЯ).*

Китайский материал: 自己穿得寒素，模样不济，站在人堆里只觉脸上无光，生怕旁人看轻，自觉仪容衣着都不合时宜。路遥《平凡的世界》

¹⁸⁹老舍.《火葬》.译林出版社.2014 [Лао Шэ. «Кремация» // дом Илин, 2014. С. 54].

¹⁹⁰ «Одетый скромно, с непрезентабельной внешностью, он испытывал чувство **потери лица** среди окружающих, боясь, что его недооценят из-за одежды и облика, не соответствующих общепринятым нормам».

В обоих случаях ключевой акцент делается на том, что несоответствие внешнего облика или одежды общественным ожиданиям порождает стыд и внутреннюю неудовлетворённость собой. То есть внешняя оценка окружающих превращается для человека в субъективное переживание собственной неполноценности.

3. Потеря контроля над собственными эмоциями также относится к проявлениям утраты лица: неумение человека сдерживать свои чувства окружающие воспринимают как демонстрацию слабости и несоответствия принятым социальным нормам:

*Я, как командир, не имел права **терять лицо** перед подчинёнными, но паника взяла верх – я впал в истерику, и все видели, как я сломался (Шолохов, 1982, НКРЯ).*

Китайский материал: 他身为连长，当着全连的面哭出声来，连他自己也知道，这一下，脸面丢尽了，往后再也没法带兵了。巍巍《东方》¹⁹¹ Он, командир роты, разразился плачем перед всем подразделением. Он сам понимал, что в этот момент **потерял лицо** окончательно, – теперь ему больше не придётся командовать солдатами.

Ослабление эмоционального самоконтроля индивид воспринимает как проявление собственной уязвимости, что нередко сопровождается внутренней самокритикой и усиливает неудовлетворённость собой.

Обобщённый анализ позволяет утверждать: во всех рассмотренных ситуациях «потеря лица» неразрывно связана с переживанием стыда и формированием негативной самооценки. При этом в русском языке данное

¹⁹⁰ 路遥. 《平凡的世界》. 北京十月文艺出版社. 2012 [Лу Яо. Обычный мир] Издательство «Октябрьская литература» (Пекин), 2012.].

¹⁹¹ 巍巍. 《东方》. 人民文学出版社. 1978. [Вэй Вэй. «Восток» // Издательство народной литературы, 1978].

выражение в большей степени акцентирует внимание на внешней общественной реакции и падении репутации, тогда как китайский оборот 丢脸 преимущественно отражает внутреннее состояние личности – переживание стыда и осознание собственной несостоятельности.

5.6.2. Общие причины «потери лица»

Материал показывает, что потеря лица может относиться не только к отдельному человеку, но и к семье, организации или иной группе. Для анализа важны три повторяющиеся ситуации: личный проступок, публичное унижение и перенос позора на коллектив.

1. Лицо в данном случае принадлежит коллективу, и его престиж может быть утрачен по вине отдельного представителя:

Университет потерял лицо: его выпускники перестали пользоваться уважением, а престиж упал до нуля. Это наш университет, и это наше лицо (Набоков, 1937, НКРЯ).

Китайский материал: 这学堂把脸面丢尽了, 学生出门没人高看一眼, 往日的声名早已一落千丈 —— 这是咱们的学堂, 也是咱们所有人的脸面¹⁹²
Это училище потеряло лицо окончательно, его учеников никто не уважает, а былая слава давно рухнула, – это наше училище, это наше общее лицо.

Из проведённого анализа следует, что человеческое «лицо» неразрывно связано не только с индивидуальными качествами личности, но и с социальной группой, к которой он принадлежит. Поступки отдельного представителя коллектива способны как укреплять общественный престиж всей группы, так и наносить ему ущерб.

2. Потеря лица в смысле физической деформации возникает при наличии заболеваний или травм, которые приводят к изменению внешнего вида. Это может быть связано с заболеваниями кожи, повреждением лица или другими физическими недостатками, которые делают человека неуверенным в себе и вызывают стыд при общении с другими людьми.

¹⁹² 中文: 老舍. 《四世同堂》. 人民文学出版社. 1946 [Лао Шэ. «Четыре поколения под одной крышей» // Издательство «Народная литература», 1946].

Молодой человек стыдился своей болезни и **потерял лицо** перед людьми, но опытный врач вернул ему веру в себя и спас от позора (Куприн, 1975, НКРЯ).

В такой ситуации в китайском языке употребляется выражение 破相 что-то испортилось из-за чего-то. 他因身有疾患自觉形秽, 在乡里人前丢尽脸面, 幸得名医出手诊治, 才得以重拾体面。冯梦龙《喻世明言》¹⁹³ Он стыдился своей болезни, **терял лицо** перед односельчанами, но знаменитый врач вылечил его и вернул ему утраченное достоинство.

3. Потеря индивидуальных черт личности:

Русские примеры показывают, что выражение «потеря лица» употребляется в переносном смысле – оно обозначает утрату личной идентичности, а также тех характерных черт, которые делают человека уникальным и отличительным от других: *Я утратил ощущение собственного лица; я чувствую себя изнутри, но внешний облик стал для меня чужим, пустым, словно его больше нет вовсе* (Достоевский, 1972, НКРЯ), Эта метафора применяется и к неодушевлённым объектам: *С того рокового момента старый город потерял своё лицо, утратив прежний облик и неповторимую атмосферу* (Чехов, 1969, НКРЯ). В китайской традиции подобного значения нет, так как понятие «лицо» соотносится с моральными качествами личности и её социальной репутацией. Вместе с тем важной культурной нормой стала практика «сохранения лица» (留脸, 保全面子), под которой подразумевается уважительное отношение к человеческому достоинству и бережное отношение к общественному статусу окружающих:

弟子做错了事, 先生当众代为赔礼, 暗中顾全他的体面, 不肯当众折损他的自尊心¹⁹⁴ Ученик совершил проступок, и наставник публично принёс извинения за него, **сохранив его лицо** и не задев его гордость.

¹⁹³ 冯梦龙. 《喻世明言》. 中华书局. 2010 [Фэн Мэнлун. «Поучительные рассказы для мира» // Издательство «Чжунхуа», 2010].

¹⁹⁴ 福建日报. [Газета Фуцзянь: [сайт]. – URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/zh/search/4/%E7%95%99%E8%84%B8>]

В русской языковой картине также есть аналогичное выражение «сохранить лицо», оно употребляется для обозначения сохранения собственного достоинства и поддержания уважения окружающих – «не потерять достоинства и репутации»¹⁹⁵. *Так вы сможете **сохранить** лицо и себе, и оппоненту*¹⁹⁶

Универсальные причины «потери лица» не ограничиваются только личной моралью, они затрагивают социальные группы, физическое состояние человека и метафорическую идентичность. В русском языке у этого оборота более широкий круг переносных значений: он распространяется как на отдельного человека, так и на целые населённые пункты. В китайской же культуре главный акцент делается на умении сохранить лицо, т.е. защитить собственное и чужое моральное достоинство и общественную репутацию.

В разделе о чести и лице выявлено, что обе категории работают как социальные регуляторы и как элементы внутренней самооценки. Общий признак состоит в зависимости субъекта от оценки окружающих, а различие – в культурных акцентах: русская традиция чаще связывает честь с достоинством и репутацией, китайская – с сохранением лица и коллективной гармонией.

Категория чести в обоих языках прежде всего – совокупность высших морально-этических принципов, отражающих человеческое достоинство и общественную репутацию. Русская лингвокультура, опираясь на этимологические трактовки и словарные определения, связывает честь с внутренним самоуважением, воинской доблестью, нравственной чистотой и верностью правде. Китайское понятие 荣誉 больше ориентировано на коллективное мнение и общественное признание, что полностью

¹⁹⁵ Фразеологический словарь русского языка (В.Н. Телия): [сайт]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/802/sohranit-lico.htm>

¹⁹⁶ Шуганов А.С. Бангкок и Паттайя. Путеводитель: [сайт]. – URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CjQKG9GB0L7RhdGA0LDQvdC40YLRjCDQu9C40YbQvioOCggIABAKGDlgCiAAQAUYAggBOgEBMAE=>

соответствует конфуцианским ценностям, где поведение человека должно соответствовать принятым социальным нормам. В итоге русское понимание чести носит выраженный индивидуальный характер, а китайское основывается на коллективистском мировоззрении.

Анализ синтагматических связей и фразеологизмов показал, что понятие «честь» в русском и китайском языках воспринимается как значимая нравственная ценность, которую нужно беречь; как некая внутренняя субстанция, способная угаснуть или быть запятнанной; как предмет общественного признания, а также как профессиональная и корпоративная норма поведения.

При этом далеко не все указанные смысловые области соотносятся с переживанием самонедовольства. Фразы о сохранении и общественном признании чести отражают её нормативно-ценностное наполнение и не связаны с внутренним самоупрёком. И напротив, ситуации утраты или запятнания чести напрямую коррелируют с недовольством собой: они сопровождаются острым переживанием стыда, душевной болью и самообвинением.

Отдельного рассмотрения заслуживает метафора «запятнанная честь». В обеих культурах она однозначно символизирует моральное падение личности и глубокое внутреннее унижение.

Пословицы и фразеологизмы показывают двойственный характер категории чести. С одной стороны, честь мыслится как высшая духовная ценность, иногда даже выше жизни (ср. «честь дороже жизни»; 生以辱, 不如死以荣). Такие выражения не описывают само недовольство собой, а закрепляют принятый нравственный идеал. С другой стороны, мотив переменчивости чести («сегодня в чести, завтра свиней пасти»; 名誉扫地) уже связан с позором и потерей самоуважения. Поэтому только часть фразеологического материала выводит нас к теме внутреннего самонедовольства; остальные единицы скорее регулируют поведение человека в обществе.

Категория «лицо» в двух языках семантически близка к понятию «честь», но смещает акцент на внешнюю, социально видимую сторону личности. В русском языке «лицо» ассоциируется прежде всего с внешним обликом, индивидуальными особенностями и общественным положением человека. Оно отражает то, как индивид выглядит в глазах окружающих, и лишь косвенно передаёт его внутренние эмоциональные переживания.

В китайской культуре понятие «лицо» имеет более развёрнутое содержание и делится на две самостоятельные категории: 脸 и 面. Первое отражает моральный облик и личные нравственные качества, второе – общественный престиж, достижения и признание в социуме. Такое смысловое разграничение показывает, что китайская традиция чётко разделяет внутреннюю нравственную сущность человека и его внешний социальный статус. Именно поэтому оборот «потеря лица» (丢脸, 丢面子) становится важным способом выражения внутреннего недовольства собой: он одновременно отражает личное переживание стыда и коллективное общественное осуждение.

Сравнение показывает, что оборот «потерять лицо» в русском языке имеет более широкий семантический диапазон: он может обозначать и утрату индивидуальной самобытности, и потерю репутации или нравственной чистоты. Когда речь идёт об утрате личностных черт, внутреннее недовольство собой выражено не всегда. Но в значении публичного позора или проявленной слабости этот оборот уже связан с самоупрёком и внутренним переживанием.

В китайской лингвокультуре лексема 丢脸 почти всегда передаёт позор, унижение и стыд, поэтому она ближе к переживанию недовольства собственной личностью.

Отдельного рассмотрения заслуживают типичные ситуации, приводящие к «потере лица». В обеих лингвокультурах выделяются три основные причины, связанные с самонедовольством: публичная профессиональная некомпетентность и неумение соответствовать

предписанной социальной роли; недовольство собственным внешним обликом и выбором одежды; потеря эмоционального самоконтроля. Во всех перечисленных случаях утрата лица проявляется не только на внешнем социальном уровне, но и во внутреннем психологическом плане – через осознание собственной несостоятельности, самокритику и угрызения совести.

Дополнительно нужно учитывать, что исследование выявило общие для обеих культур причины, при которых потеря лица распространяется не только на отдельного человека, но и на семью, организацию или целую социальную группу. В таких ситуациях стыд за поступки одного представителя коллектива переживается всеми его участниками и становится причиной внутреннего недовольства собой.

Установлено также, что понятие потери лица реализуется в двух планах: буквальном – как физическая деформация внешности, и метафорическом – как утрата индивидуального облика и уникальных личностных черт. В отличие от русского языка, в китайском отсутствует перенос значения «потеря лица» на города и неодушевлённые предметы. При этом важное место здесь занимает выражение «сохранить лицо» (留脸, 保全面子), которое подчёркивает необходимость бережно относиться к достоинству окружающих и не задевать их общественный статус.

Именно поэтому в главе доказано, что категории «честь» и «лицо» в двух сопоставляемых языках выступают не только как социальные регуляторы поведения, но и как важные механизмы внутренней личностной рефлексии. Утрата чести или лица в обеих культурах сопряжена с переживанием стыда и позора и тесно коррелирует с состоянием недовольства собой.

При этом заметны разные смысловые акценты. В русском языковом сознании сильнее выступает внешняя социально-нормативная сторона: репутация, общественное признание, нравственная доблесть. В китайской культуре большее значение получают внутренняя моральная самооценка и коллективистское восприятие человека. Поэтому феномен «потеря лица» в

китайском языке выглядит более устойчивым способом выражения внутреннего самонедовольства, чем в русском материале.

В рассмотренных примерах социальная оценка становится одним из главных источников недовольства собой. Потеря чести или лица означает не только общественное осуждение, но и внутренний кризис субъекта, который понимает своё несоответствие принятой норме.

ГЛАВА 6. Средства, косвенно обозначающие *недовольство собой* при сравнении себя с другими

6.1. «Зависть» и «Ревность» как средство выражения *недовольства собой*

Эмоции зависти и ревности занимают одно из центральных мест среди наиболее выразительных и противоречивых переживаний в русской лингвокультуре. Оба психических состояния возникают преимущественно в процессе социального сравнения людей и сопровождаются сильными негативными переживаниями – обидой, гневом, внутренней тревогой, чувством вины и стыдом. Под влиянием этих эмоций нарушается душевное равновесие личности, они тесно сопряжены с феноменом внутреннего недовольства собой. Коренная причина подобных переживаний кроется в болезненном осознании человеком собственной неполноценности и личной недостаточности.

Хотя зависть и ревность во многом похожи, у них разная эмоциональная направленность. Зависть возникает, когда человек видит чужое превосходство в материальном положении или социальном статусе и переживает досаду из-за чужих удач и достижений. Ревность же пробуждается в ситуации, когда появляется риск утратить нечто важное – чувство близкого человека, уважение окружающих или личный авторитет, – при этом она всегда связана с наличием соперника. Проще говоря, зависть отражает разницу между собственными результатами и успехами других, а ревность переживается как страх потерять то, что человек считает своим, в пользу постороннего лица.

Несмотря на внешнее сходство, зависть и ревность существенно отличаются по вектору эмоциональной направленности. Зависть зарождается при осознании чужого превосходства в материальном благополучии или социальном положении и сопровождается внутренней досадой по поводу чужих жизненных успехов. Ревность же возникает при реальной угрозе лишиться чего-то значимого – взаимных чувств близкого человека, общественного уважения или личного авторитета – и неразрывно связана с появлением соперника. По сути, зависть фиксирует несоответствие между собственными достижениями и результатами окружающих, а ревность выражает внутреннее переживание страха утратить принадлежащее себе благо в пользу третьего человека.

В следующих разделах анализируются этимологические и семантические особенности понятий «зависть» и «ревность», рассматривается их отражение в фразеологизмах и народных пословицах. Кроме того, приводятся психологические и культурные интерпретации этих эмоций, позволяющие раскрыть их связь с процессом самокритической рефлексии личности.

6.2 Содержание понятий «зависть» и «ревность» в сопоставляемых языках

В Этимологическом словаре Семёнова зависть определяется следующим образом: «Древнерусское – зависть. В древнерусском языке появляется в XI в. Глагол «завидовать», от которого, вероятно, произошло слово, первоначально имел значение «видеть вдаль, засмотреться». Прилагательное «завистливый» появляется в словарях только в последней трети XVIII в.»¹⁹⁷. В Этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера отмечается, что

«завидовать произошло от видеть; основано, вероятно, на представлении о дурном глазе»¹⁹⁸.

Подводя итог этимологическому исследованию, можно отметить, что слово «зависть» относится к древнерусской лексике и происходит от глагола, означающего «видеть». Его первоначальное значение связано с тем, как человек созерцает чужое благополучие. В процессе развития языка семантика этого понятия дополнилась коннотацией «дурного глаза», а само слово приобрело устойчивую негативную оценку – это обусловлено уничижительным характером такого восприятия чужих успехов и благ.

В Толковом словаре живого великорусского языка зависть толкуется как: «1. Свойство того, кто завидует; 2. досада по чужому добру и благу, досадовать на чужую удачу, счастье, болеть чужим здоровьем; 3. завиды, завидки; 4. нежеланье добра другому, а одному лишь себе; 5) жалеть, что у самого нет того, что есть у другого»¹⁹⁹. В Большом академическом словаре русского языка (БАС) Зависть представлена как: 1) «чёрная зависть: *Разг.* Такое чувство в своем крайне негативном проявлении и как 2) белая зависть: *Разг.* Чувство доброжелательности по отношению к кому-л., достигшему каких-л. успехов, удач и т.п.»²⁰⁰.

С психологической точки зрения зависть понимается как «чувство досады или горечи, возникающее по отношению к другому человеку, обладающему к.-л. благом или преимуществом, и сопровождающееся желанием, чтобы он их лишился. Это желание ведёт, как правило, не к попыткам "социально полезными способами" обрести данное благо (т.н. "соревновательная" или "подражательная" Зависть), а к стремлению к воображаемой или реальной депривации другого, что и служит дополнительным признаком Зависти как порока. Выделяется т.н. белая

¹⁹⁸ Этимологический словарь Макса Фасмера
<https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%B7/%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C>

¹⁹⁹ Толковой словарь живого великорусского языка
<https://gufo.me/dict/dal/%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8C>

²⁰⁰ Большой академический словарь русского языка. Автор: (ред.) Горбачевич К.С., Герд А.С.

Зависть, которая является лишь одной из форм признания высокого статуса определённого блага. К эмоциональным реакциям, связанным с Завистью, относится злорадство (радость по поводу неприятностей у человека, вызывавшего З.»²⁰¹.

А. Адлер связывал зависть с комплексом неполноценности: человек оценивает собственную личность через призму чужих достижений, после чего испытывает острое чувство отверженности и внутренней несправедливости [Адлер, 1997. С. 192]. В такой интерпретации зависть представляет собой не лишь негативное отношение к окружающим, но и одну из форм внутреннего недовольства собой. Человек остро осознаёт собственную неполноценность и переживает душевные страдания из-за несоответствия реального образа личности идеальному представлению о себе.

В русских фразеологических и паремиологических данных зависть имеет двойственный характер. С одной стороны, «чёрная зависть» описывает разрушительное переживание: человек сравнивает себя с чужими достижениями, ощущает собственную несостоятельность и через это приходит к недовольству собой. С другой стороны, «белая зависть» предполагает признание достоинств другого человека и может подталкивать к преодолению чувства неполноценности. В таком случае зависть уже не только разрушает, но и становится одним из мотивов самосовершенствования, хотя её исходной точкой всё равно остаётся скрытое недовольство собой.

Ревность в словаре Этимологический словарь Макса Фасмера рассматривается как «польск. *rzewniwy* «растроганный, взволнованный», *rzewnić* «растрогать», *-się* «растрогаться», в.-луж. *rjewnić* «стремиться, становиться на чью-либо сторону, соревноваться»²⁰².

²⁰¹ Педагогический энциклопедический словарь <http://www.xn--80aacc4bir7b.xn--p1ai>

²⁰² Этимологический словарь Макса Фасмера <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%80/%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D1%8B%D0%B9>

В современной русской языковой картине мира ревность – это «прежде всего болезненное сомнение в исключительности и надёжности значимых отношений, переживание угрозы потери внимания, любви, признания или статуса. Ядро гнезда образуют единицы ревность, ревнивый, ревновать; рядом стоит омонимично близкое, но семантически и оценочно иное ревностный / ревностно («усердный, старательный»)²⁰³. В работе И.В. Несветайловой «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур» автор отмечает, что ревность – это амбивалентное явление: «это прежде всего страсть, сопровождаемая страданием, «сильное, стойкое, всеохватывающее чувство, доминирующее над другими побуждениями человека и приводящее к сосредоточению на предмете» [Несветайлова, 2010. С. 70]. Отсюда устойчивые сочетания: *испытывать (съедать, мучить) ревность; сгорать от ревности; терзаться ревностью; болезненная ревность; вспышка ревности. Метафоры внутренней эрозии («ревность съедает», «точит сердце», «жжёт»)* кодируют хроническую аффективную динамику [Ожегов, Шведова, 1997]²⁰⁴.

Помимо наиболее распространённой любовно-бытовой сферы важное место занимают статусно-профессиональные и престижные контексты проявления ревности – к славе, общественному признанию или социальному влиянию. В подобных ситуациях ревность служит явным индикатором угрозы символическому капиталу личности [Степанова, 1988].

Ревность систематически возникает в результате социального сравнения: появление референтного Другого запускает процесс сопоставления между собой и этим Другим по параметрам привлекательности, компетентности и социального статуса. Каждый такой сравнительный процесс неизменно активизирует внутреннюю оценку собственной значимости, а при ощущении превосходства Другого над собой возникает ревность – как защитный механизм, направленный на сохранение собственной позиции и ценности

²⁰³

Малый академический словарь
<https://gufo.me/dict/mas/%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>

²⁰⁴ Толковый словарь Ожегова <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C>

[Festinger, 1954; Адлер, 1997]. Угроза потери эксклюзивности в отношениях воспринимается человеком как опасность снижения собственной значимости, что порождает внутреннее убеждение «я недостаточно хорош». Это запускает целый комплекс негативных переживаний: неуверенность в себе, стыд, чувство вины и тревогу. Даже когда ревность проявляется внешне – в виде подозрений, контроля или агрессивного поведения, – её эмоциональная основа остаётся внутренней. Личность остро осознаёт расхождение между реальным представлением о себе и собственным идеальным образом «Я». [Higgins, 1987], переживает ущерб самоуважению и как следствие устойчивое недовольство собой.

Русские конструкции задают именно внутренний, самонаправленный вектор переживания: *терзаться / изводиться / сгорать от ревности* – длительная саморазрушительная работа аффекта; *мучительная / болезненная ревность* – соматизация психического дискомфорта; *ревность точит душу/сердце* – метафора «внутреннего разъедания»; вспышка ревности – утрата самоконтроля, после которой следуют стыд и самоупрёк²⁰⁵.

Ревность провоцирует стратегии восстановления самоуважения: контроль, слежение за соперником, демонстративная компенсация, агрессия [Загородников, 1988]. Однако такие действия усиливают внутренний дискомфорт: контроль подтверждает неуверенность, агрессия рождает вину, что замыкает «порочный круг» самонедовольства.

В зависти ось сравнения – «блага/достижения Другого», в ревности – «исключительность отношений» [Несветаилова, 2010]. Но итог схож: самонегативная оценка и чувство собственной недостаточности.

Несмотря на негативную окраску, в дискурсе встречаются попытки «рационализации» ревности как признака значимости отношений («ревнует – значит, не безразлично»). Однако даже в оправдательных контекстах сохраняется маркер самонедовольства: признание дефекта самоконтроля и уязвимости самооценки [Степанова, 1988].

²⁰⁵ Кузнецова С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

В русской языковой картине мира ревность – это не только подозрение или борьба за эксклюзивность, но и интериоризированное переживание собственной недостаточности. Эту интериоризацию фиксируют устойчивые словосочетания, метафорика внутренней эрозии и сценарии постфактум-стыда. Ревность выступает устойчивым лингвистическим каналом выражения недовольства собой: она рождается из сравнения с Другим, подрывает самоуважение и запускает петлю самокритики.

Анализ понятий зависть и ревность в русском языке показывает, что обе эмоции укоренены в механизме социального сравнения и связаны с феноменом недовольства собой.

Общее: зависть и ревность представляют собой переживания, возникающие в ситуации сопоставления «Я» и «Другого». В обоих случаях субъект фиксирует собственную недостаточность: зависть формируется при осознании чужого превосходства в благах или успехах, ревность – при угрозе утраты значимого объекта из-за появления соперника. Обе эмоции содержат компонент самонегативной оценки и тем самым выражают недовольство собой.

Зависть: этимологически и семантически зависть ассоциируется с «дурным глазом» и негативным вниманием к чужому. В словарях и в паремиологии подчёркивается её разрушительная природа: «зависть съедает», «позеленеть от зависти», «ржавчина сердца». Эти метафоры отражают соматизацию внутреннего самоуничтожения. Однако различается «чёрная зависть» (разрушительное чувство, связанное с уничтожением собственной ценности и враждебностью к Другому) и «белая зависть» (признание достоинств Другого, которое может стимулировать самосовершенствование). В обоих случаях зависть фиксирует состояние неудовлетворённости собой, но может как разрушать личность, так и становиться стимулом к развитию.

Ревность: ревность в современном употреблении трактуется как болезненное сомнение в верности и надёжности отношений, а также как страх утраты признания и статуса. Лексико-семантическое окружение

(терзаться, сгорать от ревности; мучительная ревность; ревность точит душу) кодирует внутреннюю эрозию и соматический дискомфорт. Психологический механизм ревности строится на сравнении себя с соперником; угрозу утраты любви или признания субъект переживает как риск снижения собственной ценности. Даже если поведенчески ревность проявляется наружу (подозрения, контроль, агрессия), её аффективный центр направлен внутрь и порождает устойчивое недовольство собой.

Главное различие между двумя концептами заключается в объекте сравнения: зависть фиксирует разрыв между «моим» и «чужим» благом; ревность фиксирует угрозу утраты «моего» блага в пользу Другого.

Тем самым зависть больше ориентирована на внешние достижения, ревность – на сохранение внутренней исключительности отношений.

Зависть и ревность в русском материале объединяются механизмом сравнения. Обе эмоции описываются через разрушение, огонь, телесный дискомфорт и внутреннюю эрозию. Различие состоит в направлении переживания: зависть обращена к чужому успеху, а ревность – к угрозе утраты значимого человека или статуса.

В современном китайском языке базовым термином, охватывающим зоны русских «зависти» и «ревности», выступает 嫉妒. Морфемный состав задаёт важную семантическую дифференциацию.

Иероглиф 嫉 – регулярно употребляется в коллокациях, указывающих на враждебность к добродетельным и талантливым: 世溷浊而嫉贤兮²⁰⁶ мир нечист, и потому завидует достойным. В историографическом дискурсе 嫉 также фиксируется как «ненавидеть, отвергать порочное» 荀卿嫉浊世之政²⁰⁷ Сюньцзы завидовал порочному правлению в смутном мире, – указывает на сильную аффективную реакцию оценки. В сумме 嫉 кодирует двоякость: «завистливая неприязнь к лучшему» и «нравственное негодование»; в паре с

²⁰⁶ 屈原, 《楚辞·离骚》, 战国 [Цюй Юань, «Чу Ци Ли Сао», Период Воюющих царств].

²⁰⁷ 司马迁, 史记·荀卿列传, 西汉 [Сыма Цянь, Исторические записки · Биография Сюньцина, династия Западная Хань].

妒 (см. ниже) первый компонент задаёт именно завистливую направленность эмотива.

По данным ранней лексикографии («说文解字») 妒 соотносится с женской ревностью в брачно-любовной сфере²⁰⁸. Современные толкования уточняют: «завидовать и ревниво относиться к тем, кто превосходит тебя талантом, положением, внешностью и т.п.»²⁰⁹. В результате 嫉妒 как цельная лексема соединяет две смысловые оси: социально-сравнительную (嫉, «к лучшему») и межличностно-ревнивую (妒, «к привлекательности/объекту любви»)²¹⁰.

Ревность в китайском разговорном языке дословно переводится как 吃醋 *выпить уксус*. Данное слово толкуется так: «чувство ревности. В основном относится к отношениям между мужчиной и женщиной»²¹¹.

Современные дефиниции трактуют 羡慕 как «восхищённое желание обладать тем, что у другого»²¹², без компонента злобы. Исторически у 羡 фиксируется и значение «превосходить» 功羨于五帝²¹³ *заслуги превосходят пяти императоров*²¹⁴, а 慕 – «влечение, восхищение». В современных нормах 羡慕 выполняет функцию разграничения: нейтрально-похвальное «восхищение/желание сравняться»²¹⁵.

²⁰⁸ 许慎, 说文解字, 东汉 [Сюй Шэнь, Шуовэнь Цзецзы, династия Восточная Хань].

²⁰⁹ 新华字典, 1957 [Словарь Синьхуа, 1957].

²¹⁰ 夏征农. 辞海 [К]. 上海: 上海辞书出版社, 2010. [Ся Чжэннун, Цихай [К], Шанхай: Издательство Шанхайского словаря, 2010].

²¹¹ 新华字典, 1994 [Словарь Синьхуа, 1994].

²¹² 现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка].

²¹³ 司马相如, 上林赋, 公元前 179 年~公元前 118 年. Сыма Сянжу, Шанлинь Фу, 179–118 гг. до н.э.

²¹⁴ 司马相如, 上林赋. Сыма Сянжу, Ода об императорском лесе].

²¹⁵ 丁声树. 现代汉语词典 [К]. 北京: 商务印书馆, 1978 [Дин Шэншу, Современный китайский словарь, коммерческое издательство, 1978].

Для всех трёх зон важным пусковым моментом остаётся социальное сравнение (ср. русскую зону): субъект соотносит себя с другим и переживает несоответствие. Но степень самонегативной рефлексии и её эмоциональный оттенок в этих случаях различаются.

嫉妒 : осознаётся как порочное чувство (оценочно-негативная маркировка в словарях: «зависть к лучшим; негодование на превосходящего»), что культурно усиливает стыд/самообвинение и тем самым углубляет недовольство собой. В вертикали «достоинство/дефицит» 嫉妒 актуализирует низкую самооценку («я хуже, не дотягиваю»), сопровождаемую скрытой враждебностью.

吃醋: разговорная форма ревности с выраженной телесной метафорикой («кислота»), кодирует неуверенность и страх утраты ценного объекта (любви/внимания). После эпизода ревности в нарративах характерны самоупрёк и стыд за несдержанность, т.е. вторичная волна самонедовольства.

羡慕: признаёт собственную недостаточность («у него есть – у меня нет»), но переводит её в конструктивную мотивацию («хочу дотянуться»). Это «мягкая» форма самонедовольства, не несущая враждебности, – функциональный аналог русской «белой зависти».

Русская оппозиция «чёрная/белая зависть» на китайском материале последовательно картируется как 嫉妒 / 羡慕: первая – ценностно негативна, вторая – нормативна/инструментальна. Зона ревности, которая в русском выражена автономным словом ревность, в китайском семантически покрывается либо 嫉妒 (книжно-нейтральная) при описании ревнивого отношения, либо разговорным 吃醋 (маркер повседневной коммуникативной практики).

В китайском материале 嫉妒 и 吃醋 обозначают тревожные и разрушительные формы сравнения с другим человеком. Они могут сопровождаться стыдом, страхом утраты лица и ощущением собственной недостаточности. 羡慕 устроено иначе: оно тоже предполагает признание

чужого преимущества, но чаще переводит это признание в желание развиваться.

6.3 Репрезентация понятий «зависть» и «ревность» / 嫉妒/羡慕 в русском фразеологическом и паремиологическом фондах

Н.А. Красавский отмечает, что эмоциональный концепт понимается как «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, оценку и культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [Красавский, 2001. С. 60].

На материале русских фразеологизмов и пословиц можно выделить несколько тематических зон репрезентации зависти и ревности.

1. Зависть как общее человеческое чувство.

Зависть не знает выходных; зависть не знает праздников; зависть прежде нас родилась; завистники умирают, а зависть – никогда.

Эти выражения подчеркивают неизбежность зависти, её устойчивый и почти привычный характер. Здесь нет прямого указания на недовольство собой; скорее фиксируется представление о зависти как о чувстве, знакомом человеку вообще.

2. Зависть как разрушительная сила для субъекта.

Завистью ничего не возьмёшь (не сделаешь); в лихости и зависти нет ни проку, ни радости; кто завидлив, тот обидлив; железо ржа съедает, а завистливый от зависти погибает; завистливый сам себя мучит; зависть иметь – часто вздыхать; зависть целится в других, а ранит себя; завистливый от зависти сохнет; завистливый злее волка голодного; Лихоманка, да зависть – Иродовы сёстры.

Подобные устойчивые выражения наглядно отражают процесс внутреннего душевного разрушения: человек страдает не из-за поступков окружающих, а под влиянием собственной зависти. В данном контексте зависть – одна из форм проявления недовольства собой, поскольку мысль человека сосредотачивается на ощущении собственной неполноценности и постепенном саморазрушении личности.

3. Зависть и восприятие чужих благ. Важно подчеркнуть, что в русской лингвокультуре хлеб занимает не только ключевое место в повседневной жизни народа, но и стал устойчивым символом заработка и достатка. Как отмечается в Малом академическом словаре, одно из значений лексемы «хлеб» трактуется как материальные средства к существованию²¹⁶, так что в русской культуре хлеб – это предмет, из-за которого зависть вызывается:

завидливому и свой хлеб не сладок; в чужих руках ноготок с локоток; чужое добро в глазах рябит; хороша жена, да завистлива; чужая клеть пирогами пахнет; позавидовала кошка собачьему житью; позавидовал бобыль беспяхотному; завистнику и курица соседа гусыней кажется.

В подобных фразеологических выражениях зависть возникает из постоянного сопоставления собственного благополучия с чужим. К этой же группе относятся примеры с образом «хлеб» как символа материальных средств к существованию, в частности пословица «завидливому и свой хлеб не сладок». Здесь зависть связана с внутренним недовольством собой: человек болезненно переживает недостаток собственных материальных и жизненных благ.

4. Зависть и чужое счастье. *Сострадание есть горе о чужом несчастье, зависть есть горе о чужом счастье.*

Зависть выступает как реакция на чужое благополучие. Данная сфера переживаний связана с внутренним недовольством собой: любой успех окружающих человек воспринимает как собственное поражение.

²¹⁶ Малый академический словарь <https://gufo.me/dict/mas/%D1%85%D0%BB%D0%B5%D0%B1>

5. Социальная оценка зависти. Русскому народу приятнее быть «человеком, которому другой человек завидует», чем объектом жалости: *лучше быть у других в зависти, чем в жалости; лучше быть у других в зависти, нежели самому в кручине.*

В подобных паремиях зависть не внутреннее самонегативное переживание, а скорее показатель социального престижа. Общеизвестное суждение «лучше вызвать зависть, чем жалость» не несёт в себе оттенка недовольства собой, а отражает исключительно внешнюю социальную иерархию и сложившиеся в обществе ценностные ориентиры.

6. Конструктивная зависть. *Смех завистников не худое дело; чему позавидуешь, того сам берегись, чужому счастью не завидуй; чему позавидуешь, тому поработаешь.*

В таких контекстах зависть воспринимается как возможный толчок к трудовому усилию и личностному самосовершенствованию. Внутреннее недовольство собой здесь представлено в смягчённой форме – это признание собственной неполноценности в сочетании с реальной склонностью к её преодолению.

7. Телесно-зрительные метафоры являются важным средством осмысления человеческих эмоций. Глаза, традиционно именуемые зеркалом души, способны отражать внутренние устремления человека. В русской фразеологии для их обозначения используются разнообразные лексические формы: очи, око, глазища, глазки, а также определения вроде голодные, ненасытные, бесстыдные.

Согласно канонам православной традиции, завистливым людям приписывают характерные внешние черты: сухие тусклые глаза, впавшие щеки и нависшие брови. Их внутренний мир охвачен пагубной страстью, которая мешает выносить объективные суждения о происходящем [Василий Великий, 1998. С. 14–15]. В языковой картине мира русского народа семантика зависти также находит выражение через визуальные особенности глаз, в частности: *очи видят, да зуб неймёт.*

Помимо глаз в русском языке руки тоже используется для описания зависти: *у завистливого рука тяжела*.

Подобные образные выражения передают жадность и ненасытность человеческого взгляда, которая на телесном уровне отражает внутреннее душевное напряжение. Данная метафорика имеет опосредованную связь с недовольством собой: внешние проявления зависти служат видимым символом скрытой внутренней несостоятельности личности.

8. Цветовая символика в контексте зависти. В русской культурной традиции определённые цвета связаны с семантикой зависти, в частности чёрный и белый. Белый цвет в русской культуре традиционно ассоциируется с понятиями чистоты и нравственной целостности, поэтому «белая зависть» можно трактовать как конкурентную форму этого чувства: она способствует кратковременному улучшению психологического состояния человека, испытывающего её, а «чёрная зависть» представляет собой противоположный феномен, это зависть, которая порождает сильные негативные эмоции: гнев, ненависть, внутреннюю досаду, формирует выраженную разрушительную психологию, направленную как на окружающих, так и на самого субъекта:

*Зависть двулика: чёрная зависть – стимул к разрушению, белая – стимул к созиданию*²¹⁷.

9. В русской культурной традиции зависть часто персонифицируется в образе Касьяна-Завистливого – персонажа, который приносит людям беды и несчастья. В народных пословицах, например в выражениях «Касьян на народ – народу тяжело» и «Касьян глазом косит», зависть – разрушительная сила, способная навлечь зло не только на отдельного человека, но и на целое сообщество.

В подобных ситуациях речь идет не о личном внутреннем недовольстве собой, а о внешнем фатальном влиянии зависти на общественный и мировой порядок.

²¹⁷ Лафицкая Н. В. Анатомия зависти. – Санкт-Петербург : Реноме, 2011.

Русские фразеологические единицы и пословицы не сводят зависть и ревность к одному признаку: они показывают эти чувства как телесное, нравственное и социальное переживание одновременно.

Одни из них прямо раскрывают внутреннее недовольство личности собой через образы саморазрушительного воздействия страсти («зависть мучит, ранит себя»), а также через постоянное сопоставление собственных благ и жизненного успеха с чужими.

Другие произведения народной мудрости опосредованно соотносятся с переживанием недовольства собой, к ним относятся телесные и цветные метафоры, а также образ конструктивной «белой» зависти.

Отдельная группа паремий вообще не затрагивает тему внутреннего самонедовольства: они отражают социальные жизненные установки («лучше вызвать зависть, чем жалость») и мифологические образы, олицетворяющие разрушительную силу зависти.

В отличие от зависти, которая получила широкое отражение в русском паремиологическом наследии и закрепила во множестве народных пословиц и поговорок, ревность как самостоятельное понятие представлена в устном народном творчестве гораздо слабее. Данный факт указывает на её меньшую значимость для коллективного сознания и тесную привязку к сугубо личным, интимным человеческим переживаниям.

В народных русских паремиях высказывания о ревности условно делятся на три тематические группы.

1. Ревность как разрушительная внутренняя сила. Народная мудрость постоянно акцентирует её деструктивную сущность: ревность способна превратить человека в зверя, не зря её называют ядом человеческой жизни. Подобные выражения лишают ревнивого человека полноценного человеческого облика, изображая его во власти сильного аффекта, неспособного к взвешенным и разумным решениям. В данном пласте паремий чётко прослеживается прямая связь с внутренним недовольством

собой: утрата самоконтроля порождает ощущение собственной неполноценности и приводит к самоосуждению.

2. Ревность как состояние тревоги и недоверия. В народных пословицах ревнивый человек предстаёт как личность, постоянно охваченная сомнениями и лишённая душевного покоя: старый – ревнивый, молодой – сам стороной; ревновать – не надобно много спать. В подобных паремиях ревность воплощает неуверенность в себе и повышенную подозрительность, зарождающиеся из ощущения собственной неполноценности и страха утратить значимые для себя отношения и блага. В глубине души человек осознаёт собственную несостоятельность, формулируя для себя внутреннее убеждение «я недостаточно хорош», что и становится первопричиной самонедовольства.

3. Историко-лексический слой значения. Памятники древней письменности сохраняют архаичное толкование глагола «ревновать». В выражении не ревнует батрак хозяйскому добру данное слово имело смысл «заботиться о чём-либо, проявлять усердие и старание». Древнее значение свидетельствует о том, что ревность не всегда оценивалась исключительно в негативном ключе. Тем не менее в современном языковом употреблении доминирует именно эмоционально отрицательное толкование, которое вытеснило архаичные смысловые оттенки. Данная динамика отражает устойчивое смещение общественного восприятия: ревность всё чаще трактуется как разрушительное внутреннее состояние личности.

В этом фрагменте важно подчеркнуть, в сравнении с завистью ревность значительно реже находит отражение в русском паремиологическом наследии и почти неизменно несёт выраженную негативную окраску: она осмысливается как разрушительная сила, источник постоянного беспокойства и необоснованного недоверия. Это не только подтверждает глубокую связь ревности с внутренним недовольством собой, но и свидетельствует о том, что в народном сознании данное переживание

воспринималось преимущественно как сугубо личное, интимное состояние, а не массовое социальное явление.

6.4 Репрезентация понятий «зависть» и «ревность» / 嫉妒 / 羡慕 в китайском фразеологическом и паремиологическом фондах

В русском паремиологическом наследии зависть и ревность осмысливаются прежде всего через призму внутренних душевных страданий человека, их нередко сравнивают с «ржавчиной сердца» или называют «ядом жизни». Китайская культурная традиция, напротив, делает акцент на социальной стороне этих эмоций. В ней зависть воспринимается не только как личный недостаток характера, но и как внешняя угроза из окружения, способная разрушить гармонию межличностных отношений. При этом отдельные устойчивые выражения китайской культуры также отражают индивидуальные переживания стыда и недовольства собой, возникающие при неизбежном социальном сравнении с окружающими.

1. Зависть как разрушительное чувство.

Китайские паремии подчёркивают, что зависть губительна не только для субъекта, но и для его окружения: 铁生锈则坏, 人生妒则败 *железо портится от ржавчины, человек гибнет от зависти*, 妒火中烧 *сгорать в пламени зависти*, 因妒生恨 *зависть порождает ненависть*.

В подобных устойчивых выражениях закреплён деструктивный, затяжной характер зависти и ревности. Их связь с внутренним недовольством собой проявляется опосредованно: личность осознаёт собственную слабость и жизненный неуспех, после чего эти переживания перерождаются в разрушительную эмоцию, обращённую к окружающим.

2. Зависть к богатству, таланту и общественной репутации. Подобные речевые формулы наглядно раскрывают механизм социального сопоставления и связанное с ним переживание собственной неполноценности:

妒富愧贫 *завидовать чужому богатству и стыдиться своей бедности*;
既生瑜何生亮²¹⁸ *раз уж родился Юй, зачем родился Лян?* – выражение соперничества и боли от превосходства другого.

В подобных ситуациях внутреннее недовольство собой проявляется наиболее отчётливо: человек осознаёт разрыв между собственными достижениями и идеализированным образом другого человека, переживая при этом стыд и скрытую внутреннюю обиду.

3. Опасность общественного выделения и превращения в объект чужой зависти. Целый ряд устойчивых выражений предостерегает: жизненный успех и незаурядный талант неизбежно провоцируют окружающих на враждебность и возникновение завистливых чувств:

木秀于林, 风必摧之 *высокое дерево непременно ломает ветер*, 枪打出头鸟 *охотник стреляет в птицу, летящую впереди стаи*, 人怕出名猪怕壮 *человек боится известности, как свинья боится разжиреть*.

Эти паремии отражают специфику китайской культуры, ориентированной на гармонию и недопущение чрезмерной индивидуальной выделенности. Прямая связь с недовольством собой здесь отсутствует: речь идёт не о внутреннем самоосуждении, а о социальной стратегии самосохранения и сдержанности.

Более того, подобная мировоззренческая установка имеет не только повседневный, но и глубокий философский базис. В русской культуре доминирует установка: лучше вызывать у окружающих зависть, чем жалость. Китайская традиция же придерживается прямо противоположной позиции: множество народных изречений настоятельно предостерегают от того, чтобы выделяться и становиться объектом чужой зависти. Данная особенность обусловлена конфуцианским идеалом сохранения социальной гармонии, а также даосским учением о золотой середине. Характерен афоризм Лао-цзы: 富贵而骄, 自遗其咎。功遂身退, 天之道 *если богатство и могущество*

²¹⁸ 罗贯中, 三国演义, 元末明初. [Лю Гуаньчжун, «Роман трех королевств», поздняя династия Юань и ранняя династия Мин].

приводят к высокомерию, человек сам создаёт себе источник бед; завершив дело, нужно скрыться и уйти – таков закон природы. Осмысление философских основ позволяет понять: стремление избежать чужой зависти в китайской культуре трактуется не просто как прагматическая модель социального поведения, а как следование общепринятому нравственному и космическому порядку бытия.

4. Зависть как жадность и ненасытное стремление к чужому.

Фразеологизмы типа 垂涎三尺 *слюна течёт в три чи* – сильное желание чужого) и 得陇望蜀 *овладев Луном, зариться на Шу* – кодируют жадность и ненасытность.

Подобные речевые формулы не имеют отношения к внутреннему недовольству собой. Они отражают прежде всего алчность и неудержимое стремление к накоплению благ, которое в культурном плане оценивается как явный моральный порок.

5. Ревность в межличностной сфере. В разговорном языке ревность обозначается через метафору «уксуса»: 吃醋 *пить уксус*, 醋坛子 *кувшин с уксусом*, 醋海翻波 *волны в море уксуса*.

Подобные устойчивые выражения отражают недоверие и подозрительность в любовных и семейных отношениях. Связь ревности с внутренним недовольством собой здесь носит амбивалентный характер: ревность проявляется как потеря самоконтроля и вспышки гнева, одновременно сопровождаясь вторичным переживанием стыда из-за собственной несдержанности. Именно это и превращает ревность в одну из форм личного самонедовольства.

6. Телесные и цветочные метафоры занимают особое место в осмыслении зависти. Большой интерес представляют устойчивые выражения, передающие данную эмоцию через внешние физиологические проявления. Так, китайская метафора «покраснели глаза от зависти» символизирует внутренний душевный дискомфорт, возникающий при осознании чужих

жизненных успехов. В отличие от русской традиции с её понятиями «белой» и «чёрной» зависти, китайский образ «красных глаз» прежде всего отражает телесное выражение скрытого внутреннего недовольства собой.

В китайском паремиологическом фонде зависть и ревность чаще представлены как социально опасные состояния. Однако часть выражений фиксирует и внутренний аспект: 妒富愧贫 указывает на стыд за бедность, 妒火中烧 – на внутреннее горение зависти, 因妒生恨 – на переход зависти в ненависть, 眼红 – на телесный знак переживания. В таких случаях сравнение с другим человеком становится причиной самонедовольства и потери самообладания.

6.5 Понятия «зависти» и «ревности» 嫉妒/羡慕 в текстах в китайском и русском языках

Ю.А. Сорокин подчеркнул, что «литература – это особый способ материализации образа мира в сознании говорящего» [Сорокин, 1993 С. 98]. Поэтому анализ художественных текстов, в которых используется «зависть (嫉妒/羡慕)», позволяет глубже понять специфику данного концепта. Как отмечает Helmut Schoeck, «зависть является ярко окрашенным социальным поведением, что означает её направленность на другого человека; без другого человека завистник никогда не был бы завистником» [Schoeck, 1988. С. 6].

Выяснили, что причины, вызывающие эмоцию зависти, следующие:

1. Зависть возникает прежде всего в ситуации сравнения. В русском материале это выражено у Горького:

Наталья завидовала её свободной жизни, праздничному блеску её глаз (Горький, 1924, НКРЯ).

В китайской литературе аналогичные образы встречаются у Мао Дуня:

实则是鬼神眼红我们的幸福，平白无故前来搅扰作弄²¹⁹ *Призраки завидуют нашему счастью и пришли.*

Здесь прослеживается прямая взаимосвязь с внутренним недовольством собой: человек осознаёт, что уступает окружающим в достатке, внешней привлекательности или личном благополучии, и именно переживание собственной неполноценности становится первопричиной возникновения зависти.

2. Зависть представляется как разрушительная внутренняя сила, подрывающая личное благополучие и душевное равновесие человека.

Стали братья младшему чёрной завистью завидовать и случая ждать, как бы от брата избавиться (Немцова 1985, НКРЯ).

В китайской языке: 五个人都是当时著名的有才学的人士，李林甫早就对他们十分嫉妒，经常想陷害他们²²⁰ *давно им завидовал и часто стремился их подставить.*

В подобных проявлениях зависть разрушает личность изнутри, постепенно перерастая в ненависть и агрессию. Здесь чётко прослеживается прямая связь с недовольством собой: невозможность достичь желаемого порождает внутренний конфликт и приводит к самоосуждению.

3. Зависть не всегда носит исключительно негативную окраску. В русском лингвокультурном пространстве существует понятие «белая зависть», которому в китайской традиции соответствует семантика слова «羡慕». В творчестве Евтушенко зависть обретает положительное звучание, выражая искреннее восхищение и признание чужого таланта:

При условии всех прозвучавших оговорок ничего обидного в этом сопоставлении, с моей точки зрения, нет, а есть только белая зависть к стихотворцу, который реально востребован публикой, потому что даёт

²¹⁹ 茅盾, 蚀, 人民文学出版社, 1930 [Мао Дунь, Затмение, Издательство "Народная литература, 1930]..

²²⁰ 郑英德, 唐明皇全传, 吉林文史出版社, 1987 [Чжэн Инде, Полная биография Тан Минхуана, Издательство литературы и истории Цзилиня, 1987]..

доступное выражение её чувствам плюс подкрепляет уверенность слушателя в праве на чувства как таковом. (Шутько, 2015, НКРЯ)

В китайской языке: 父亲望着八路军苍老面容上的年轻神采, 心中涌起由衷的羡慕²²¹ *Отец с белой завистью посмотрел на лицо солдата.*

В подобных контекстах связь с внутренним недовольством собой носит косвенный характер: личность осознаёт собственные границы и недостатки, однако данное переживание приобретает не разрушительный, а мотивирующий смысл, побуждая к самосовершенствованию и дальнейшему развитию. Показательно и то, что в китайской лингвокультуре понятия 嫉妒 и 羡慕 часто рассматриваются в едином смысловом ряду:

哥哥叶大英听着弟弟有声有色的叙述, 又是羡慕又是嫉妒²²². *Брат Е Даин, слушая рассказ младшего брата, завидовал, чувствовал и белую зависть, и чёрную зависть.*

В данной ситуации эмоция сохраняет амбивалентность – от самообиды до признания ценности другого.

Поэтому в данном исследовании анализ художественных текстов даёт основание для такого вывода: зависть и ревность в русском и китайском литературном наследии получают разную образную репрезентацию, но при этом в обеих культурах сохраняют существенную связь с внутренним миром личности. В ситуациях социального сравнения и деструктивных проявлений эта связь носит прямой характер: зависть выступает как выражение внутреннего недовольства собой и осознания собственной несостоятельности. В контекстах «белой зависти» или китайского понятия 羡慕 данная взаимосвязь реализуется опосредованно: эмоция сохраняет лёгкий элемент самонегатива, но при этом трансформируется в конструктивный импульс к самосовершенствованию и личностному росту.

²²¹ 莫言, 红高粱家族, 人民文学出版社, 2007 [Мо Яня, Красный гаолян, Издательство народной литературы, 2007].

²²² 秦牧, 土地, 作家出版社, 1978 [Цинь Му, Земля, Издательство писателей, 1978].

Если зависть в художественных текстах обеих литературных традиций раскрывается как многогранная, многоплановая) эмоция, то ревность, напротив, обладает значительно более узкой сферой проявления. Особенно отчётливо это прослеживается в русской культуре, где любовная ревность занимает центральное место и нередко воспринимается как естественный неотъемлемый спутник любовного чувства. Анализ литературных произведений Бунина, Тургенева, Достоевского и Островского позволяет выделить разнообразные трактовки ревности: от её романтизации как своеобразной «меры любви» до мучительного болезненного осознания собственной ничтожности и внутренней несостоятельности.

В русской культуре «ревность в любви» занимает значительное место и нередко осмысливается как неотъемлемая часть чувства. Бунин писал: *А я не представляю себе любви без ревности. Кто не ревнует, тот, по-моему, не любит... **ревность и есть любовь*** («Митина любовь». С. 448).

В этом контексте ревность предстает как норма и «мера любви», поэтому прямая связь с недовольством собой отсутствует.

Совершенно иной оттенок обнаруживается у Тургенева:

Я ревновал, я сознавал своё ничтожество, я глупо дулся и глупо раболепствовал, – и всё-таки непреодолимая сила влекла меня к ней, – и я всякий раз с невольной дрожью счастья переступал порог её комнаты» (Тургенев: Первая любовь. С. 219).

Здесь ревность сопровождается переживанием собственной неполноценности, что прямо указывает на недовольство собой.

Островский отмечает: *Да, ведь **ревнивые** люди ревнуют без всякого повода* (Островский, 1879, НКРЯ).

В данном случае речь идет о ложных основаниях ревности, порождаемых собственным воображением. Подобная модель эмоционального поведения косвенно связана с внутренним недовольством собой: за необоснованными подозрениями скрывается существенная

неуверенность в собственной значимости, при этом явного самоупрека и прямого осуждения себя здесь не наблюдается.

У Достоевского ревность часто сопряжена с фиксацией собственных недостатков: *И будь я как ангел пред тобою невинен, ты всё-таки терпеть меня не будешь, пока будешь думать, что она не тебя, а меня любит. Вот это ревность, стало быть, и есть* (Идиот С. 48). Здесь связь с недовольством собой носит прямой характер: ревнивый герой преувеличивает собственные недостатки и болезненно заикливается на них. При этом писатель подчёркивает и другую грань: ревность способна обострять любовные переживания и усиливать страсть: *Это ревность; это больше, чем ревность! ... Она убьёт себя на другой день, только что мы обвенчаемся!* (Идиот. С. 124).

В подобном контексте ревность в меньшей степени выражает самоуничижение, а больше – страх утраты близкого человека, вследствие чего её связь с недовольством собой носит косвенный характер.

В русской литературе любовная ревность проявляется неодинаково: у Бунина она связана с нормой любовных отношений, у Тургенева и Достоевского – с самоуничижением, у Островского – с подозрением и вымышленной угрозой. Ближе всего к недовольству собой находятся те случаи, где ревность соединяется с ощущением собственной ничтожности, страха или зависимости от другого.

6.6 Метафорическое осмысление понятий «зависть» и «ревность» 嫉妒/ 羡慕 в китайском и русском языках

Многие лингвисты, занимающиеся исследованием эмоциональной лексики, указывают: абстрактные душевные переживания чаще всего получают выражение посредством метафорического переноса, опирающегося на телесные и предметные образы [Лин, 1998. С. 9–13]. При анализе зависти и ревности в русском и китайском языках особенно выразительно реализуются метафоры огня, жидкости, телесных проявлений, болезненных

состояний и цвета, они позволяют наглядно конкретизировать внутренние психологические состояния личности.

6.6.1. Метафоры «зависти» в двух сопоставляемых языках: общие и уникальные черты

1. Зависть как огонь. И в русском, и в китайском языках зависть метафорически осмысливается через образ огня. В русском: *на чужое добро и глаза разгораются, разгорается в сердце зависть*. В китайском: 妒火中烧 *сгорать в огне зависти*.

Эти выражения подчеркивают разрушительную силу зависти: она, как неуправляемое пламя, охватывает субъекта и побуждает к иррациональным действиям. При этом зависть связана с внутренним недовольством собой: душевный дискомфорт от чужих успехов воспринимается как жгущее пламя, подрывающее внутренний баланс и вызывающее конфликты.

2. Сердце/душа какместилище эмоций. Человеческие эмоции часто концентрируются в таких «хранилищах», как сердце, мозг, глаза и других органах тела, особенно в сердце. В китайском языке существует множество описаний слова «сердце», например: 心者, 五脏之主也²²³ *сердце – хозяин пяти внутренних органов* [Лю Ань]; 心之官则思²²⁴ *сердце выполняет функцию мышления*. Это отражает доминирующее положение сердца среди пяти внутренних органов человеческого тела. Сердце может в совокупности относиться к умственной деятельности, такой как мысли, чувства и идеи. Традиционная китайская медицина считает, что сердце управляет кровью, и сердце содержит дух, а «дух» относится к духовному сознанию и мыслительной деятельности человека [Ян Минмин, 2009. 298].

В русском материале «душа» и «сердце» также имеют весьма существенные национальные особенности. Все эмоции человека сосредоточены в сердце [Апресян, 1995. С. 42]. Например: принимать близко к сердцу, с чистым сердцем. Когда у кого-то уже нет внутренней

²²³ 刘安, 淮南子·原道, 西汉 [Лю Ань, Хуайнаньцзы · Юаньдао, династия Западная Хань].

²²⁴ 孟子, 孟子·告子上, 战国. [Мэн-цзы, Мэн-цзы Гаози, Период Воюющих царств].

эмоциональной реакции, люди обычно говорят: его сердце окаменело (одеревенело, окостенело, затвердело, стало прохладно и т.д.), «как бы перешло в то «состояние материи», которое лишено подвижной изменчивости жидкого вещества» [Арутюнова 1976: 99]. Так, фраза «сердце – вместилище эмоций» – распространенная метафора как в русском, так и в китайском языке.

Мысль эта давно уж воров кралась в сердце Ивана Самойлыча, и вдруг зависть, глубокая, но бессильная и робкая, закипела в груди его (Салтыков-Щедрин, 1863, НКРЯ).

Зависть наполнила сердце его (Страсти Христовы).

满心妒意翻涌，苦楚难抑，他对张贵的怨恨又深了一层，恨他夺走了自己的心上人 ²²⁵ *Он почувствовал зависть и дискомфорт в своём сердце и стал ещё более враждебным по отношению к Чжан Гую.*

吴二一看到红嫂，眼睛就红了，他胸中的妒火像要一下子喷射出来似的 ²²⁶ *Как только Ву Эр увидел сестру Хун, его глаза покраснели, а зависть в сердце словно готова была вырваться наружу.*

Данные метафоры показывают, что зависть осмысливается как внутреннее загрязнение или тяжёлая нагрузка на главный эмоциональный центр – сердце. Связь этой эмоции с недовольством собой имеет достаточно прямой характер: сердце наполняется ощущением собственной несостоятельности, стыдом и самоупрёком. Одновременно такие формулировки подчёркивают разрушительное действие зависти: как неукротимое пламя, она охватывает личность и подталкивает к иррациональным поступкам. Дискомфорт, вызванный чужими достижениями, переживается как жгущее состояние, нарушающее душевное равновесие и вызывающее внутренний конфликт.

3. Зависть как жидкость. Зависть 嫉妒/羡慕, это жидкость, данная метафора встречается как в русском, так и в китайском языке:

²²⁵ 福建日报, 2001 [Фуцзянь ежедневная газета, 2001].

²²⁶ 钱贵荪, 红嫂, 上海文学, 2008 [Цянь Гуйсун, Хунсао, Шанхайская литература, 2008].

И вдруг зависть, глубокая, но бессильная и робкая, закипела в груди его (Салтыков-Щедрин).

Н.Д. Арутюнова отмечает: «Говоря в целом об эмоциях и эмоциональных состояниях, следует, по-видимому, считать доминирующим представление о них как о жидком теле, наполняющем человека» [Арутюнова 1976: 98]. В русской лингвистике для описания зависти часто используют метафору с жидкостями: человеческие переживания, как вода, имеют подвижность и текучесть. Глагол «волноваться» (с общим корнем с «волной») ярко иллюстрирует это: душевное беспокойство представляется как набегающие морские волны. Поэтому русские при описании эмоций часто используют слова со значением «жидкость»: *кипеть гневом/досадой, излить тоску/любовь, выхлестнуть гордость, выплеснуть кому-либо в лицо*.

В китайских фразеологических и паремиологических данных имеется множество примеров использования слова «вода и другие жидкости» для описания эмоций, таких как: 热情洋溢 тёплые эмоции выплескиваются полностью; 情感的流露 излияние эмоций; 心潮澎湃 сердце катится, как волна. Данный фразеологизм передаёт состояние сильного эмоционального возбуждения и внутреннего беспокойства, лишаящего человека возможности успокоиться. Помимо этого, как уже отмечалось выше, в отличие от русской лингвокультуры, китайская традиция при метафорическом осмыслении ревности часто обращается к специфичному образу жидкости, в частности уксусу.

Так, китайский устойчивый оборот 醋海翻波 («уксусное море, вздымающее волны») символизирует любовные размолвки и конфликты, возникающие в отношениях между мужчиной и женщиной.

Подобные образные выражения кодируют не только межличностную ревность, но и передают физическое ощущение кислотности, обостряющее телесный и душевный дискомфорт. Утрата эмоционального самоконтроля в

сочетании с переживанием стыда делает данную метафору особенно связанной с внутренним недовольством собой.

4. Зависть как болезнь и яд. В обоих языках широко распространена идея зависти как разрушительного недуга. В русском: *ревность – отрава жизни, зависть точит душу*. В китайском: 妒病 *болезнь зависти*, 嫉妒是毒药 *зависть – это яд*.

Подобные образы подчёркивают хроническую и деструктивную природу анализируемой эмоции. Её связь с недовольством собой носит непосредственный характер: зависть осмысливается как духовное отравление, которое лишает личность внутреннего равновесия и порождает ощущение собственной душевной испорченности.

5. Особое место в репрезентации зависти занимают цветочные метафоры. В русском языке устойчиво закрепились обороты «позеленеть от зависти» и «чёрная зависть». Зелёный и чёрный цветочные символы подчёркивают болезненную, разрушительную и нравственно порочную сущность данной эмоции.

В китайской лингвокультуре особенно заметно выражение 眼红 – покраснение глаз как внешнее проявление внутреннего нервного напряжения. Эта метафора не всегда прямо говорит о самоупреке, но хорошо передаёт душевный дискомфорт и смущение субъекта. Поэтому её можно рассматривать как скрытую форму недовольства собой.

6. Зависть в интерпретации как животный образ и разрушительная стихия. В русской языковой картине мира зависть нередко получает метафорическое осмысление через образы агрессивных существ и грозных природных сил. Негативные переживания описываются по аналогии с существом, которое кусает и раздирает человека изнутри.

Показателен в этом отношении глагол *терзать*, который в Малом академическом словаре трактуется как «рвать, раздирать на части», а также «причинять физические и нравственные страдания» [МАС]. Отсюда и устойчивое выражение «её терзает зависть». В художественной литературе

зависть получает образ хищного зверя с острыми клыками, который медленно разъедает личность изнутри: *Зависть грызла его, что другие так полно и широко живут...* (Гончаров, 1859, НКРЯ).

Другой устойчивый образ – зависть как сорная трава, проникающая и разрушительная: *Зависть сорной травой проникла в любовные всходы...* (Зенкевич, 2004). У Некрасова она предстаёт как семя, которое может пустить губительные ростки даже в душе ребёнка: *Однако же зависть в дворянском дитяти / Посеять нам было бы жаль* (Некрасов, 1861).

Подобные метафорические образы не только акцентируют деструктивную сущность зависти, но и точно фиксируют внутреннее психологическое состояние человека. Личность ощущает себя словно раздираемой и поражённой некой внешней враждебной силой, утрачивая контроль над собственным душевным миром. В этой связи образ животного или сорняка становится выразительным средством передачи внутреннего недовольства собой: зависть осознаётся как внутренний противник, наглядно обнажающий личную слабость и психологическую уязвимость субъекта.

Метафорическое описание зависти в русском и китайском материале имеет общие элементы: огонь, сердце, жидкость, болезнь. Эти образы показывают не только силу эмоции, но и её воздействие на внутреннее состояние личности. Национальная специфика проявляется в том, какие образы становятся центральными и как они связываются с нравственной оценкой субъекта.

Русский языковой круг дополняет этот набор образами хищного животного и сорной травы, укрепляя представление о зависти как о враждебной силе, постепенно разрушающей человека изнутри. Китайская традиция акцентирует внимание на физиологических проявлениях эмоции (в частности, образ «покрасневших глаз») и метафоре укуса при описании любовной ревности. Здесь внутреннее недовольство собой выражено опосредованно, но сохраняет свою значимость через телесные переживания и социальные отношения.

В обеих культурах зависть описывается как разрушительное переживание. Она нарушает внутреннее равновесие человека и заставляет его оценивать себя через превосходство другого.

6.6.2. Метафорическое осмысление понятия «ревность» в двух сопоставляемых языках

В рамках русской языковой картины мира *ревность* обладает развитой метафорической наполненностью, охватывающей как внутренние душевные состояния личности, так и социальные роли вместе с устойчивыми культурными стереотипами. Благодаря подобным метафорам можно выделить два основных смысловых пласта в репрезентации ревности: аффективно-негативный, связанный с внутренним недовольством собой, и социально-культурный, отражающий внешние поведенческие модели и гендерные особенности.

1. Ревность осмысливается как тяжёлое душевное бремя и глубокая тоска. У Пушкина встречается выразительная метафора «ревнивая тоска»: это чувство уподобляется холодной руке, сжимающей сердце, и бездне, внезапно раскрывающейся под ногами человека:

*«До глубины души своей / Она проникнута; не может / Никак понять его; тревожит / Её **ревнивая тоска**, / Как будто хладная рука / Ей сердце жмёт, как будто бездна / Под ней чернеет и шумит...»* (Пушкин. Т. 5. С. 104).

Этот метафорический образ передаёт состояние внутренней парализации личности, ощущение утраты жизненной устойчивости и потери собственной значимости. Прямая связь с недовольством собой проявляется в том, что человек остро переживает собственную уязвимость и внутреннюю неполноценность, постепенно перерастающую в мучительные самосомнения.

2. Ревность как проявление душевной слабости и выражение душевных слёз. В лирике М.Ю. Лермонтова данное чувство неразрывно связано с утратой внутреннего самоконтроля, переживанием унижения и нарушением традиционной мужской идентичности:

«Я ж плакал? я, мужчина! / От злобы, ревности, мученья и стыда / Я плакал – да!» (Лермонтов. Т. 2. С. 371).

Слёзы – телесное выражение внутреннего кризиса, связанного со стыдом перед собственной душевной слабостью. Этот художественный мотив усиливает ощущение расхождения между реальным и идеальным образом собственного «Я» и тем самым передаёт острое недовольство собой.

3. Ревность осмысливается как страх, ужас и настоящая душевная катастрофа. По определению Шеина, ревность предстаёт как «вселенский ужас и страх» – данная метафора точно передаёт предельную интенсивность этой эмоции и её мощный деструктивный потенциал:

«Ревность – вселенский ужас и страх...» (Шеин).

Аналогичные метафорические формулировки встречаются и в других литературных текстах, в том числе выражение «ревность – отравка жизни». Её связь с внутренним недовольством собой проявляется опосредованно: личность осознаёт свою неспособность сохранить близкого человека или важные отношения, что постепенно перерастает в устойчивое ощущение собственной неполноценности и несостоятельности.

4. Гендерные аспекты ревности. В ряде текстов подчеркивается противопоставление мужской и женской ревности:

«Да, ревность бывает мужская и женская... но если мужская, считаю, прощительна, / то женская – катастрофа Вселенская» (Андрус).

Здесь акцент смещается в сторону социально-культурной оценки ревности: это уже не индивидуальное душевное переживание, а атрибут гендерных ролей. Подобная форма репрезентации не отражает внутреннего недовольства собой, а скорее воспроизводит устойчивые общественные стереотипы.

5. Цветовые метафоры ревности.

Ахматова говорит о «чёрной ревности», Блок – о «чёрной ревности, что жжёт меж бровей» (Ахматова. С. 264; Блок. С. 303).

Чёрный цвет символизирует душевную тяжесть, разрушительное начало и нравственный порок. Подобные образы подчёркивают внутреннюю деструктивную сущность ревности и её связь с ощущением собственной душевной испорченности. Тем самым текст содержит прямое указание на переживание личностью внутреннего недовольства собой.

6. Ревность как жидкость. Метафоры жидкости передают постепенное, непрерывное разрушение:

«Что же мне делать с ревностью, / Что по капле течёт, не спеша, / Из тёмных глубин древности / Пьёт отраву живая душа...» (<http://poem.com.ua>).

Эти образные обороты основываются на традиционной для русской лингвокультуры модели осмысления эмоций как некой жидкости, которая наполняет внутренний мир человека и постепенно разрушает его изнутри [Арутюнова, 1976: 98]. В них отчётливо прослеживается мотив духовного самоотравления и утраты душевного равновесия, что служит прямым проявлением внутреннего недовольства собой.

7. Ревность как огонь и пожар. Блок сравнивает ревность с пламенем, «жгущим» изнутри:

«Она жжёт меня, чёрная ревность...» (Блок. С. 303).

Подобные метафорические обороты («ревность сжигает», «ревность пылает») отражают иррациональную природу и деструктивную силу данного аффекта. Внутренний дискомфорт личности при этом осмысливается как утрата самоконтроля над собственными чувствами, что нередко сопровождается стыдом и самоупрёком.

8. Ревность как болезнь, яд и безумие. В поэзии Пушкина встречается образ ревности как болезни и яда:

«Да, да ведь ревности припадки – / Болезнь так точно, как чума, / Как чёрный сплин, как лихорадка, / Как повреждение ума» (Пушкин. Т. 4. С. 418).

В китайском материале ревность вербализуется посредством лексических единиц 嫉妒 (общее обозначение зависти и ревности) и

разговорного выражения 吃醋, дословно переводимого как «пить уксус». Данная метафора акцентирует телесную составляющую ревности: кислота вызывает жжение и внутренний дискомфорт, символически совпадающие с переживанием ревностного чувства.

В китайской паремиологии распространён также образ 醋海翻波 – «уксусное море вздымает волны», который передаёт сильное эмоциональное возбуждение и бурю переживаний в любовных и семейных отношениях.

Китайские выражения ревности чаще опираются на телесные и вкусовые ощущения: кислоту, уксус, внутреннее жжение. В русском материале заметнее метафоры болезни, яда, огня и душевного страдания. Различие образов не отменяет общего основания: в обоих случаях ревность связана с тревогой за собственную позицию в отношениях.

И русская, и китайская лингвокультуры репрезентируют ревность как мучительное и разрушительное душевное переживание, однако расставляют разные смысловые акценты. Русская традиция делает упор на внутреннюю патологичность этого чувства и его связь с недовольством собой, трактуя ревность как «болезнь души» и явное проявление личностной уязвимости. Китайская культура, напротив, сосредоточена на телесных проявлениях и межличностных отношениях: ревность осмысливается как «уксусное чувство», отражающее эмоциональный дискомфорт и напряжённость в межличностных связях.

В главе о зависти и ревности установлено, что эти эмоции выражают недовольство собой не прямо, а через социальное сравнение. Человек оценивает себя на фоне Другого: более успешного, любимого, привлекательного или признанного. Поэтому зависть и ревность входят в исследуемое поле как косвенные формы самонедовольства.

Этимологический и дефиниционный анализ позволил установить, что русское слово «зависть» (происходящее от корня «видеть») изначально соотносилось с понятием «дурного взгляда» – негативным сосредоточением на чужих благах и достижениях. В словарных трактовках и народной

паремиологии зависть характеризуется как «ржавчина сердца» и «губительная душевная сила», что подчёркивает её изначально деструктивную природу. В русском языковом сознании четко разграничиваются «чёрная» и «белая зависть»: первая трактуется как крайняя степень враждебности и глубокого самоуничтожения, вторая обладает конструктивным потенциалом и побуждает к самосовершенствованию. В любом случае зависть отражает переживание личной недостаточности, возникающее в процессе социального сравнения с окружающими. В китайском языке основным понятийным обозначением выступает лексема 嫉妒, морфемный состав которой объединяет два смысловых элемента: 嫉 – завистливая неприязнь к чужому превосходству и 妒 – ревностные переживания в любовных и семейных отношениях. Дополнительную смысловую границу проводит лексема 羡慕, передающая нейтральное восхищение чужими достоинствами без негативного подтекста. Данная лексическая триада свидетельствует о том, что китайская лингвокультура чётко разделяет деструктивную зависть, любовную ревность и конструктивную форму восхищения, соответствующую феномену «белой зависти».

Фразеологический и паремиологический материал подтверждает предложенное разграничение эмоциональных понятий. В русском языке пословицы и устойчивые выражения о зависти отражают её всеобщность («зависть не знает выходных»), разрушительность для самого субъекта («зависть целится в других, а ранит себя») и тяжёлые социальные последствия («завистливый злее волка голодного»).

Метонимические образы глаз и рук («завистливое око», «глаза завидующие, руки загребущие») символически передают скрытое внутреннее стремление человека обладать чужими благами и достижениями. Важной особенностью русской лингвокультуры является аксиологическая дихотомия

«чёрной» и «белой зависти», формирующая специфическую систему оценки данного чувства.

В русском паремиологическом фонде ревность представлена более узко: её определяют как «отраву жизни» и «пагубное сомнение», что свидетельствует об ограниченной сфере её употребления и чёткой эмоциональной маркировке как исключительно негативного переживания.

В китайской лингвокультуре паремиологический материал, напротив, сильнее акцентирует социальное измерение зависти. Человек, который выделяется талантом, богатством или общественным статусом, неизбежно оказывается объектом завистливой враждебности. Это отражают народные изречения: «высокое дерево ломает ветер», «выступающая балка сгниёт первой», «стреляют в птицу, летящую впереди». Такие формулы выражают коллективистскую установку на избегание чрезмерной индивидуальной выделенности, чтобы не вызывать зависть окружающих. Если в русской традиции возможно представление, что «лучше быть в зависти, чем в жалости», то китайская культура скорее предупреждает об опасности такого положения. Этот контраст связан с философскими основаниями культуры: конфуцианская этика социальной гармонии и даосское учение о Середине предостерегают от действий, нарушающих равновесие. Зависть поэтому воспринимается не только как личное чувство, но и как угроза устойчивому социальному порядку.

Метафорический анализ выявил существенное сходство в образной репрезентации зависти и ревности в двух лингвокультурах. И в русском, и в китайском языке данные эмоции получают метафорическое осмысление через образы огня (китайское «妒火中烧 » и русское «разгорается зависть»), жидкости («ревность течёт по капле», «醋海翻波 »), а также болезни и яда («зависть точит душу», «嫉妒是毒药 »). Подобные образы подчёркивают их разрушительную сущность и хронический характер переживания.

Важное место занимают телесные метафоры: в русской традиции основными вместилищами эмоций выступают сердце и душа, в китайской –

сердце (心) и глаза (眼红). Через эти образы видно, что зависть и ревность понимаются как внутреннее отравление и выраженный телесный дискомфорт.

Помимо общих черт обнаружены и национально специфические метафорические модели. Для русского языка уникальны образы животного и сорной травы: зависть предстаёт как внутренний паразит, постепенно разъедающий душу изнутри. Китайская культура обладает оригинальной метафорой уксуса (吃醋), которая становится основным средством описания любовной и межличностной ревности.

Главным итогом анализа стало выявление связи зависти и ревности с переживанием внутреннего недовольства собой. Зависть возникает при фиксации чужого превосходства и сопровождается ощущением собственной неполноценности; это состояние может вести к саморазрушению, но иногда становится и мотивом личного развития. Ревность появляется при угрозе утраты значимого объекта и связана с сомнениями человека в собственной состоятельности и достойности взаимных чувств. Поэтому она нередко вызывает самоупрёк и стыд. Даже если пословицы, фразеологизмы и метафоры подчёркивают внешние проявления этих эмоций – ненависть, разрушение отношений, социальный позор, – за ними всё равно сохраняется самонегативная рефлексия. Человек начинает воспринимать себя как не соответствующего собственному идеалу и переживает внутреннюю несостоятельность.

Сравнительный анализ позволил установить, что основное различие между русской и китайской лингвокультурными традициями лежит в области аксиологического фокуса осмысления зависти и ревности. Русская культура глубоко разработала дихотомию «чёрной» и «белой зависти», благодаря чему данное чувство предстаёт как двуликий феномен: оно несёт в себе как деструктивное начало, так и созидательный потенциал, побуждающий к самосовершенствованию. Китайская традиция проводит четкое лексико-семантическое разграничение между 嫉妒 (деструктивная зависть, ревность) и 羡慕 (спокойное восхищение чужим успехом). Она акцентирует

социальные риски возникновения зависти и предлагает конструктивный путь её трансформации в благожелательное восхищение и подражание без внутренней враждебности. Что касается репрезентации ревности, русская культура располагает значительно более богатым метафорическим арсеналом: её уподобляют тоске, яду, огню, душевной болезни и тяжёлому бременю. В китайской лингвокультуре образная система ревности значительно более лаконична и в основном закреплена в обиходной метафоре «пить уксус», не образуя столь разветвлённой и многоаспектной образной модели, как в русском языковом сознании.

Материал пятой главы показывает, что зависть и ревность в двух сопоставляемых языках относятся к эмоциям социального сравнения. Их связь с недовольством собой возникает не прямо, а через переживание собственной недостаточности на фоне другого человека.

В русской лингвокультуре данная взаимосвязь реализуется преимущественно через метафоры внутреннего разрушения и выраженную соматизацию переживаний: образы огня, яда, душевной болезни, слёз и мучительной тоски. В китайской традиции акцент смещается на социальные риски индивидуальной выделенности и необходимость сохранения общественной гармонии; недовольство собой здесь проявляется через страх потерять лицо или нарушить устоявшийся социальный и моральный порядок.

В обеих культурах зависть и ревность выполняют функцию своеобразного зеркала: они обнажают личностную уязвимость человека, фиксируют расхождение между реальным образом «Я» и идеальным эталоном и запускают механизмы внутренней самокритики. Именно это делает данные эмоции одним из центральных элементов языковой репрезентации недовольства собой, выступая связующим звеном между индивидуальными аффективными переживаниями и культурно обусловленными моделями социального поведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показывает, что *недовольство собой* в русском и китайском языках не сводится к одной простой эмоции. В материале оно выражается через несколько нравственно-этических категорий: вину, стыд, совесть, честь, а также концепт «потери лица»; дополнительно к ним подключаются зависть и ревность. Через эти категории раскрываются разные механизмы внутренней самокритики, нравственной рефлексии и социального самоопределения личности.

1. Вина как ядро *недовольства собой*

В обеих лингвокультурах вина – одна из основных форм выражения *недовольства собой*, потому что она связана с переживанием личной ответственности за совершённые проступки и ошибки.

В русском языковом сознании вина осмысливается метафорически как пятно, морщина или тяжёлый груз, который человек стремится «загладить» или искупить. Такое понимание подчёркивает возможность исправления содеянного и завершения нравственного процесса: понесённое наказание или искреннее покаяние снимают с личности бремя осуждения и внутреннего упрёка.

В китайской традиции трактовка вины имеет свои особенности: она воспринимается как неотъемлемое обязательство к моральной и социальной компенсации (категории 过错 – проступок, 内疚 – душевное раскаяние), порождающее постоянное чувство неисполненного долга. В отличие от русской модели, где вина может быть полностью искуплена через покаяние и наказание, в китайской культуре она осмысливается как моральная задолженность, требующая непременно возмещения.

Несмотря на культурные различия, вина в двух сопоставляемых языках связана со стыдом и может стать источником сильного внутреннего недовольства собой.

2. Стыд как социальный и моральный регулятор

Стыд в двух сопоставляемых языках также выступает важной формой вербальной репрезентации *недовольства собой*, хотя смысловые акценты его осмысления существенно различаются.

В русской лингвокультуре стыд связан с оппозицией «стыд – бесстыдство» и понятием «толстокожести»: отсутствие стыда интерпретируется как моральная черствость, душевная бесчувственность и нравственная деградация. Наличие стыда, напротив, свидетельствует о способности личности к саморефлексии, внутреннему самоупреку и дальнейшему нравственному росту. В то же время избыточное переживание стыда способно парализовать инициативу и жизненную активность, поэтому оно оценивается как деструктивное душевное состояние.

Для китайского языка стыд (в значении лексемы 惭愧) обладает устойчивой позитивной коннотацией. Он соотносится с личной скромностью, соответствием принятым социальным нормам и этикетным правилам, выполняет регулятивную функцию в межличностных отношениях и способствует поддержанию общественной гармонии.

В пределах данной главы это означает, что в обеих культурах *стыд* выражает недовольство собой, возникающее при осознании собственного несоответствия принятым нормам и эталонам. При этом в русской традиции он нередко воспринимается как внутреннее препятствие и ограничивающий фактор, тогда как в китайской трактуется как необходимое условие нравственного самосовершенствования и сохранения социального порядка.

3. Совесть как внутренний судья

Совесть в русской и китайской лингвокультурах понимается как внутренний регулятивный механизм, через который личность оценивает себя и переживает недовольство собой.

В русском языковом сознании совесть получает богатую метафорическую репрезентацию: её осмысливают как внутренний голос, беспристрастного судью, тяжёлое бремя, живое растение и даже как «зверя с острыми зубами», нещадно изъедающего человека изнутри.

В китайской традиции совесть (良心) трактуется как врождённое моральное чутьё личности, при этом она тесно сопряжена с общественными нормами и социальными ожиданиями. Характерна метафора совести как материального предмета, способного испортиться, померкнуть или утратить свою нравственную чистоту.

В обеих культурах *совесть* остаётся одним из главных каналов выражения *недовольства собой*. Она фиксирует расхождение между реальным поведением и внутренними либо общепринятыми моральными нормами, порождает чувство вины и побуждает личность к осознанию проступков и их исправлению.

4. Честь и «потеря лица» как социальные проекции

Категория чести и сопряжённый с ней концепт «потери лица» занимает особое место в структуре выражения недовольства собой в русском и китайском языках.

В русской лингвокультуре честь неразрывно связана с внутренним личным достоинством и общественным статусом человека. «Потеря лица» в отечественной традиции осмысливается как утрата собственного нравственного облика, подрыв репутации и даже померкновение совести.

В китайской культуре понятия чести (荣誉) и лица (面子) тесно привязаны к социальной роли индивида. *Потеря лица* означает падение общественного статуса, нарушение этикетных норм и утрату уважения окружения.

И в русском, и в китайском языке утрата чести или потеря лица становятся мощнейшим источником недовольства собой. Они подрывают как внутреннее самоуважение личности, так и её устойчивые позиции в социуме.

5. Зависть и ревность как косвенные проявления

Хотя зависть и ревность не всегда осознаются как явные проявления недовольства собой, они имеют существенную связь с личностной самооценкой и механизмами социального сравнения.

В русском языковом сознании устойчиво разграничивается «чёрная» и «белая зависть»: первая несёт выраженный деструктивный потенциал и разрушает внутренний мир личности, вторая же выступает положительным стимулом к самосовершенствованию и достижению новых целей.

В китайской лингвокультуре зависть и любовная ревность объединены в семантическом поле лексемы 嫉妒, при этом её резко негативные коннотации смягчены культурными нормами гармонии. Конструктивное восхищение чужими успехами и достоинствами оформляется отдельной лексической единицей 羡慕, лишённой завистливой неприязни.

Ревность как в русском, так и в китайском языке сопряжена с внутренним недоверием, навязчивым страхом утраты близкого человека и осознанием собственных недостатков всё это существенно усиливает переживание недовольства собой. Образные фразеологизмы китайское 吃醋 («пить уксус») и русское «сжигать себя ревностью» наглядно иллюстрируют соматические и эмоциональные проявления ревностного состояния, передавая его мучительный внутренний характер.

6. Синтетические выводы

Анализ позволил заключить, что вина, стыд, совесть, честь, зависть и ревность образуют единое семантическое поле, внутри которого феномен недовольства собой реализуется в разнообразных модальностях – от прямого внутреннего самоупрёка до опосредованных форм социальной рефлексии.

В обеих лингвокультурах данное состояние носит амбивалентный характер: оно способно причинять душевные страдания и понижать самооценку личности, одновременно выполняя важную конструктивную функцию. Недовольство собой стимулирует нравственное и личностное самосовершенствование, поддерживает устойчивый моральный порядок и способствует сохранению межличностной гармонии в обществе.

Национально-специфические особенности проявляются в смысловых акцентах осмысления феномена. Русская традиция воспринимает недовольство собой сквозь призму религиозно-нравственных категорий и

строит его на противопоставлении самодовольству и внутренней духовной чистоте. Китайская культура, напротив, делает доминирующий упор на принципы социальной гармонии, предписания скромного поведения и необходимость сохранения репутации и «лица» как основы стабильных общественных отношений.

Исследование показывает, что «недовольство собой» не изолированная эмоция. Оно раскрывается через несколько близких категорий – вину, стыд, совесть, честь, зависть и ревность. В русском и китайском материале у этих категорий есть общая психологическая основа, но культурные акценты различаются: в одном случае заметнее внутренняя самокритика, в другом – связь с социальной нормой, лицом и гармонией отношений.

Полученные результаты вносят теоретический вклад в развитие сопоставительной лингвистики эмоций, закладывают базу для дальнейших научных изысканий в сфере межкультурной коммуникации. Практическое значение работы заключается в возможности её применения в методике преподавания двух языков, а также в переводоведении, межкультурной дидактике и культурологических исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Понять природу человека. – СПб.: Академический проект, 1997. – 256 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Значение и концепт // Спорные проблемы семантики – Волгоград: Перемена, 2003. – 274 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. – М.: Флинта, Наука, 2004. – 412 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 137 с.
5. Апель К.О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // От Я к Другому: СПб. переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск, 1997. – 206 с.
6. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. – С. 27–35.
7. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1995. – 767 с.
8. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2004. – 1487 с.
9. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. – С. 37–67.
10. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1982. – С. 5–23.
11. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики / под ред. Н.Д. Арутюновой, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 54–78.
12. Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. 1997, № 2. – С. 59–70.
13. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 382 с.
14. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – 226 с.
16. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 315 с.
17. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 269 с.
18. Бабкин А.М. Идиоматика и грамматика в словаре. Современная русская лексикография. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1996. – 216 с.
19. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. – Воронеж, 1997. – 230 с.
20. Базарова Л.В. К вопросу о соотношении языка и культуры // Образование и культура России в изменяющемся мире. – Новосибирск, 2007. – С. 72–76.

21. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 416 с.
22. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург. 2000. – 937 с.
23. Береговская Э.М. Экспрессивный синтаксис: учеб. пособие к спецкурсу. – Смоленск: СППИ, 1984. – 92 с.
24. Березин Ф.М. История лингвистических учений. – М.: Высшая школа, 1975. – 304 с.
25. Богданова Л.И. Оценки и ценности в структуре глаголов «стыда» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 106–116.
26. Богданова Л.И. Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения). Вестник университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 844–873.
27. Богданова Л.И. Что означает «потерять лицо» в русском языке? // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 78–90.
28. Болотнова Н.С. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте // Филологические науки, 1992. № 4. С. 75–87.
29. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Грамматика позора // Логический анализ языка / под ред. Н.Д. Арутюновой, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцевой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 216–234.
30. Буряков М. А. К вопросу об эмоциях и средствах выражения. // Вопросы языкознания, 1979 – № 3. – С. 47–59.
31. Василий Великий. Духовные наставления. – М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1998.
32. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; под ред. Т. В. Булыгиной; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М., 1999. – С. 263–305.
33. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
34. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
35. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
36. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота, 2009. № 1 (3). С. 36–42.
37. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый» термин // Язык, сознание, коммуникация, 2003. № 24. С. 5–12.

38. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 17, вып. 2. – Краснодар, 2003. – С. 268–276.
39. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
40. Воробьёв В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
41. Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. С. 13–106.
42. Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
43. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
44. Гумбольдт В. О мышлении и речи. // Гумбольдт В.. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 301–302.
45. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
46. Джеймс У. Личность // Психология личности: тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и А.А. Пузыря. – М.: Издательство МГУ, 1982. – С. 61–70.
47. Джеймс У. Психология. / У. Джеймс; [пер. с англ. И. Лапшина, М. Гринвальд; вступит. Ст. А. Лызлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 135 с.
48. Дорофеева А.А. Что скрывается в тайне метафоры // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. – С. 155–160.
49. Ермакова О.П. Концепты совесть и зависть в их языковом выражении // Русский язык сегодня. 2000. Вып. 1. – С. 375–385.
50. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В.В. Пассека, С.П. Сафроновой; под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 329 с.
51. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество: Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике: (Избр. тр.). – М.: Лабиринт, 1998. – 364 с.
52. Залевская А.А. Некоторые вопросы отображения реальности у пользователя языком // Реальность, язык и сознание. – Тамбов, 1999. Вып. 1. – С. 4–14.
53. Залевская А.А. Психолингвистические исследования слова и текста. – М.: Гнозис. 2002. – 543 с.
54. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 36–45.
55. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
56. Захарова А.В. Психология формирования самооценки. – Минск: [б. и.], 1993. – 99 с.

57. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. Системный подход. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. – 191 с.
58. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. – М.: Едиториал, УРСС, 2003. – 232 с.
59. Изард К. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.
60. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
61. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.
62. Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – 511 с.
63. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2007. – 405 с.
64. Караулов Ю.Н. Русский язык. Энциклопедия – М.: Дрофа, 1997. – 721 с.
65. Коберник Л.Н. Чувства и эмоции в интерпретации русской диалектной метафоры (на материале говоров среднего приобья) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Том. гос. ун-т. – Томск, 2007. – 29 с.
66. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 книгах. Кн.2. Добро и зло. СПб.: Филологический факультет. СПбГУ, 2001. – 304 с.
67. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 237 с.
68. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
69. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
70. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 85–91.
71. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. фак. МГУ, 1997. – 245 с.
72. Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. Вып. 2. – С. 5–15.
73. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 252 с.
74. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1995. – 399 с.
75. Левин К. Уровень притязаний / К. Левин, Т. Дембо, Л. Фестингер, Р. Сирс // Психология личности: Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М.: Изд-во Московского университета, 1982. – С. 85–92.
76. Левицкий А.Э. Время и культура как факторы трансформации информации // Когнитивные исследования языка. Т. 53. № 2. 2018. – С. 445–449.
77. Левицкий А.Э. Языковая личность как лингвокультурный феномен // Когнитивные исследования языка, № 2 (45), 2021. – С. 342–353.

78. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
79. Лихачев Д.С. Русская словесность. – М.: Acadimia, 1997. – 215 с.
80. ЛЭС. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
81. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику.: учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – 313 с.
82. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 208 с.
83. Милославский И.Г. Видовая принадлежность русского глагола в обеспечении рецептивной и продуктивной речевой деятельности, Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 74. № 1, 2015. – С. 11–18.
84. Милославский И.Г. Расширение когнитивного пространства как главная проблема русского литературного языка XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Изд-во Моск. ун-та, № 3, 2008. – С. 75–89.
85. Милославский И.Г. Синтез словосочетания и производного слова // Вопросы языкознания, № 6. 1977. – С. 53–61.
86. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1986. – 465 с.
87. Молчанова Г.Г. Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Изд-во Моск. ун-та (М.). № 4. 2018. С. 9–20.
88. Молчанова Г.Г. Когнитивные подходы к изменению дискурса нового поколения // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, издательство Изд-во Моск. ун-та. – М., 2019. № 1. С. 9–18.
89. Молчанова О.Н. Самооценка: теоретические проблемы и эмпирические исследования: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 389 с.
90. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 182 с.
91. Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учеб. пособие к спецкурсу по стилистике. – Волгоград: Перемена, 1997. – 91 с.
92. Музолф Андреас. Творческая интерпретация метафор // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. 2019. Т. 23. № 1. С. 23–39.
93. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж: ВГУ, 1990. – 160 с.
94. Несветайлова И.В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур, – Армавир: РИО АГПА, 2012. – С. 149–173.

95. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
96. Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализа языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
97. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 609 с.
98. Пименова М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов). // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 83–90.
99. Подлесова О.А. Концепты эмоциональных состояний в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах. – Пенза: Пензенский гос. педагогический университет, 2010. – 312 с.
100. Полети Р., Доббс Б. Самооценка. Основное благо. – М.: Изд. дом Мещерякова, 2008. – 127 с.
101. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
102. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.
103. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры: сборник. – М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.
104. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Педагогика, 1998. – 488 с.
105. Рублева О.Л. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие. – Владивосток: Дальневосточного университета, 2006. – 166 с.
106. Руссо Ж.Ж. Эмиль, или О воспитании / пер. с фр. М.А. Энгельгардта. – СПб.: Газ. "Шк. и жизнь", 1911. – 491 с.
107. Самситова Л.Х., Байназарова Г.М. Понятие концепта в лингвокультурологии: История развития, структура, классификация // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1373–1378.
108. Саяхова Л.Г. Концептуальная метафора «природа-человек» в русской поэтической картине мира. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 289 с.
109. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2001. – 387 с.
110. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – Ленинград: Соцэкгиз, 1934. – 185 с.
111. Складеревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.
112. Скарнев Д.С. Метафора как средство создания образа // Фундаментальные исследования, 2015. № 2. С. 56–59.
113. Смирнова А. В. Метафора как когнитивный элемент передачи эмоций на примере английского языка // Вестник Томского гос. университета, 2016. № 2. С. 133–135.
114. Сорокин Ю.А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт Языкознания РАН, 1993. С. 98–117.

115. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
116. Спешнев Н.А. Китайцы. Особенности национальной психологии. – СПб.: КАРО, 2014. – 322 с.
117. Стексова Т.И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002. – 187 с.
118. Степанова И.Б. Ревность: уголовно-правовой и криминологический аспекты. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1988. – 73 с.
119. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – 312 с.
120. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
121. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация» / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 261 с.
122. Туранский И.И. Содержание и выражение интенсивности в английском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Ленинград. ин-т языкознания. – Ленинград, 1991. – 41 с.
123. Урысон Е.В. Голос разума и голос совести / Логический анализ языка: Языки этики / под ред. Н.Д. Арутюновой, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 184–188.
124. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования. // Языковое сознание: содержание и функционирование. / ред. Е.Ф.Тарасов. – М.: ПЕР СЭ, 2000. – С. 59–69.
125. Федосюк М.Ю. // Синтаксические значения и синтаксические смыслы // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. Изд-во Моск. ун-та. – М., 2008. – С. 18–22.
126. Федосюк М.Ю., Сяо Чжан // Показатели смыслов слов, употребленных в тексте // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 80. № 6, 2021. – С. 79–88.
127. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка [1963] / Н.М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1985. – 160с.
128. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики, 2009. № 4. С. 46–49.
129. Шаховский В. И. Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена, 1995. – 169 с.
130. Шаховский В.И. К теоретической и прикладной лингвистике эмоций. – М.: Гнозис, 1995. – 414 с.
131. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 190 с.
132. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 1995. – 247 с.

133. Шаховский В.И. Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. – Волгоград: Колледж, 2001. – 365 с.
134. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Яз. славян. культуры, 2000. – 492 с.
135. Arthur H. S. Chinese Characteristics (New York: Revell, 1894). // Various reprints: East Bridge, D'Asia Vue, with a Preface by Lydia Liu, 2003. – С. 47–51.
136. Branden N. What Self-Esteem Is and Is Not, 1994 <http://www.self-esteem-international.org/isnot.htm>.
137. Brecht G. Sorting out Self-Esteem. Sydney: Prentice Hall, 1996.
138. Crocker J., Lee S.J., Park L.E. The Pursuit of Self-Esteem: Implications for Good and Evil // The Social Psychology of Good and Evil / A.G. Miller (ed.). N.Y.: Guilford Press, 2004. P. 271–302.
139. Emler N. Self-Esteem: The Costs and Consequences of Low SelfWorth. York, England: York Publishing Services, 2001.
140. Fraser, B. Idioms within a Transformational Grammar [Text] / B. Fraser Foundations of Language. – 1970. – Vol. 6. – No. 1. – pp. 22—24.
141. Fries Ch. The structure of English. An introduction to the construction of English sentences. New York: Harcourt, Brace, 1952. 304 p.
142. Kingsley B. Jealousy and sexual property. – Lanham: Univ. Press of America, 1977.-P. 129–134.
143. Lakoff G.&M. Johnson Metaphors we live by [M]. Chicago: The university of Chicago Press, 1980. P. 6.
144. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 312 с.
145. Reasoner R.W. What is Optimal Self-Esteem? // Research Bulletin. 2006. No. 1.
146. Rollenhagen C., Dalkvist J. Cognitive contents in emotions: A content analysis of retrospective reports of emotional situations. Reports from the Department of Psychology, University of Stockholm, 1989. – 179 с.
147. Self-Esteem: The Puzzle of Low Self-Regard / R.F. Baumeister (ed.). N.Y.: Plenum Press, 1993.
148. Watson, John B. Behaviorism, New York: W. W. Norton, 1925. – 241 с.
149. 威廉·冯特, 生理心理学原理, 德国莱比锡英格尔曼出版社, 1873. [Вундта В. Основы физиологии эмоций, Ингельманн Верлаг Лейпциг, Германия, 1873. – 120 с.]
150. 老子, 道德经, 山东科学技术出版社, 2008. [Лао-цзы, Дао дэ цзин, Шаньдунское научно-техническое издательство, 2008. – 50 с.]
151. 李向东. 当代俄罗斯语言与文化研究. 北京: 北京大学出版社, 2015 年. [Ли Сяндун. Исследования современного русского языка и культуры. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2015. – 138 с.]
152. 林书武. «愤怒» 的概念隐喻——英语、汉语语料. 外语与外语教学, 1998 (2) : 9-13 页。 [Линь Шуу. Концептуальная метафора «гнева» –

- английский и китайский корпус // Иностранные языки и преподавание иностранных языков, 1998. № 2. – С. 9–13.]
153. 罗国杰. 《伦理学教程》. [Ло Гоцзе. «Курс этики». Издательство народного университета Китая, 1986. – С. 224–225.]
154. 刘佐艳. 关于 концепт. 中国俄语教学, 2014 年 (2). 第 13 页. [Лю Цзоянь. О концепции // Преподавание русского языка в Китае, 2014. № 2. – С. 13.]
155. 刘娟, 情感语言学:一个值得关注的语言学领域, 黑龙江大学俄罗斯语言文学研究中心, 2007. [Лю Цзюань, «Эмоциональная лингвистика: лингвистическая область, достойная внимания», Центр исследования русского языка и литературы, Хэйлунцзянский университет, 2007. – 173 с.]
156. 彭文钊, 赵 亮. 语言文化学. 上海: 上海外语教育出版社, 2006 年. [Пэн Вэньчжао, Чжао Лян. Язык и культура. М. Шанхай: Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2006. – 142 с.]
157. 宋智贤, 《心理学大辞典》, 北京师范大学出版社, 1989 年, 第 503 页. [Сун Чжисянь, «Психологический словарь», издательство Пекинского педагогического университета, 1989. – 503 с.]
158. 胡先缙. 《面子》. [Ху Сяньцзинь. «Лицо». Издательский Цзянси, 2019. – 139 с.]
159. 翟学伟. 《中国人行动的逻辑》. [Цзай Сюэвэй. «Логика действий китайцев». Издательство Пекинского университета языка и культуры, 2020. – 224 с.]
160. 金耀基, 人际关系中人情的分析。《中国人的心理》。台北: 桂冠图书公司, 1988. [Цзинь Яоджи, Анализ человеческих чувств в межличностных отношениях. «Китайская психология». Тайбэй: Laurel Books, 1988. – 64 с.]
161. 金耀基. 《中国人的心理》. [Цзинь Яоцзи. «Психика китайцев». Издательство Юго-Западного университета Цзяотон, 2019. – 163 с.]
162. 张蕾. 浅析荣誉教育在大学生思想政治教育中的作用与实现. [Чжан Лэй. Анализ роли и реализации воспитания чести в идейно-политическом воспитании студентов колледжа. Хуа Чжан, 2011. – С. 110–111.]
163. 张家骅. 新时代俄语通论 (下. 商务印书馆, 2006. 第 241 页. [Чжан Цзяхуа. Общая теория русского языка в новое время. Коммерческая пресса, 2006. – 241 с.]
164. 赵爱国. 当前俄语«观念»研究中的几个理论问题. 中国俄语教学, 2016 年 (3). [Чжао Айго. Некоторые теоретические вопросы в современных исследованиях русских «концепций». Преподавание русского языка в Китае, 2016. № 3. – С. 64–68.]
165. 朱瑞玲, 中国人的社会互动: 论面子的问题。载杨国枢 (编), 中国人的心理。南京: 江苏教育出版社: 189-225, 2006. [Чжу Жуйлин, Социальное взаимодействие в Китае: К вопросу о лице. В Ян Гошу (ред.), Китайская психология. Нанкин: Jiangsu Education Press, 2006. -С. 189–225.]
166. 陈梦华. 俄罗斯语言文化学视角下的观念研究. 中国俄语教学, 2014 年(1). [Чэнь Мэнхуа. Исследование концепций с точки зрения русского языка и культуры. Преподавание русского языка в Китае, 2014. № 1. – С. 46–50.]

167. 陈 雪. 从认知术语学角度解读术语 концепт. 外语学刊, 2014 年(3). [Чэнь Сюэ. Интерпретация термина концепт с точки зрения когнитивной терминологии. Журнал иностранных языков, 2014. № 3. – С. 35–39.]
168. 赫尔穆特·舍克. 嫉妒论. 北京: 社会科学文献出版社, 1988. [Шойк Хельмут. Теория о зависти. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 1988. – 312 с.]
169. 杨国枢, 中国人的心理, 江苏教育出版社, 2006. [Ян Гошу. Психология китайского народа. Нанкин: Издательство «Образование Цзянсу», 2006. – 211 с.]
170. 杨明天. 观念的对比分析: 以俄汉具有文化意义的部分抽象名词为例. 上海: 上海译文出版社, 2009. [Ян Минтянь. Сравнительный анализ понятий: на примере некоторых абстрактных существительных, имеющих культурное значение в русском и китайском языках. Шанхай: Издательство «Шанхайский перевод», 2009. – 195 с.]

Словари и справочники

1. Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%92%D0%B8%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 21.07.2024).
2. Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/bst/%D1%92%D0%B8%D0%BD%D0%B2> (дата обращения: 22.07.2024).
3. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. И. Балахонова]. – Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004.
4. Большой юридический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/law/%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 21.07.2024).
5. Бунимович Н.Т., Жаркова Г.Г. Словарь современных понятий и терминов. – М.: «Республика», 2002. С. 511.
6. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vocabulary.ru/slovari/slovar-prakticheskogo-psihologa.htm> (дата обращения: 21.07.2024).
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vdahl.ru/?ysclid=m1cjiv4tqu610111061> (дата обращения: 21.07.2024).
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.
9. Конфуций. Суждения и беседы («Лунь юй»). Исслед., пер. с кит., комм. Л.С. Переломова. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000. – 102 с.
10. Корсини Р., Ауэрбах А. Психологическая энциклопедия. – СПб.: Питер, 2003. – 1020 с.
11. Краткий психолого-филологический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vocabulary.ru/termin/dovolstvo.html> (дата обращения: 21.07.2024).

12. Малый академический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/mas/%D1%81%D1%82%D1%8B%D0%B4> (дата обращения: 21.07.2024).
13. Национальный корпус китайского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 21.07.2024).
14. Оксфордский толковый словарь по психологии. Военно-психологический словарь-справочник онлайн. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vocabulary.ru/slovari/oksfordskii-tolkovy-i-slovar-po-psihologii.html> (дата обращения: 21.07.2024).
15. Педагогический терминологический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: https://gufo.me/dict/pedagogy_terms/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 21.07.2024).
16. Православная энциклопедия «Азбука веры». [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/nedovolstvo#literature> (дата обращения: 21.07.2024).
17. Православный энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus-pravoslavniydict.slovaronline.com/643-%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 21.07.2024).
18. Прохоров А.М. Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bse.slovaronline.com/> (дата обращения: 21.07.2024).
19. Русские пословицы здесь и далее из словаря: Даль В.И. Пословицы русского народа. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vdahl.ru/> (дата обращения: 21.07.2024).
20. Сексологическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. – URL: https://gufo.me/dict/sexology_encyclopedia/%D0%A0%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 21.07.2024).
21. Семышева В.М. Словарь терминов и понятий по курсу Психология и педагогика. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vocabulary.ru/termin/sovest.html> (дата обращения: 21.07.2024).
22. Словарь классических древностей. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/lubker/%D0%92%D0%B8%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 21.07.2024).
23. Словарь чувств и эмоций. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vocabulary.ru/termin/vina.html> (дата обращения: 21.07.2024).
24. Современный философский словарь / [Азаренко С.А. и др.]; под общ. ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. – 822 с.
25. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/66-%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82> (дата обращения: 21.07.2024).
26. Толково-комбинаторный словарь. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
27. Толковый словарь Дмитриева. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/dmitriev/%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D1%87>

- %D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5
(дата обращения: 21.07.2024).
28. Толковый словарь Ефремовой. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE> (дата обращения: 21.07.2024).
29. Толковый словарь Кузнецова. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/довольный> (дата обращения: 21.07.2024).
30. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%BE> (дата обращения: 21.07.2024).
31. Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/довольный> (дата обращения: 21.07.2024).
32. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraselogical-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 21.07.2024).
33. Фразеологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus-phrase-dict.slovaronline.com/1549-%D0%9F%D0%9E%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%AF%D0%A2%D0%AC%D0%20%D0%9B%D0%98%D0%A6%D0%9E> (дата обращения: 21.07.2024).
34. Энциклопедический психологический словарь-справочник. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vocabulary.ru/termin/vina.html> (дата обращения: 21.07.2024).
35. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Российская империя акционерным издательским обществом, Семеновская Типолиитография. 1890—1907 годах.
36. Этимологический онлайн-словарь Крылова Г.А. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/д/довольный> (дата обращения: 21.07.2024).
37. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%B4/%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE> (дата обращения: 21.07.2024).
38. Этимологический онлайн-словарь Шанского Н.М. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/д/довольный> (дата обращения: 21.07.2024).
39. 中国百科大辞典，华夏出版社，1999. [Большой китайский энциклопедический словарь. Изд-во Хуася, 1999. 726 с.]
40. 汉典 Большой словарь китайских иероглифов. [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/reference/3561/533aYdO6cr3_z3kATKDez62iMi2XZIn6u7PSULFzzqIP0XOpX5nyFJI26dRx8PJzWwiE5dczNI9axbr4AktA8K9ULA (дата обращения: 21.07.2024).

41. 丁声树. 现代汉语词典 . 北京: 商务印书馆, 1978. [Дин Шэншу, Современный китайский словарь, коммерческое издательство, 1978.]
42. 中国百科大辞典. 中国大百科全书出版社, 2002. [Китайский энциклопедический словарь. Издательство “Китайская энциклопедия”, 2002.]
43. 林崇德, 心理学大辞典, 上海教育出版社, 2003. [Линь Чундэ, Психологический словарь, Shanghai Education Press, 2003.]
44. 重庆大学语言文字网 网络语言 и символов Университета Чунцина. [Электронный ресурс]. URL: <https://ywb.cqu.edu.cn/info/1006/2065.htm> (дата обращения: 21.07.2024).
45. 中华谚语大词典. Словарь китайских пословиц. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esk365.com/yanyu/> (дата обращения: 21.07.2024).
46. 新华字典, 商务印书馆, 1957. [Словарь Синьхуа, Commercial Press, 1957.]
47. 《现代汉语词典》, 商务印书馆, 2005 年, 第 1116 页. [«Современный китайский словарь», Коммерческая пресса, 2005. – 1116 с.]
48. 宋智贤, 《心理学大辞典》, 北京师范大学出版社, 1989 年, 第 503 页. [Сун Чжисянь, «Психологический словарь», издательство Пекинского педагогического университета, 1989. – 503 с.]
49. 徐中舒, 汉语大字典, 四川出版集团, 1990. [Сюй Чжуншу, Китайский словарь, Сычуаньская издательская группа, 1990.]
50. 夏征农. 辞海. 上海: 上海辞书出版社, 2010. [Ся Чжэннонг, Море слов, шанхайское лексикографическое издательство, 2010.]
51. 曾庆敏, 法学大辞典, 上海辞书出版社, 1991. [Цзэн Цинминь, Юридический словарь, Издательство Шанхайского словаря, 1991.]
52. 《辞海》, 上海辞书出版社, 1979 年, 第 1992 页. [«Цихай», Издательство Шанхайского словаря, 1979.]
53. 陈廷敬, 康熙字典, 1711. [Чэнь Тинцзин, Словарь Канси, 1711.]
54. 说文解字 Шовэнь цзецзы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hancibao.com/shuowen/60c5> (дата обращения: 21.07.2024).
55. 《百度百科辞典》 «Энциклопедический словарь Baidu». [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/1677106.htm>. (дата обращения: 21.07.2024).

Источники

1. Анналы Люй Бувэя. 239 год до н.э. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wenku.baidu.com/view> (дата обращения: 21.07.2024).
2. Конфуций. Суждения и беседы («Лунь юй»). Исслед., пер. с кит., комм. Л.С. Переломова. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000.
3. Платонов О.А. Русский народ. Вера и обычаи. Работа и быт. Будни и праздники. Этнографическая энциклопедия. Том 1 (А–Н). [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkij-narod-vera-i-obychai-rabota-i-byt-budni-i-prazdniki-tom-1/10_34 (дата обращения: 21.07.2024).
4. Чжу Жуйлин. Китайское социальное взаимодействие // Образование Цзянсу. 2005.
5. Шигапов А.С. Бангкок и Паттайя: путеводитель. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CjQKG9GB0L7RhdGA0LDQvdC40YLRjCDQu9C40YbQvioOCggIABAKGDIgCiAAQAUyAggBOgEBMAE=> (дата обращения: 21.07.2024).
6. 安顿, 绝对隐私, 1998. [Ан Дун, Абсолютная конфиденциальность, 1998.]
7. 佚名, 鹤鸣, 先秦. [Аноним, Хеминг, Пре-Цинь.]
8. 无名氏, 《陈州糶米》, 元. [Аноним, «Чэньчжоу Райс», Юань.]
9. 巴金, 《随想录》, 上海文艺出版社, 2008. [Ба Цзинь, «Размышления», Шанхайское издательство литературы и искусства, 2008.]
10. 冰心, 冰心全集第四卷, 商务印书馆, 2008. [Бин Синь, Полное собрание сочинений "Ледяное сердце", том 4, Коммерческое издательство, 2008.]
11. 王勃, 守岁序, 唐. [Ван Бо, Соблюдение порядка года, династия Тан.]
12. 王小波, 东宫·西宫, 陕西师范大学出版社, 2006. [Ван Сяобо, Восточный дворец и Западный дворец, издательство Педагогического университета Шэньси, 2006.]
13. 王朔, 顽主, 1995, 华艺出版社. [Ван Шо, Упорный лорд, 1995, издательство "Хуайи".]
14. 王聿蔚, 茶花女, 1993. [Ван Ювэй, «Травиата», 1993.]
15. 郭松民, 《媒体观点》, 2001. [Го Сунминь, Мнение СМИ, 2001.]
16. 古华, 芙蓉镇, 人民文学出版社, 1981. [Гу Хуа, Город гибискусов, Издательство народной литературы, 1981.]
17. 管仲, 管子. [Гуань Чжун, Гуань-цзы.]
18. 龚自珍, 明良论. [Гун Цзычжэнь, Теория Минляна.]
19. 葛洪, 行品, 晋代. [Гэ Хун, Синпин, династия Цзинь.]
20. 戴圣, 礼记, 西汉. [Дай Шэн, Книга обрядов, династия Западная Хань.]
21. 心理健康. 2020-05-07. [Душевное здоровье. 05 июля 2020 г.]
22. 子思, 中庸, 战国. [Зиси, Филос. учение о Середине, периода воюющих царств.]

23. 老舍. 《火葬》. 译林出版社. 2014. [Лао Шэ. «Кремация» // дом Илин, 2014. С.54.]
24. 李準, 《黄河东流去》, 北京出版社, 1978. [Ли Цзюнь, Желтая река течет на восток, издательство Пекин, 1978.]
25. 林语堂, 《风声鹤唳》, 陕西师范大学出版社, 2006. [Линь Юйтан, «Ветер и журавль», издательство Педагогического университета Шэньси, 2006.]
26. 林语堂. 吾国吾民. 陕西师范大学出版社, 1935. [Линь Ютань. Моя страна, мой народ. Издательство Шэньсийского педагогического университета, 1935.]
27. 罗贯中, 三国演义, 元末明初. [Ло Гуаньчжун, «Роман трех королевств», поздняя династия Юань и ранняя династия Мин.]
28. 吕不韦, 吕氏春秋, 战国. [Лу Бувэй, Весна и осень Люя, Период Воюющих царств.]
29. 鲁迅, 说«面子»[A]. 载鲁迅 (著), 《且介亭杂文》[C]. 北京: 人民文学出版社: 128-131, 1934. [Лу Синь, Лицо [A]. По словам Лу Синя (автора), «Ци Цзе Тин» [C]. Пекин: Издательство народной литературы: 128-131. 1934.]
30. 陆九渊, 陆象山语录. [Лу Цзююань, Цитаты из Лу Сяншаня.]
31. 刘安, 淮南子·原道, 西汉. [Лю Ань, Хуайнаньцзы · Юаньдао, династия Западная Хань.]
32. 刘向, 战国策·楚策四, 西汉末年. [Лю Сян, Стратегия воюющих государств – Чу Цэ IV, конец династии Западная Хань.]
33. 刘慈欣《中国 2185》, 1989. Лю Цысинь // Китай 2185. [Электронный ресурс]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/zh/search/0/%E4%B8%A2%E8%84%B8> (дата обращения: 21.07.2024).
34. 茅盾, 蚀, 人民文学出版社, 1930. [Мао Дунь, Затмение, Издательство "Народная литература, 1930.]
35. 莫言, 丰乳肥臀, 上海文艺出版社, 2012. [Мо Янь, Большая грудь, широкий зад, Шанхайское издательство литературы и искусства, 2012.]
36. 莫言, 红高粱家族, 人民文学出版社, 2007. [Мо Янь, Красный гаолян, Издательство народной литературы, 2007.]
37. 莫言, 民间音乐, 春风文艺出版社, 2004. [Мо Янь, Народная музыка, Издательство литературы и искусства Чуньфэн, 2004.]
38. 莫言, 蛙, 上海文艺出版社, 2012. [Мо Янь, Лягушка, Шанхайское издательство литературы и искусства, 2012.]
39. 孟子, 孟子·告子下, 战国. [Мэн-цзы, Мэн-цзы · Гаозиксия, Период Воюющих царств.]
40. 孟子·滕文公上[Мэн-цзы, Мэн-цзы Тенгвенгонг.]
41. 人民日报. [Народная ежедневная газета, 1993.]
42. 《涅槃经》卷十九[Нирвана, том 19, 1996.]

43. 教育课堂《家庭》. [Педагогический класс. «Семья». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sohu.com/a/410105549_120630844 (дата обращения: 21.07.2024).]
44. 三宝, 《入冬的雪》, 1982. [Самбо, Снег зимой, 1982.]
45. 金文编, 容庚, 中华书局, 1985. [Сборник Цзиньвэнь, Ронг Гэн, книжная компания Чжунхуа, 1985 г.]
46. 席慕蓉, 散文集, 内蒙文化出版社出版, 2009. [Си Мужун, Сборник прозы, Опубликовано издательством "Культура Внутренней Монголии, 2009.]
47. 苏西荷, 恋爱份子, 文化艺术出版社, 1996. [Су Сихэ, Любовник, Издательство «Культура и искусство», 1996.]
48. 孙少山, 《八百米深处》. Сунь Шаошань. «Глубина 800 метров», 2001.
49. 司马相如, 上林赋, 公元前 179 年~公元前 118 年. [Сыма Сянжу, Шанлинь Фу, 179—118 гг. до н.э.]
50. 司马迁, 史记, 西汉. [Сыма Цянь, Исторические записи, династия Западная Хань.]
51. 徐兴业, 金瓯缺, 河南文艺出版社, 1985. [Сюй Синьэ, Цзинь Оуке, Хэнаньское издательство литературы и искусства, 1985 г.]
52. 徐宗才, 惯用语例释, 北京语言学院出版社, 1985. [Сюй Цзунцай, Объяснение идиом, издательство Пекинского института языка, 1985.]
53. 荀子, 荀子·天论, 战国末期. [Сюнь-цзы, Сюнь-цзы·Лунь Тянь, поздний период Воюющих царств.]
54. 萧红, 生死场, 1993. [Сяо Хун, Жизнь и смерть, 1993.]
55. 房玄龄, 晋书·苻登载记. [Фан Сюаньлин, Книга Цзинь – Записи Аномала Дэна.]
56. 韩少功, 马桥词典, 作家出版社, 1997. [Хань Шаогун, Словарь моста, Издательство писателей, 1997.]
57. 曹禺, 原野, 人民文学出版社, 1994. [Цао Юй, Юань Е, Издательство "Народная литература", 1994.]
58. 姬昌, 周易, 前 1152 年—约前 1056 年. [Цзи Чанг, Чжоуи, 1152 г. до н.э. – около 1056 г. до н.э.]
59. 吴敬梓《儒林外史》, 清. [У Цзинсинь, «Неофициальная история конфуцианцев», Династия Цин.]
60. 宗璞, 《东藏记》, 人民文学出版社, 2019. [Цзун Пу, Книга о Восточном Тибете, Издательство "Народная литература", 2019.]
61. 子思, 中庸. [Цзы-сы, Чжун юн.]
62. 杨绛, 《走到人生边上》, 商务印书馆, 2007. [Цзян, Прийти к краю жизни, коммерческое издательство, 2007.]
63. 秦牧, 土地, 作家出版社, 1978. [Цинь Му, Земля, Издательство писателей, 1978.]
64. 崔卫平, 政治与良心, 1984. [Цуй Вэйпин, Политика и совесть, 1984.]
65. 屈原, 《楚辞·离骚》, 战国. [Цюй Юань, «Чу Ци Ли Сао», Период Воюющих царств.]

66. 钱贵荪, 红嫂, 上海文学, 2008. [Цянь Гуйсун, Хунсао, Шанхайская литература, 2008.]
67. 钱钟书, 《围城》, 上海晨光出版公司出版, 1947. [Цянь Чжуншу. Осаждённая крепость. Шанхай: Издательство «Утренняя слава», 1947.]
68. 朱熹, 朱子语类. Чжу Си, Язык жужи.]
69. 朱秀海, 乔家大院, 1998. [Чжу Сюхай. Двор Цяо, 1998.]
70. 张恨水, 《欢喜冤家》, 北方文艺出版社, 2019. [Чжуан Хэньшуй, «Счастливый враг», Издательство Северной литературы и искусства, 2019.]
71. 张恨水 《北燕南飞》, 北方文艺出版社, 2019. [Чжуан Хэньшуй, «Бейян летит на юг» // Северная литература и искусство, 2019. С. 42.]
72. 郑英德, 唐明皇全传, 吉林文史出版社, 1987. [Чжэн Инде, Полная биография Тан Минхуана, Издательство литературы и истории Цзилиня, 1987.]
73. 陈忠实 《白鹿原》, 人民文学出版社, 1998. [Чэнь Чжунши, «Равнина Байлу», Издательство народной литературы, 1998.]
74. 叶圣陶, 《两法师》, 上海文艺出版社, 1980. [Е Шентао, «Две бонзы», Шанхайское издательство литературы и искусства, 1980.]
75. 沈从文, 边城, 湖南文艺出版社, 1934. [Шэнь Цунвэнь, Пограничный город, Издательство литературы и искусства провинции Хунань, 1934.]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список лексических и фразеологических единиц, способных выражать «недовольство собой» в русском и китайском языках

1. Языковые единицы, связанные со стыдом.

1) Лексические единицы, способные описывать «недовольство собой» в русском языке:

а) Существительные:

стыд

бесстыдство

бесстыдник

бесстыдница

б) Глаголы:

стыдить, пристыдить, устыдить

стыдиться, застыдиться, устыдиться

в) Прилагательные:

бесстыдный

постыдный

стыдливый

г) Предикативное наречие:

стыдно

2) Фразеологические единицы, способные выражать «недовольство собой» в русском языке

Глагольные:

Вспотеть от стыда

Покраснеть от стыда

Провалиться сквозь землю от стыда.

Сгорать от стыда

Именные:

жгучий стыд

нестерпимый стыд

слёзы стыда (Достоевский, 1859)

ни стыда, ни совести

3) Пословицы и поговорки о стыде, способные выражать «недовольство собой» в русском языке

Без стыда лица не износишь, как платья без пятна.

В ком есть Бог, в том есть и стыд.

Если даёшь – не бойся, берёшь – постыдись.

И сам себя стыду ты предаёшь, когда твой рот твердит повсюду ложь.

Кто изменит слову, тот теряет стыд.

Не смерть страшна – стыд страшен.

Не стыдись говорить, коли правду хочешь объявить.

Отбрось стыд и будешь сыт

Спросить – минутный стыд, не спросить – стыд на всю жизнь.

Стыдливый покраснеет, а бесстыжий побледнеет.

Стыд не дым, глаза не выест.

Стыдливый из-за стола голодный встает.

Стыдно не у кого видно, а кому показать нечего.

Тому великий стыд, кто языком льстит.

1. 1 Лексические единицы, связанные со стыдом и выражающие недовольство собой в китайском языке.

1) Лексические единицы, описывающие «недовольство собой» в китайском языке:

惭愧 (прил.)

2) Фразеологические единицы, выражающие «недовольство собой» в китайском языке

作贼心虚 (букв.: вора выдаёт трусость).

卑陋失色 (букв.: из-за стыда выражение лица стало нехорошим).

面红耳赤 (букв.: из-за стыда лицо и уши оказываются красными).

赧颜汗下 (букв.: лицо становится красным, голова потеет).

背信弃义 (букв.: нарушить своё обещание).

不耻下问 (букв.: не стыдиться спрашивать у младших).

卑鄙无耻 (букв.: низменность и бесстыдство).

不劳而获 (букв.: получать выгоды без затраты труда).

坐享其成 (букв.: сидеть и наслаждаться результатами чужих трудов).

满面羞愧 (букв.: стыд находится на всем лице).

3) Пословицы и поговорки, связанные со стыдом, выражающие недовольство собой в китайском языке

脸红之人心不黑 (букв.: лицо краснеет, это доказывает, что сердце человека нечерное).

宁可无钱, 不可无耻 (букв.: лучше не иметь денег, чем не иметь стыда).

忍辱贪生不如死得光荣 (букв.: лучше умереть с честью, чем терпеть унижения и стыд).

脸皮厚 (букв.: у кого-то толстая кожа лица).

4) Словосочетания со словом «стыд», связанные со стыдом и выражающие недовольство собой в китайском языке

羞愧的泪水 (букв.: слезы стыда) (Фуцзянь, ежедневная газета).

2. Языковые единицы, связанные с совестью и выражающие недовольство собой.

1) Лексические единицы, описывающие недовольство собой в русском языке:

а) Глаголы:

совеститься

б) Прилагательные:

бессовестный

совестливый

в) Предикативное наречие:

совестно

2) Фразеологические единицы – метафорические осмысления понятия совесть, выражающие «недовольство собой» в русском языке

Глагольные:

договориться с совестью
заключить сделку с совестью
идти на компромисс со своей совестью
идти на сделку с совестью
иметь совесть
купить совесть
надеяться на совесть
облегчить совесть
поступить по/вопреки велению совести
потерять совесть
полагаться на совесть
продать совесть
с совестью советуется

совесть грызёт
совесть вынесла свой приговор
совесть зазрила
совесть запрещает
совесть зрела
совесть кричит
совесть молчит
совесть мучает
совесть не даёт покоя
совесть не позволяет
совесть требует
совесть увядает
терзает совесть

Именные:

без совести
голос совести
груз совести
искра совести
нечистая совесть
огонь совести
робкая совесть
свет совести
судья совести
укоры совести
чистая совесть

3) Пословицы и поговорки, связанные с совестью и выражающие недовольство собой в русском языке

Говори по делу, живи по совести.
Деньги потеряешь – можно нажить, а совесть потеряешь – беду узнаешь.
Как ни мудри, а совести не перемудришь.
Кто без совести живёт, тому пуце везёт.
Менять веру – менять и совесть.
Надо и совесть знать
Наперёд спросись у совести.
Не оттого бывает спокоен сон, что постель мягка, а оттого, что совесть чиста.
От человека утаишь, от совести не утаишь.
С совестью не разминуться
Стыд под каблук, а совесть под подошву.
Надо и совесть знать
От человека утаишь, от совести не утаишь.
Счастлив тот, у кого совесть спокойна.
Без рук, без ног – калека, без совести полчеловека.
Без совести всё позволительно.
Богатый совести не купит, а свою погубит.
Волосом сед, а совести нет.
Где говорят деньги, там молчит совесть.
Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука.
Добрая совесть – глаз Божий.
Добрая совесть не боится клеветы.
Есть слёзы – есть и совесть.
И в семьдесят лет, да совести нет.
Нечистая совесть спать не даёт.
Платье черненько, да совесть беленька.
Рожь кривая, да совесть прямая.
Соблазн велик – и совесть молчит.
Совесть не сосед, от неё не уйдёшь.
Совесть нужна, да не всегда полезна.
Совесть с молоточком: и постукивает, и послушивает.
Стыд – брат совести
У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится.
Хоть мошна пуста, да совесть чиста.
В ком стыд, в том и совесть.
Добрая совесть – глаз Божий.
Платье черненько, да совесть беленька.
У кого совесть не чиста, тому и тень кочерги – виселица.
У него совесть ещё в прошлом году в бутылке задохлась.
Именные:

2. 1 Лексические единицы, связанные с совестью и выражающие недовольство собой в китайском языке.

1) Лексические единицы, описывающие недовольство собой в китайском языке:

良心 (букв.: совесть, сущ.)

2) Фразеологические единицы, связанные с совестью и выражающие недовольство собой в китайском языке

申祸无良 (букв.: Если человек попадает в беду, то обозначает, что его поведение противоречит совести).

丧尽天良 (букв.: Совести нет совсем).

天地良心 (букв.: Совесть неба и земли).

人面兽心 (букв.: У него лицо человека, а сердце зверя).

灭绝人性 (букв.: Человек как зверь, выбросил разум и эмоции).

3) Пословицы и поговорки, связанные с совестью и выражающие недовольство собой в китайском языке

人靠好心，树靠好根 (букв.: Благодаря чистой совести, у человека счастливая жизнь, дерево растет красиво из здорового корня).

天下乌鸦一般黑，世上财主一般狠 (букв.: Вороны в мире такие же чёрные, как богатые люди в мире, нет совести).

凭良心说 (букв.: Говорить по совести).

蜜罐子嘴，秤钩子心 (букв.: Его слова как банка меда, а совесть как крюк на конце безмена).

咬人的狗不露齿等 (букв.: Злая собака не показывает свои клыки).

天可度，地可量，唯有人心最难知 (букв.: Можно измерить высоту неба и глубину земли, а совесть человека никак не можно распознать).

天凭日月，人凭良心 (букв.: Небо освещается солнцем и луной, а люди полагаются на совесть, чтобы вести лучшую жизнь).

亏心事莫作，枉法钱莫赚 (букв.: Не выполняй дела, которые совесть не разрешает, не зарабатывай нелегальным способом).

嘴甜心苦 (букв.: Слова сладкие, а совесть горькая).

良心被狗吃了 (букв.: Собака съела совесть).

最毒妇人心 (букв.: Совесть женщины – самая злая).

人心难测，海水难量 (букв.: Совесть человека как море, не получается измерить).

富不仁，为仁不富 (букв.: У богатого нет совести, добрый человек не богатый).

好酒红人面，财帛动人心 (букв.: Хорошее вино краснеет лицо человека, а богатство испортит совесть людей).

欺心犹怕鬼神知 (букв.: Человек, который обманывает свою совесть и хочет, чтобы бог и дьявол не узнали об этом).

心安茅屋稳 (букв.: Человек с чистой совестью спокойно живет в хижине).

命好心也好，富贵直到老 (букв.: Человек с чистой совестью будет богатый до старости).

3) Метафорические осмысления понятия совесть, выражающие недовольство собой в китайском языке

没有良心 (букв.: без совести)

忠于自己的良心 (букв.: быть верным совести).

拿出良心 (букв.: Выставить совесть).

有良心 (букв.: Иметь совесть).

良心的折磨 (букв.: Мучить совесть).

昧着良心 (букв.: Поступать против совести).

出卖良心 (букв.: Продать совесть).

良心发现 (букв.: Совесть заговорила).

良心受到腐蚀 (букв.: Совесть изъедена).

良心不允许 (букв.: Совесть не позволяет).

良心已烂 (букв.: Совесть сгнила).

人心本善 (букв.: человек рождается с доброй совестью).

狼心狗肺 (букв.: волчье сердце, собачьи лёгкие).

良心的声音 (букв.: голос совести).

良心负担 (букв.: груз совести).

良心债 (букв.: долг совести)

良心帐 (букв.: книга совести).

良心的审判 (букв.: суд совести).

良心的谴责 (букв.: укоры совести).

赤子之心 (букв.: чистая совесть).

3. Языковые единицы, связанные с честью и выражающие недовольство собой.

1) Лексические единицы, описывающие недовольство собой в русском языке:

а) Существительные:

бесчестье

почесть

честь

2) Фразеологические единицы, связанные с честью и выражающие недовольство собой в русском языке

Блюсти свою честь, достоинство как зеницу ока.

Запятнать честь

Утратить честь

беречь честь

задеть честь

лишить чести

оказать честь

оскорбить честь

профессиональная честь

терять честь

хранить честь

честь офицера

3) Пословицы и поговорки, связанные с честью и выражающие недовольство собой в русском языке

У кого честь верная, у того и служба примерная.

Где честь, там и правда

За бесчестье голова гибнет

Надежна та дружба, которую поддерживает честь.

Сегодня в чести, завтра ступай свиней пасти.

Без труда чести не получишь.

Живи своим умом, а честь расти трудом.

За правду да за честь – хоть голову снести.

Чем сломать свою честь, лучше сломать свою кость.

Честь ум рождает, а бесчестье и последний отымает.

Дураку мука, умному честь

3. 1. Языковые единицы, связанные с честью и выражающие недовольство собой в китайском языке.

1) Лексические единицы, описывающие недовольство собой в китайском языке:

а) Существительные:

荣誉 (букв.: честь, суц.)

2) Фразеологические единицы, пословицы и поговорки, связанные с честью и выражающие недовольство собой в китайском языке

Глагольные:

沽名钓誉 (букв.: не использовать бесчестные средства, чтобы получить честь).

名誉扫地 (букв.: полностью потерять честь).

3) Пословицы и поговорки, связанные с честью и выражающие недовольство собой в китайском языке

Глагольные:

雨水使大地青绿, 勤劳使人敬佩 (букв.: дождь делает землю зеленой, а труд дает честь).

小人殉财, 君子殉名 (букв.: злодей умирает за своё богатство).

Именные:

得失一朝, 而荣辱千载 (букв.: минутная выгода или потеря – это вопрос постоянной чести или позора).

4) Словосочетания, связанные с честью и выражающие недовольство собой в китайском языке

爱惜羽毛 (букв.: берегите перья).

维护荣誉 (букв.: блюсти честь) (Линь Ютань. Моя страна, 1935).

维护荣誉 (букв.: защищать честь) (Информационное агентство Синьхуа, 2001).

生以辱, 不如死以荣 (букв.: лучше умереть с честью, чем жить в унижении).

不要脸 (букв.: не знать стыда) (Большой китайский энциклопедический словарь).

丢脸 (букв.: потерять лицо) (Педагогический класс)

丢失荣誉 (букв.: потерять честь) (Народная газета, 2007).

职业荣誉 (букв.: профессиональная честь) (Китайская ежедневная газета, 1965).

我何面目见之 (букв.: у меня нет лица, чтобы их встретить) (Сыма Цянь, Исторические записи Сян Юя).

损失的荣誉 (букв.: утраченная честь) (Шэнь Цунвэнь, Пограничный город, 1934).

荣誉受损 (букв.: честь оказывается подорванной) (Народная ежедневная газета, 1988)

荣誉不容玷污 (букв.: честь не может быть запятнана) (Народная ежедневная газета, 2000).

军人的荣誉 (букв.: честь офицера) (Китайская ежедневная газета, 1997).

4. Языковые единицы, связанные с виной и выражающие недовольство собой.

1) Лексические единицы, описывающие недовольство собой в русском языке:

а) Глаголы:

винить(ся)

извинять

обвинять

повиниться

б) Существительные:

вина

виновник

виновница

виновность

провинность

в) Прилагательные

виноватый

невиновный

невинный

повинный

2) Фразеологические единицы, связанные с виной и выражающие недовольство собой в русском языке. Метафорические осмысления понятия вины, выражающие недовольство собой в русском языке

загладить вину

искупить вину

искупить вину кровью

облегчить вину

преувеличить вину

снимает вину

смягчить вину

усугубить вину

*чувство вины грызёт
чувство вины мучит
возложить вину на кого
снять вину с кого-либо
испытывать вину
признать вину
чувство вины
болезненное чувство вины
лёгкая вина
тяжелая вина*

2) Пословицы и поговорки, связанные с виной и выражающие недовольство собой в русском языке

*быль молодцу не укор
всякая вина виновата
повинился, да не отмолился; виной твоей мне ни обуться, ни одеться
повинную голову и меч не сечёт
пьяного грехи, да трезвого ответ
ушел, так прав, попался, так виноват
без вины виноват
без тучи гроза не грозит, без вины душа не дрожит
вина голову клонит
виноватый винится, а правый ничего не боится
Вали на серого, серый все свезет.
Виноватому кажется, что все про него говорят.
На одних и тех же грабли дважды не наступают
Кто виноват, тот и кается
Кто от рук отмотался, тот прав остался.
Не бей Фому за Ерёмину вину.
Попался, да отмотался / попался, да прав остался.
Уметь грешить, уметь и каяться.
Виновен да повинен – богу не противен.
Где все виноваты, там никто не виноват.
Горбатого могила исправит
За прощеную вину и бог не мучит.
Не о том речь, что виноватого сечь, а о том, где он.
По дважды и бог за одну вину не карает.
У мужа жена всегда виновата.
У правого уши смеются, а у виноватого язык уныл.*

4.1 Лексические единицы, связанные с виной и выражающие недовольство собой в китайском языке

1) Лексические единицы, описывающие недовольство собой в китайском языке:

过错 (букв.: вина, сущ.)

2) Фразеологические единицы, связанные с виной и выражающие недовольство собой в китайском языке

闭口不谈 (букв.: закрыть рот, ничего не говорить).

闭口藏舌 (букв.: закрыть рот и спрятать язык).

法不责众 (букв.: массовые проступки остаются безнаказанными).

倭过于人 (букв.: сваливать вину на других).

做贼心虚 (букв.: сердце виноватого всегда неспокойно).

3) Пословицы и поговорки, связанные с виной и выражающие недовольство собой в китайском языке

半夜敲门心不惊 (букв.: без вины, не будешь волноваться, когда в полночь кто-то стучит в дверь).

人贵有自知之明 (букв.: важно то, что человек должен знать себя).

过而不改，是谓过矣 (букв.: делать ошибки, но не исправлять их – вот настоящая вина).

若想人不知，除非己莫为 (букв.: если хочешь, чтобы не знали о твоих поступках, лучше не совершай их).

人不错成圣，马不错成龙 (букв.: если человек не делает ошибок, он становится святым человеком, если лошадь не делает ошибок, то он становится драконом).

江山易改，秉性难移 (букв.: легче сдвинуть горы и реки, чем изменить характер человека).

天网恢恢，疏而不漏 (букв.: небесная сеть широка, ячейки ее редки, а всё же никто не ускользнёт).

遇事不指责，凡事多体谅 (букв.: не вините, когда что-то плохое случается, постарайся решить вопросы с точки зрения другого человека).

知错改错不算错，知错不改错中错 (букв.: осознать вину и исправлять ее – это не ошибка; знать про вину и не исправлять ее – это большая ошибка).

知错能改，善莫大焉 (букв.: после того, как человек осознает вину, лучше всего уметь ее распознать).

酒醒不见烤鸭子-后悔莫及 (букв.: стал трезвым, а жареная утка потерялась – испытывать раскаяние в сделанном).

进了地府才伤心——来不及了 (букв.: только когда попадаешь в подземный мир, тебе становится грустно – уже слишком поздно).

聪明人不会在同一个地方摔倒两次 (букв.: умный человек не упадёт дважды в одно и то же место).

亡羊补牢 为时不晚 (букв.: чинить хлев, когда овцы сбежали – всё ещё не поздно).

清者自清，浊者自浊 (букв.: чистое – это чистое, грязное – это грязное).

4) Словосочетания, связанные с виной и выражающие недовольство собой в китайском языке

替死鬼 (букв.: гибнущий вместо виновного) (Словарь Ханьюй).

背黑锅 (букв.: нести на спине чёрную кастрюлю) (Гу Хуа, Город гибискусов, 1981)

承认错误 (букв.: признать свою вину) (Сюй Синье, Цзинь Оуке, 1985).

感到内疚 (букв.: чувствовать вину) (Ван Сяобо, Восточный дворец и Западный дворец, 2006).

3) Метафорические осмысления понятия вины, выражающие недовольство собой в китайском языке

Глагольные:

罪恶压迫着我 (букв.: вина меня мучит).

弥补过错 (букв.: компенсировать вину).

忠言逆耳利于行, 良药苦口利于病 (букв.: лекарство горькое, но действительно при болезни, правдивые слова режут слух, но помогают нам преодолевать неправильные действия).

纠正自己的错误是通往成功人生的重要阶梯 (букв.: умение управлять чувством вины – важная ступенька к успешной жизни).

Именные:

重大过错 (букв.: большая вина).

罪恶如同狡猾的狐狸 (букв.: вина подобна хитрой лисице).

赎罪 (букв.: искупление вины).

罪责深重 (букв.: тяжёлая вина) (Народная ежедневная газета, 1999).

5. Языковые единицы, связанные с завистью и ревностью и выражающие недовольство собой.

1) Лексические единицы, описывающие недовольство собой в русском языке:

а) Глаголы:

завидовать

ревновать

б) Существительные:

завидки

завистник

зависть

ревность

в) Прилагательные:

завистливый

ревнивый

1) Фразеологические единицы, связанные с завистью и ревностью и выражающие недовольство собой в русском языке. Метафорические осмысления понятия зависти и ревности

души наполнились завистью

зависть грызёт

зависть закипела в груди его (Салтыков, Щедрин)

зависть наполнила сердце его

разгорается в сердце зависть

ревнивая тоска

Синяя Борода

2) Пословицы и поговорки, связанные с завистью и ревностью и выражающие недовольство собой в русском языке
на чужое добро и глаза разгораются
Зависть прежде нас родилась.
В чужих руках ломоть велик / в чужом рте кусок велик.
Не корыстна, а завистна
Белая зависть лучше всего перекрашивается
Завидуя глаза не знают стыда.
Завистливое око видит широко (далеко).
Завистливый от зависти сохнет.
Лучше быть у других в зависти, чем в жалости.
Не ревнует батрак хозяйскому добру.
Очи видят, да зуб неймёт
От зависти пожелтел, от досады вспыхнул.
Позавидовала кошка собачьему житью.
Берут завидки на чужие пожитки.
Где счастье рождается, там и зависть плодится.
Глаза даны на пагубу человеку (что ни видят, всё бы захватили).
Глаза завидуящие руки загребуящие.
Железо ржа съедает, а завистливый от зависти погибает.
Завидливого и сон неймёт
Завидливому и свой хлеб не сладок.
Завидливы глазища колом тычут.
Завидливые глазки всё съесть хотят.
Завистливый сам себя мучит.
Завистливый сохнет о том, когда видит счастье в ком.
Завистнику и курица соседа гусыней кажется.
Зависть иметь – часто вздыхать.
Зависть по корысть, а корысть от зависти.
Завистью ничего не возьмёшь (не сделаешь).
Кто завидлив, тот обидлив
Лучше быть у других в зависти, нежели самому в кручине.
На чужое добро и глаза разгораются.
Не бери у попа денег взаймы: у завистливого рука тяжела.
Не зарься на чужое, своё береги.
Позавидовал бобыль беспашотному.
Позавидовал плешиный лысому (шелудивому).
Ревновать – не надобно много спать.
Чему позавидуешь, того сам берегись, чужому счастью не завидуй.
Чему позавидуешь, тому поработаешь.
В лихости и зависти нет ни проку, ни радости.
В чужих руках ноготок с локоток.
В чужой лодке всегда больше рыбки.
В чужой руке всё больше и лучше кажется.

Очи наши ямы, руки наши грабли.
Смех завистников не худое дело.
У зависти глаза рачьи
Хороша жена, да завистлива.
Чужая клеть пирогами пахнет.

2)

ревность – вселенский ужас и страх

5. 1 Лексические единицы, связанные с завистью и ревностью и выражающие недовольство собой в китайском языке.

1) Лексические единицы, описывающие недовольство собой в китайском языке:

嫉妒 (букв.: зависть/ревность, сущ.), 羡慕 (букв.: белая зависть, глаг.)

2) Фразеологические единицы, пословицы и поговорки, связанные с завистью и ревностью и выражающие недовольство собой в китайском языке
Глагольные:

妒火中烧 (букв.: необычное возбуждение и растерянность из-за зависти).

因妒生恨 (букв.: зависть к другим со временем перерастает в ненависть).

得陇望蜀 (букв.: овладев областью Лун, зариться на Шу).

Именные:

天妒英才 (букв.: Бог завидует способностям человека, он делает его судьбу суровой).

妒富愧贫 (букв.: завидует чужому богатству, стыдится своей бедности).

德高毁来 (букв.: плохие люди всегда завидуют и клеветают на людей с благородным характером).

垂涎三尺 (букв.: три фута слюны свисают изо рта – описание крайней зависти и желания присвоить чужое)

醋海翻波 (букв.: море ревности вздымает волны)

3) Пословицы и поговорки, связанные с завистью и ревностью и выражающие недовольство собой в китайском языке

Глагольные:

既生瑜何生亮 (букв.: ведь есть Чжоу Юй, с чего ещё и Чжугэ Ляну было появляться?).

有味之物，蠹虫必生；有才之人，谗言必至 (букв.: во вкусной еде всегда появляются мотыльки, у талантливых людей всегда появляется клевета).

木秀于林，风必摧之；堆出于岸，水必湍之；行高于人，众必非之 (букв.: если дерево красивее и выше всей рощи, ветер непременно сломает его; если курган земли выше берега, течение воды непременно смывает его; а если талант человека выше, чем у простых людей, его непременно оклеветают).

铁生锈则坏，人生妒则败 (букв.: железо портится, когда ржавеет, а человек плох, когда завидует).

枪打出头鸟 (букв.: когда охотник стреляет, он сначала нацеливается на птицу, летящую впереди стаи).

人怕出名猪怕壮 (букв.: человек боится известности, как свинья боится разжиреть).

树高招风 (букв.: чем выше дерево, тем больше вероятность, что его ударит ветер).

出头的椽子先烂 (букв.: первое, что вываливается из стропил, гниет).

2) Метафорические осмысления понятия зависти и ревности, выражающие недовольство собой в китайском языке

Глагольные:

妒火中烧 (букв.: в сердце горит огонь зависти).

Именные:

心里觉到嫉妒 (букв.: зависть в своем сердце).